

Институт археологии им. А. Х. Халикова
Академии наук Республики Татарстан
Институт археологии Российской академии наук

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ
БОЛГАРСКОГО ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО КОМПЛЕКСА

ТОМ I

Беляев Л. А., Елкина И. И., Лазукин А. В.

МАЛЫЙ ГОРОДОК:
ИССЛЕДОВАНИЯ 1981—1984
И 2011—2015 ГОДОВ

Казань—Москва
2018

УДК 902.2
ББК 63.4(2)
Б43

Книга утверждена к печати на заседаниях ученых советов
Института археологии им. А. Х. Халикова
Академии наук Республики Татарстан,
Института археологии Российской Академии наук

Рецензенты: Баранов В. С., кандидат исторических наук,
ИА им. А. Х. Халикова АН Республики Татарстан
Бочаров С. Г., кандидат исторических наук,
ИА им. А. Х. Халикова АН Республики Татарстан

Ответственные редакторы:
доктор архитектуры А. Г. Ситдинов
доктор исторических наук В. Ю. Коваль

Беляев Л. А., Елкина И. И., Лазукин А. В.

Б43 Малый городок Великого Болгара: исследования 1981–1983
и 2011–2015 годов / Материалы и исследования по археологии
Великого Болгара. Том. I. – Москва–Казань, 2018. – 136 стр., илл.

Книга открывает серию публикаций по археологии Болгарского городища (памятник включен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО). Она посвящена одному из самых загадочных ансамблей городища – большому укрепленному поселению, включающему несколько каменных сооружений. Его исследуют с XVIII века, но наиболее яркие материалы получены при раскопках ученых Москвы и Казани в конце XX – начале XXI века. Том содержит полный объем информации по объекту, включая аналитическую интерпретацию. Предназначен для специалистов – археологов, историков архитектуры и фортификации, религиоведов, специалистов по Татарстану и всех, кто интересуется культурой и историей Поволжья.

УДК 902.2
ББК 63.4(2)

ISBN 978-5-7659-1029-0

© Институт археологии им. А. Х. Халикова
Академии наук Республики Татарстан, 2018
© Институт археологии Российской
Академии наук, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

О серии 5

Глава 1. Введение. Краткое описание объекта 8

Глава 2. Письменные источники. Картография. История изучения.
Обзор работ 1980-х и 2010-х годов 11

Глава 3. Архитектурные объекты и погребальный комплекс 21

    3.1. Въездные ворота с минаретом 21

    3.2. Южное здание 30

    3.3. Здание с водоемом 40

    3.4. Мавзолей и кладбище 46

Глава 4. Валы, рвы и площадка городка 50

Глава 5. Проблемы интерпретации 52

Приложения:

Беляев Л. А. Проблема интерпретации и реконструкции
    архитектурно-археологических памятников
    средневекового Поволжья 61

Айдаров С. С.
    Интерпретация и реконструкция Малого городка
    как караван-сарая в системе рабата
    у южных ворот города Болгара 75

И. Р. Газимзянов, К. В. Кирягин, Е. В. Волкова, Н. Р. Рахматуллин
    Антропологическое заключение 78

Литература и архивные источники 92

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ

Ситдииков А. Г. (председатель совета)
Энговатова А. В. (председатель совета)
Беляев Л. А.
Валеев Р. М.
Коваль В. Ю.
Мухаметшин Д. Г.
Полубояринова М. Д.
Чернецов А. В.
Шарифуллин Р. Ф.

О СЕРИИ «МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ БОЛГАРСКОГО ИСТОРИКО- АРХИТЕКТУРНОГО КОМПЛЕКСА»

Болгарский историко-археологический комплекс является уникальным свидетельством исторической преемственности и культурного многообразия, сложившегося в Волго-Уральском регионе Восточной Европы. Ярким воплощением развитой цивилизации, существовавшей здесь непрерывно на протяжении нескольких столетий, стало государство Волжская Болгария. Культурные слои Болгарского городища отражают все этапы жизни памятника, основные события его истории, свидетельства материальной культуры. Всего идентифицировано семь культурных страт, представляющих собой ценнейшее археологическое наследие, ярко иллюстрирующее бытование поселений именьковской культуры в догородской период, а затем различные этапы жизни Болгара: возникновения, расцвета и упадка.

В XV веке город прекратил свое существование, однако парадигмы культуры и духовности, которые сформировались в годы его наивысшего подъема, определили характерные черты разнообразной и уникальной материальной и духовной жизни в этом геокультурном регионе на многие столетия вперед.

Занимая исключительно важное положение на Евразийском континенте, на пересечении торгово-экономических, культурных и политических коммуникаций, Волжская Болгария была узлом цивилизационных контактов между Востоком и Западом, оседлыми и кочевыми культурами, между мирами Леса и Степи. Это на века определило неповторимый облик региона, отразившийся на развитии архитектуры, технологий, монументального искусства, градостроительства, духовной культуры.

Начавшись с 1864 года, археологическое изучение Болгарского городища насчитывает уже более 150 лет. Непрерывные систематические программные исследования памятника ведутся археологами с 1938 г. За это время раскопами было вскрыто более 70 тыс. кв. м. При этом общая площадь археологической изученности культурного слоя городища не превышает 3%, что создает уникальную возможность для дальнейшего изучения, сохранения и музеефикации памятника.

Полученные в ходе исследований многочисленные данные позволили сформировать целостную картину материальной и духовной культуры города Болгара в различные периоды его жизни. Получены сведения об исторической и социальной топографии, динамике развития территории, строительстве, ремеслах, торговле, благоустройстве. Раскопками изучены культовые и общественные монументальные здания, ремесленные кварталы гончаров, косторезов, кожевников, металлургов,

кузнецов, районы жилой застройки, некрополи, оборонительные сооружения, колодцы, линии водопроводов, берегозащитные системы и т.д.

В 2010 г. по инициативе М. Ш. Шаймиева был создан Республиканский фонд возрождения памятников истории и культуры и принята Государственная программа Республики Татарстан «Возрождение острова-града Свияжск и Великого Болгара». Это стало началом нового этапа по изучению и сохранению памятников Болгарского городища.

Реализуемый проект имеет огромный исследовательский и практический потенциал, и уже закономерно способствует тесной координации исследователей различных специальностей из крупных научных центров России и мира, открывая беспрецедентные возможности комплексного историко-археологического изучения памятника. Масштабные междисциплинарные исследования объединили сегодня усилия ученых и специалистов Института археологии Академии наук Республики Татарстан, Института археологии Российской академии наук, Болгарского музея-заповедника, авторитетных исследователей ведущих научных академических и вузовских центров России и зарубежных стран.

В частности, благодаря проведенным в рамках этого проекта междисциплинарным исследованиям, основанным на неразрушающих методах обследования территории (аэрокосмические, геофизические, физико-химические исследования, ГИС, 3D моделирование и т.д.), на территории городища были локализованы ранее неизвестные средневековые архитектурные и археологические объекты. В последние годы исследователям удалось выявить средневековые кирпично-каменные здания, такие как «ханский дворец», гостиный двор, базар, мавзолеи и бани, обнаружить производственные сооружения, например металлургические и керамические горны, установить местонахождение известных по картографическим источникам мавзолеев у Малого городка и Бабьего бугра, получить сведения о планировке усадеб, создать базу данных и виртуальный проект Болгарского городища.

Важным направлением в междисциплинарных исследованиях стали работы по комплексному изучению сырьевой базы средневекового Болгара и проведению технико-технологического анализа ремесленной продукции болгарских мастеров и импортных изделий.

Археологические изыскания сопровождались масштабными архивными исследованиями, что позволило существенно дополнить корпус источников по истории Болгарского городища ранее не известными описаниями, картографическими материалами, обмерными чертежами архитектурных памятников, фотоматериалами.

Уникальные результаты этих исследований, безусловно, стали определяющими при принятии решения о включении Болгарского историко-археологического комплекса в 2014 году в Список объектов Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО.

Издания серии «Материалы и исследования по археологии Болгарского историко-архитектурного комплекса», несомненно, смогут стать значительным вкладом в изучение многоаспектных проблем археологии Болгарского городища. Эта работа рассчитана на глубокое и систематическое осмысление всех сведений, полученных за время изучения памятника, и носит монографический характер. Новизна ее заключается в том, что многие результаты изысканий, проводившиеся на памятниках комплекса, как в прошлом, так и в последующие годы, будут представлены ее создателями впервые.

Основанные на широкой источниковой базе, включающей помимо археологических, письменные, картографические, антропологические данные, а также результаты междисциплинарных исследований, материалы этой издательской серии позволят подойти к решению важной проблемы комплексной интерпрета-

ции и реконструкции объектов Болгарского городища, осознанию его роли и места в российской и мировой культуре в целом.

Появление нового издания связано с необходимостью продолжения работы по публикации материалов археологического изучения Болгарского городища и введения в научный оборот результатов полевой и аналитической работы по изучению Болгарского историко-археологического комплекса. Новая серия расширит возможности представления материалов научных работ по исследованию памятника и станет частью изданий по археологии городища, начатого в трудах Куйбышевской археологической экспедиции в 1954 году, а затем продолженного в 1987 году многотомным изданием «Город Болгар».

Объектом публикаций новой серии станут как материалы отдельных раскопок и других полевых работ, так и результаты аналитического исследования отдельных комплексов биологических остатков и категорий материальной культуры, полученных в ходе изучения памятника.

Издание открывает публикация итогов многолетних исследований одного из целостных архитектурно-археологических комплексов Болгарского городища – Малого городка. Этот объект был хорошо известен еще в XVIII в. по первым описаниям памятника и по сей день остается загадкой для ученых.

Археологические раскопки, начатые на этом памятнике в 1980-е годы Л. А. Беляевым, были продолжены под его руководством в 2000-е годы. Основой данной публикации стали обширные комплексные исследования Малого городка за многие годы. Целенаправленное изучение этого объекта выявило особенности его функционирования и место в структуре городища. Полученные сведения дают возможность оценить значение памятника и создать условия для обеспечения его сохранения и музеефикации.

Выход первого выпуска серии «Материалы и исследования по археологии Болгарского историко-архитектурного комплекса» кладет начало регулярной и системной публикации результатов археологических изысканий на территории Болгарского городища и связанных с этим памятником научных проблем. Последующие тома будут направлены на дальнейшее издание материалов раскопочных работ в Болгаре, расширят наши знания не только о Болгарском городище, но и об особенностях развития всей Восточной Европы в эпоху Средневековья.

ВВЕДЕНИЕ. КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ОБЪЕКТА

В этой книге собраны результаты исследований Малого городка – ансамбля каменной и земляной архитектуры, входившего в систему внешнего, последнего по времени строительства, обвода стены города Великий Болгар. Долго казалось, что после масштабных работ 1980-х гг. под руководством Л. А. Беляева в составе объединенной Болгарской экспедиции Казанского университета (рук. Т. М. Хлебникова), Института археологии РАН (рук. Г. А. Федоров-Давыдов), Болгарского историко-архитектурного заповедника и Татарской СНРПМ – к полученным сведениям о зданиях, планировке, конструктивном устройстве и функциях городка нечего будет добавить¹.

Другое дело, что многие вопросы оставались, в сущности, без ответа. Условным было буквально все, от даты и функции объекта до представлений о том, был ли в прошлом ансамбль завершен или дошел до нас недостроенным. Автору исследований 1980-х гг. ничего не оставалось, как, публикуя полевые обмеры, писать аналитические статьи и подбирать аналоги, взвешивая правомерность то одной, то другой гипотезы и совершенствуя методические подходы.

Возможность вернуться к исследованиям, представившаяся в 2011 году, вновь пробудила надежду на ответы. В истекшие десятилетия наука не стояла на месте. В полевую методику вошел детектор, что позволяло надеяться на сбор мелких и рассредоточенных металлических предметов, особенно монет. Существенно продвинулись общие представления об архитектуре Поволжья в золотоордынский период: было открыто множество новых памятников (в том числе на Болгарском городище) и появились аналитические сводки по истории архитектуры Золотой Орды (Э. Д. Зиливинская и др.). Наконец, выросло новое поколение археологов, получившее, благодаря исключительной активности архитектурно-археологических работ в последнюю четверть века, богатый опыт раскопок.

Новый инструментарий 2010-х годов действительно, во многом освежил материал. Была полностью и крайне скрупулезно доследована одна из главных каменных построек городка – Южное здание. Массированно проверялись выводы 1980-х годов, связанные с площадкой городища, его рвами и обваловкой. Более

¹ Работы проводились в составе Болгарского отряда Поволжской археологической экспедиции (руководитель экспедиции –

Г. А. Федоров-Давыдов, руководитель отряда – Т. А. Хлебникова). В работах принимал участие археолог-реставратор

А. Ф. Дубровин, историк архитектуры С. С. Попадюк и другие специалисты.

того, между восточными линиями периметра было открыто новое здание, на этот раз, несомненно, культовое – мавзолей с погребениями. Находки монет, пусть очень редкие, подтвердили возможность датировать памятник второй половиной XIV – началом XV столетия.

В целом эти результаты поддержали и уточнили выводы 1980-х годов. Рельефнее выступили черты религиозного назначения ансамбля или, по меньшей мере, его частей: мавзолея, Здания для омовений и минарета в западной башне ворот (обогащенный археологический контекст и сводки по минаретам Золотой Орды существенно укрепили именно такую интерпретацию башни).

Пришло время еще раз обобщить накопленный материал и представить данные 1980-х и 2010-х годов об этом незаурядном комплексе в их совокупности. В основу положена переработка публикационных и аналитических статей 1980-х гг., соединенная с отчетами о работах 2011–2015 гг. Их дополняет повторно публикуемая статья 1990 года о вариантах возможной реконструкции и функциональной трактовки объектов, о которых существуют только археологические данные. Она имеет общую методическую направленность, выходящую за пределы темы Малого городка (и вообще архитектуры Волжской Булгарии), но написана на материале формальной интерпретации его сооружений.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ОБЪЕКТА

Малый городок – архитектурный ансамбль в составе Болгарского городища, расположенный за пределами города XIV в, к юго-западу от южных въездных ворот, в 2 км от берега реки (вкл. 1, 2, 3). В плане городок образует, в версии Н. Ф. Калинина, неправильный шестиугольник или грубо очерченную трапецию. Городок имеет два замкнутых пояса укреплений, внешний и внутренний. Внешний периметр в плане вытянут по оси север – юг. Меньшей стороной он обращен к югу, повторяя в миниатюре план Большого городского вала, также треугольно-трапециевидного. Северной границей служит отрезок этого Большого вала (западная и восточная линии внешней обваловки Малого городка примыкают к нему у южных ворот Болгара, с западной стороны от них). Восточная линия вала внешнего периметра в северной части до последнего времени также сохраняется в рельефе, но остальные сильно распаханы.

Стороны внешнего периметра имеют следующую длину: восточная – 290 м, северная – 300 м (на некоторых планах, например, на плане 1974 г., с севера ошибочно показан никогда не существовавший внутренний вал), западная – 330 м (только ров, но вал, возможно, оплыл) и южная (вал и ров описаны в XIX–XX вв., сейчас не просматриваются). Въезд внутрь осуществлялся, вероятно, через проем в восточной части вала, где тот примыкает к валу городища, от северо-восточного угла (то есть с площадки, на которую выходили и южные ворота Болгара). На плане Н. Ф. Калинина 1932–1942 гг. между северной стороной обваловки городка и насыпью Большого вала Болгара показана соединяющая их прямая линия еще одного, неширокого, вала, проходившего в направлении с севера на юг (ориентировочно – по оси западного пилона ворот). Он как бы разделяет зону между линиями периметров на западную и восточную половины, оставляя для прохода (проезда) в западную часть городка проем вдоль стены западного пилона, в котором имеется проем у самых ворот Малого городка. Эта линия не прослеживалась в натуре уже в 1980-х годах (перерезана современным шоссе).

Меньший, внутренний, обвод укреплений вписан в наружный контур, с сильным сдвигом ко въезду, к северо-восточному углу городка. В плане это неправильный четырехугольник, стороны которого почти параллельны внешним линиям укрепления и образованы рвом без вала. Отсутствие вала, также как и других укреплений

по краю рва, подтверждают несколько разрезов и зачисток. Длина северной и восточной сторон «малого периметра» – 105 м, южной – 90 м, западной – 106 м. Внутри рва хорошо задернованная, ровная, наклонная к югу площадка, в прошлом распахивавшаяся.

Въезд на эту центральную площадку, внутрь контура рва, возможен только через монументальные двухбашенные каменные ворота, уникальные в болгарской и вообще в ордынской архитектуре. Они обращены на Булгар и разрывают северную сторону внутреннего периметра примерно посередине. Ворота имеют широкий проезд – около 4 м.

На противоположной воротам южной стороне рва, на его границе, находятся остатки еще одного каменного сооружения, получившего в прошлом условное название «бастион», а впоследствии Южное здание. Эта крупная прямоугольная постройка, вероятно, мыслилась как центр всей композиции.

При въезде, между внешним и внутренним углами укреплений, в северо-восточном углу городка находится каменная постройка, определенная как Здание для омовений (Здание с водоемом).

На восточной линии периметра, между внешним валом и внутренним рвом, ближе к последнему и к северному углу, размещался небольшой мавзолей, площадку которого дополнительно окружал неглубокий ров.

Внутри малого периметра никаких сооружений и следов освоения нет, за исключением поздней распашки.

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ. КАРТОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ. ОБЗОР РАБОТ 1980-х И 2010-х ГОДОВ

Впервые комплекс городка упомянут в 1712 г. описью дьяка Михайлова еще без привычного нам названия, под № 19–21: «*Да у другова конца того ж поперечника, за валом же, три палаты, две стоят одна против другой, развалились до половины, а третья особо от них, в десяти сажнях, развалилась вся*» (по: Невоструев, 1871, с. 539, 540). Топоним *Малый городок* возник, вероятно, позже, от сравнения со всем городищем Великого Болгара, и сначала им пользовались как именем нарицательным.

Необычность расположения этого объекта, обманчивая ясность планировки, читавшейся и без раскопок, привлекали внимание ученых уже в XVIII веке. Материал по публикациям XVIII–XIX вв. собран у С. М. Шпилевского, а позже в специальных частях работ А. С. Башкирова и В. Ф. Смолина². Из иконографических материалов следует отметить известный план городища 1827 г. и помещенный в одном с ним альбоме литографированный лист с зарисовками руин Малого городка работы А. Шмита³ (вкл. 4).

План Малого городка составлял обязательную часть всех общих съемок городища в XIX–XX столетиях⁴, и без его упоминания не обошелся ни один из общих трудов по истории Болгара. Особенно важными являются сводные планы: села с развалинами болгарской столицы, составленный в конце XIX в. по планам Шмита, Штрауса, Савенкова и др. (вкл. 5) и Болгарского городища, насыщенный деталями археологических наблюдений (составлен Н. Ф. Калининым в 1932–1942 гг., вкл. 6).

Однако, несмотря на обилие планов и описаний, конкретные сведения о Малом городке они представляют довольно скудные, поскольку их авторы ограничивались в основном осмотром комплекса и натурными съемками. Различия в ситуа-

² См.: Шпилевский С. М. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877. С. 229–233; Башкиров А. С. Памятники булгаро-татарской культуры на Волге. Казань, 1929. С. 14–24; Смолин В. Ф. По развалинам древнего Болгара. Казань, 1926. С. 17.

³ Архитектурные чертежи развалин древних Болгар. Сняты с натуры архитектором А. Шмитом. 1827 г. Грав. В. Турин. М., 1832. Л. 12, № 16.
⁴ См.: Собрание карт, планов и рисунков к трудам Первого археологического съезда. М., 1871. Табл. X; Материалы для этнографии России: Казанская

губерния. Казань, 1870. Т. 1. С. 37–38 и след. В настоящее время готовится выпуск специального тома картографического наследия Татарстана, в который войдут все карты Болгара, на которых показан Малый городок.

циях, фиксируемых планами, всегда довольно значительны – их определяют примененные методы съемки, заданная точность и цели, с которыми она производится.

Некоторые планы не показывают даже внутренний периметр городка. Так, его нет на плане XVIII в. из фонда 846 (оп. 16, д. 21708), вообще очень неточном, где каменные постройки показаны четырьмя значками, а пункт 5 в экспликации объясняет, что это «разные развалившиеся здания». Если точки расставлены по наблюдениям, то ими обозначены Южное здание, Ворота и Здание с водоемом. Четвертый значок поставлен за дорогой, где зданий в натуре не открывалось. Внешний обвод Малого городка показан ломаной под тупыми углами линией, образующей не трапециевидную фигуру, а многогранник, причем дорога на юг делит его (в отличие от современной) приблизительно пополам, проходя прямо через комплекс. Поверхность внутри линии показана однообразно, как заросшая мелкой растительностью или травой (вкл. 7).

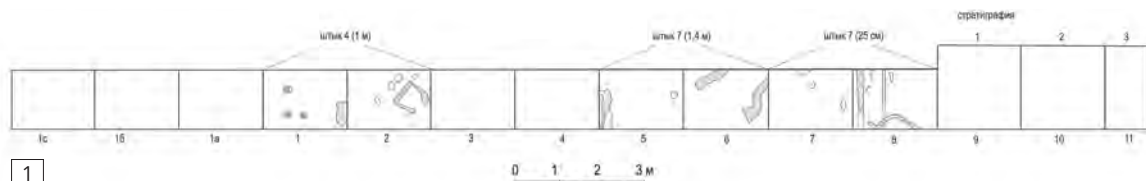
Карта XVIII в. Казанской губернии (вкл. 8), послужившая основой для изданного позже варианта «Карты Болгарского городища XVIII века» (вкл. 9), ориентирована на восток и показывает городок не в виде трапециевидной фигуры (как в действительности), а близким к равностороннему треугольнику. Здесь внутренний обвод показан и надписан как «малый вал», в нем обозначены две руины (с надписью «палаты обрушились»); еще две руины показаны снаружи: сразу при северо-западном угле внутреннего обвода (возможно, здесь, не совсем на своем месте, обозначили башню с винтовой лестницей?) и далее, почти по линии продленной диагонали и почти посередине между валом городища и внутренним обводом. Еще две точки, вероятно тоже руины, не подписаны, но помещены у самого вала городища: одна примерно посередине отрезка, попадающего внутрь Малого городка, а вторая – снаружи от восточного угла схода валов городка и городища. Важная особенность этого плана – прямая линия внутри треугольника Малого городка, отходящая от вала городища и также подписанная: «валь». Она имеет направление примерно на центр северной линии внутреннего обвода, до которой существенно не доходит. Выше описанные руины, помещенные между валами Малого городка, оказываются западнее этого странного вала, а вероятная руина при валу городища, отмеченная точкой «D» – наоборот, восточнее, в самом углу между ними. Отметим, что этот внутренний вал, в отличие от всех руин, в перечерченном варианте XIX в. не показан. Интересно, что на плане XVIII в. (и, соответственно, на его копии) нет никакой дороги на юг от Болгара, а также не обозначены разрывы в валах городища и городка.

Наконец, третья группа связана с литографированным планом А. Шмита 1827 года (вкл. 10, 11, 12). На нем трапециевидность Малого городка и его вытянутость вдоль южной дороги четко выражены, а внутренний обвод получил присущую ему правильность. Более того, в этой серии чертежей есть важные детали, указывающие на близость плана к реальности: в линию внутреннего обвода включены Южное здание и Ворота (причем первое несколько отнесено внутрь от линии рва), а вдоль восточной стороны обвода, ближе к северному углу, показана прямоугольная обваловка и руины мавзолея, недавно открытого нашими раскопками. На этих планах отмечен также прямой отрезок вала, идущего от городского вала к Воротам, знакомый нам по карте XVIII века. Обращает на себя внимание, однако, отсутствие Здания для омовений и то, что весь внутренний обвод и зона к северу от него, между валами, образуют на планах четко выделенный зеленый прямоугольник, помеченный дополнительно регулярно расставленными значками деревьев или кустарников. По-видимому, это выгородка для сада или огородов.

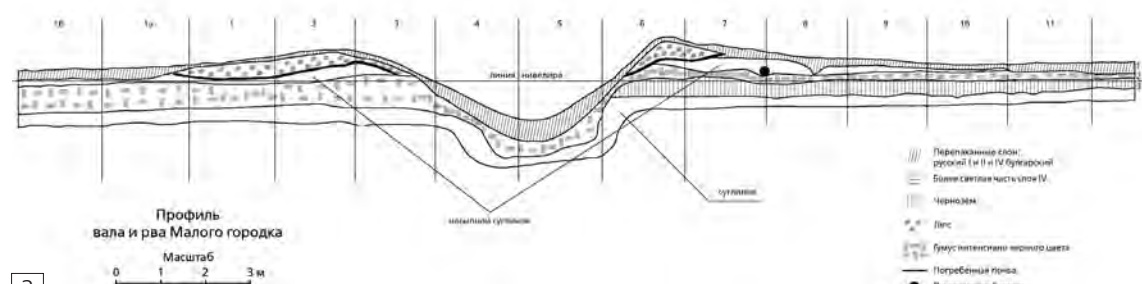
Раскопки

Первые раскопки Малого городка провели в 1893 г. И. Н. Смирнов и А. И. Александров, начав расчистку руин каменных зданий. Велась ли при этом фиксация и где

1

2

1. План раскопа вала и рва Малого городка. Раскопки 1946 г. (рук. О. С. Хованская)

2. Профиль вала и рва Малого городка. Раскопки 1946 г. (рук. О. С. Хованская)

ее результаты – неизвестно. Сохранилось краткое описание, но В. Ф. Смолин указал, что работы не были доведены до конца, а В. В. Егоров назвал их «разрозненными и поспешными»⁵.

Археологические исследования 1946 г.

Экспедиция А. П. Смирнова затронула Малый городок небольшими работами в 1946 г.⁶ Их результаты были частично опубликованы⁷. В план экспедиции входило обследование только внутренней линии укреплений Малого городка. Площадь вскрытия, указанная в отчетной документации, – 57 м², причем даны размеры: «траншея была шириной 1,5 м и имела протяженность 32 м. Непосредственно к траншее примыкал шурф длиной 4,5 м, шириной 2 м, заложенный для выяснения стратиграфии». Но приложенные к отчету чертежи показывают несколько иную картину: траншея здесь имеет протяженность 22 м, и к ней примыкает шурф размерами 5×2 м; соответственно, общая площадь вскрытия существенно меньше, 43 м² (рис. 1). Ближе к этой цифре, хотя все же иная, площадь (48 м²) названа в общем обзоре полевых исследований Болгарского городища⁸.

Так или иначе, траншея была заложена в 18 м к востоку от развалин въездных ворот, по оси север–юг, прорезав внутренний ров и прилегающие к нему площадки. При этом удалось зафиксировать профиль рва с наклонными стенками и дном чашевидной формы, выбросы грунта на его бровке, образовавшие невысокие валы и слой строительного мусора в верхней части профиля. Этот слой, по мнению исследователей, мог служить для дополнительного укрепления гребня вала⁹. В основании выбросов из рва, на уровне дневного горизонта строительства, прослеживались остатки деревянных конструкций – редкие столбовые ямки, сгнившие бревна, соединенные под прямым углом, полосы темно-серого гумуса шириной до 14 см, идущие параллельно кромке рва с его южной стороны (рис. 2).

⁵ Егоров В. В. Ближайшие работы по изучению и охране архитектурных памятников древних Болгар // Материалы по охране, ремонту и реставрации

памятников ТССР. Казань, 1927. Вып. 1. С. 34.

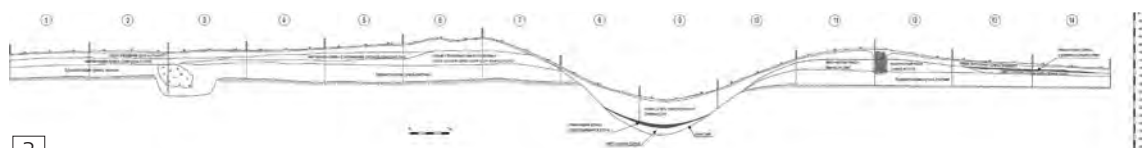
⁶ Рук. работ О. С. Хованская.

⁷ Смирнов, 1954. С. 317–318.

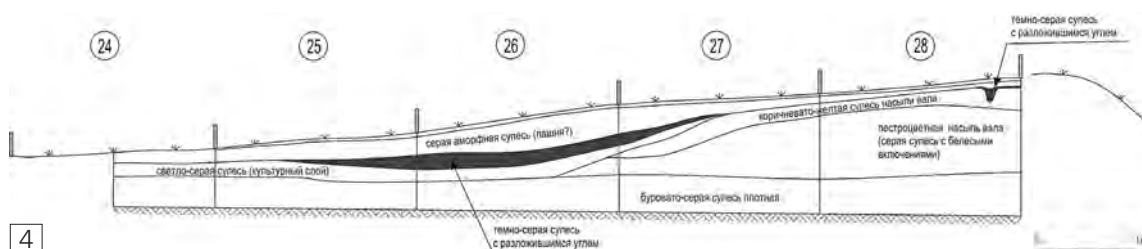
⁸ Стратиграфическая шкала и опись раскопок

на Болгарском городище // Город Болгар. Монумен- тальное строительство, архитектура, благоустрой- ство. М., 2001.

⁹ Смирнов, 1947. С. 10.

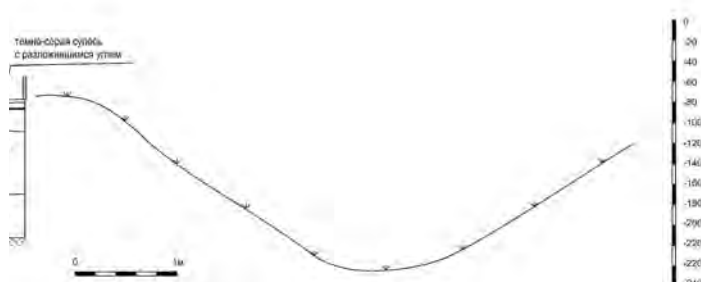
3

4

3. Болгары 1981 г. Раскоп LXXIX.
Общий профиль северной стенки.
Квадраты 1–14

4. Болгары 1981 г. Раскоп LXXIX.
Общий профиль северной стенки.
Квадраты 24–28

На дне рва фиксировались мощные отложения гумуса, поэтому исследователи предположили заполнение рва в болгарскую эпоху водой, считая, что «источником водоснабжения могло служить озеро, совершенно заросшее в настоящее время кустарником. Оно находится в 100 м от Малого городка в западном направлении»¹⁰.

Примыкавший с южной стороны вплотную к траншее шурф размером 5,0×2,0 м позволил подробнее изучить стратиграфию участка. Она выглядела следующим образом: верхний перепаханный горизонт мощностью до 25 см – это переотложенные I и II русские слои и частично IV болгарский слой с единичными находками измельченной керамики, костей животных и угольками. Ниже залегает непо потревоженный IV болгарский слой мощностью до 20 см. Его подстилает темно-серый, почти черный, комковатый чернозем «ореховатой» структуры мощностью до 40 см. Ниже лежал желтовато-красный материковый суглинок.

Во время работ было собрано очень небольшое количество материала. Типичной и преобладающей являлась болгарская керамика, представленная фрагментами толстостенной посуды (0,6–0,9 см) темно-коричневого цвета, выработанной из плохо промешанной глины, с включением песка среднего и слабого обжига. Орнамент линейный, линейный с углублениями, нанесенный чеканом круглой, четырехугольной и лунообразной формы. Кроме того, среди находок имелись кости животных.

Та же экспедиция провела архитектурные обмеры и определила характера кладки основания въездных ворот: перед обмерами были частично расчищены основания башен и заложен небольшой раскоп для изучения фундамента. Он состоял из нерегулярных камней, был сложен насухо на глубину более 2 м, а площадью несколько превосходил основание башни. При расчистке находок было мало, в их числе обломок селадона и кусок меди, а также фрагменты местной керамики (характерен

¹⁰ Смирнов, 1947. С. 65.

край толстостенного сосуда баночной формы с носиком, с волнообразными горизонтальными углублениями на поверхности)¹¹. К сожалению, графический материал в отчете не представлен. Работу 1947 года помешали закончить дожди и недостаток времени.

Археологические исследования 1981–1984 гг.

Наиболее обстоятельные и информативные исследования проводились в 1981–1984 гг. Болгарским отрядом Поволжской археологической экспедиции (состав см. выше). За четыре полевых сезона на территории Малого городка было вскрыто 844 м² общей площади. Раскопками изучались три монументальных сооружения: двухбашенные проездные ворота, здание для омовений и Южное (трехкамерное) здание. Траншеями были прорезаны оборонительные сооружения: внешний и внутренний рвы, частично – внешний вал; изучена стратиграфия (вкл. 1).

Первая траншея с целью исследовать укрепления Малого городка была заложена в 1981 г. в восточной части комплекса (раскоп LXXIX, ширина 2 м, протяженность 56 м; 28 квадратов), поперек внутреннего рва (1–14 квадраты), и продолжена с расчетом перерезать хотя бы внутренний склон восточного (внешнего) вала (24–28 квадраты). Средняя часть траншеи при этом не вскрывалась¹².

Нивелирование поверхности показало, что центральная площадка комплекса, обведенная внутренним поясом укреплений, незначительно возвышается над поверхностью (на 20–30 см) между внешним и внутренним поясом укреплений с восточной стороны. По сторонам внутреннего рва имеются валообразные всхолмления, причем высота внутреннего «вала» на 20 см выше внешнего (рис. 3, 4).

Культурный слой центральной площадки комплекса достигает мощности 40 см. Его верхний горизонт, представляющий собой темно-серую супесь, сильно переработан пахотой на глубину до 20 см. Ниже залегает слой светло-серой супеси (10–20 см), которую подстилает материковый суглинок. К этому слою приурочена супесчаная прослойка с древесным углем, которая зафиксирована как на дневной поверхности «валов», так и на дне рва. Предполагалось, что она могла образоваться вследствие сгорания деревянных конструкций укреплений¹³. Кроме того, в придонном заполнении рва отмечены следы строительства – включения извести и белокаменной крошки. Находки в этих слоях представлены единичными фрагментами сильно измельченной керамики.

Работы 1982–1984 гг. были сосредоточены на раскопках архитектурных объектов, входивших в прошлом в уникальный строительный комплекс: развалин Южного здания (раскоп LXXX, 1982, 1984 гг.), въездных ворот (раскоп LXXXVII, 1983–1984 гг.) и Здания для омовений (раскоп LXXXIX, 1983 г.).

План внутреннего четырехугольника Малого городка имел продольную композицию, ось которой, ориентированная примерно в направлении север–юг, замыкалась с севера воротами, а напротив них – Южным зданием (см. вкл. 1).

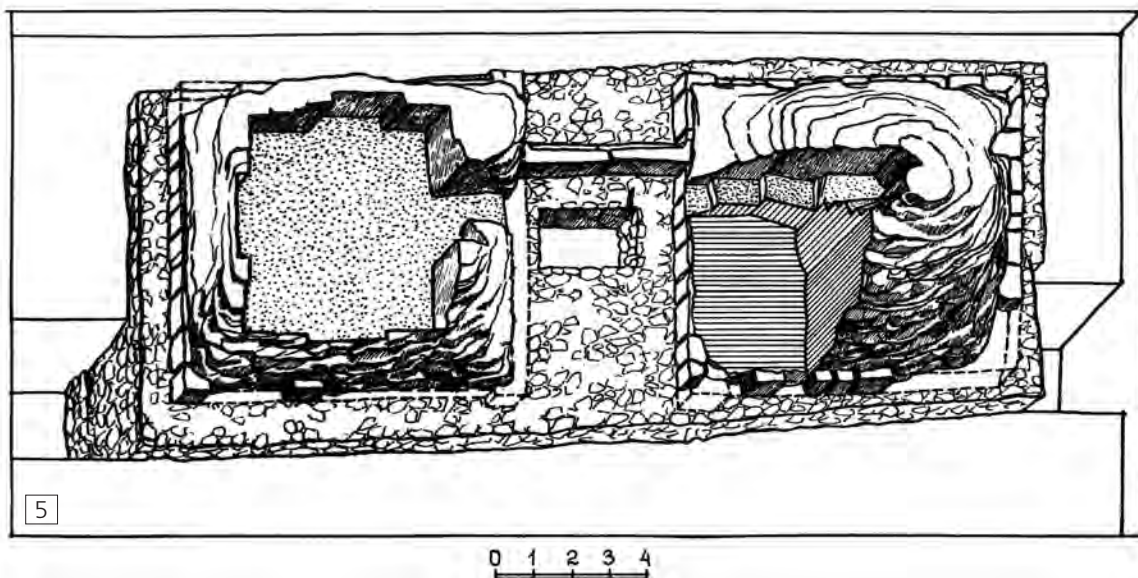
Монументальные двухбашенные створчатые ворота с широким, более 4 м, проездом служили композиционным центром и высотной доминантой ансамбля. Поставленные примерно посредине обращенной к городскому валу северной стороны внутреннего четырехугольника, они были встроены в линию рва (вкл. 13, 14).

Башни-пилоны, симметрично фланкировавшие проезд, близки в плане к квадратам (8×9 м). Западный пилон скрывал в своей монолитной толще крутую винтовую лестницу типа минаретной (сохранилось пять нижних ступенек, сейчас они отреставрированы и по ним можно подняться). Нижний ярус восточного пилона целиком занимало помещение зального типа площадью до 29 м² (5,25×5,50 м). По осям его стен располагались широкие и плоские ниши, завершавшиеся, вероятно,

¹¹ Смирнов, 1947. С. 9–11, 61–65.

¹² Хлебникова, 1982. С. 55–57.

¹³ Там же. С. 58.

стрельчатыми арками. Перекрытие зала было сводчатым (фрагменты кладки свода сохранились в завале). Вероятно, над проемом ворот в прошлом имелся переход, соединявший оба пилона. Не исключено, что этот второй ярус представлял собой не открытую площадку, а ряд помещений.

Внутри пилонов попадали из проезда ворот по узким коридорам со слегка поднимающимся полом. Их входы располагались на боковых фасадах башен строго друг против друга, причем *снаружи* от линии створок ворот, отнесенной в глубину проезда, что не характерно для фортификационных сооружений. Четверть для воротных полотнищ вырублена в камнях, наоборот, изнутри, так что створки распахивались внутрь периметра (рис. 5).

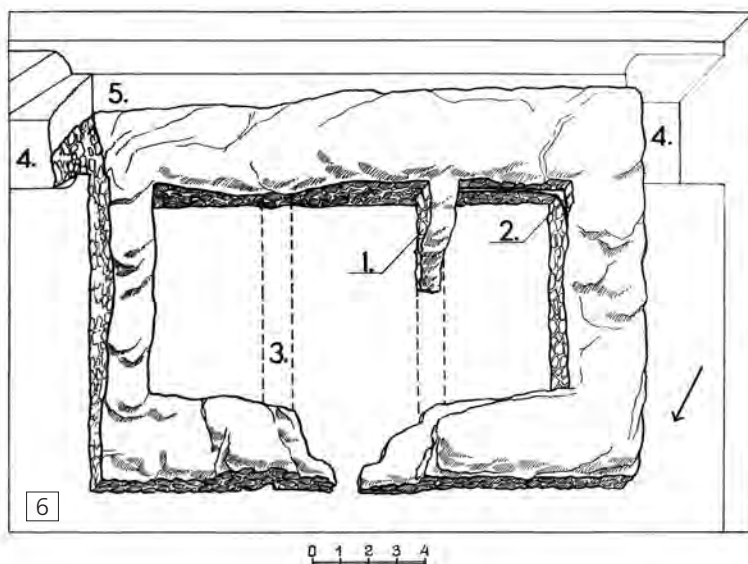
Обе башни опирались на цоколь, образованный лентой крупных каменных блоков высотой около полуметра, с бутовой заливной кладкой изнутри, которая поднималась и выше. В ней слои мелких камней заливали толстыми уровнями раствора, а внешние поверхности выкладывали из камней природной формы путем подбора. Затем стены покрывали толстым слоем алебастрового раствора, который скрывал своей белоснежной поверхностью все неровности и придавал граням правильность и остроту. Этот же раствор применялся в отделке помещений.

В уровне сохранности гладкая поверхность стен разбита только узкой полочкой цоколя и парными выступами-пилястрами на углах проезда. Декор был применен крайне скупо или вообще отсутствует – ни изразцов, ни резьбы по камню или ганчу не найдено. Башни покоились на фундаментах весьма сложной и разнообразной конструкции (см. ниже).

Вторая монументальная постройка Малого городка, Южное здание, располагалась на противоположном, южном, фасаде четырехугольника, против проезда ворот, хотя и не точно по оси. Это сооружение вытянуто длинной стороной по направлению рва и также встроено в его линию. Его размеры по фундаментам 19,1×13,15 м. Здание внутри делили легкие поперечные перегородки. Оно могло быть перекрыто сводом коробового типа, о чем свидетельствует значительное превышение ширины продольных стен над торцовыми. Основания стен представляются достаточно мощными для того, чтобы нести постройку в два этажа. Вход в здание с внутренней площадки периметра располагался посередине северной стены. Он вел, ступенчато расширяясь, внутрь средней камеры. Фундамент здания ленточный, двухуровне-

5. Остатки въездных ворот
в раскопе LXXXVII. Аксонометрия

6. Остатки Южного здания
в раскопе LXXX. Аксонометрия.
1 – остатки западной перегородки;
2 – лицевая кладка; 3 – возможное
положение восточной перегородки;
4 – ров городища; 5 – ров южного
фундамента

вый. Наружная южная стена была дополнительно укреплена лентой фундамента, заложенного в специально отрытый ров, по глубине соответствовавший рву четырехугольника (рис. 6).

Еще одно из изученных в 1980-е гг. сооружений городка, названное Зданием для омовений, самое маленькое (5,2×5,3 м). Оно, несомненно, связано с въездом на городок и поставлено так, что миновать его по пути к каменным воротам невозможно.

Это павильон с нишей михрабного типа, обозначенной на наружном фасаде контрфорсом (ориентировка оси 242° ЗЮЗ). Внутри к нише примыкают периметральные пристенные суфы из каменной забутовки, обмазанной раствором. Перед ней в полу, в уровне основания ниши, устроен небольшой квадратный водоем (резервуар), расположенный, как и ниша, по оси сооружения. В павильон вел широкий проем в противоположной (северо-восточной) стене. Резервуар, вероятно, предназначался для очищающих омовений религиозного или символического ритуального характера, совершавшихся перед вступлением на более значимую в сакральном или ином смысле территорию центрального четырехугольника, а, возможно, также для отдыха и размышлений, тесно связанных в представлениях мусульман с культом воды (вкл. 15).

Подробнее результаты этих работ представлены ниже, в разделах, посвященных архитектурным объектам. Следует отметить, что параллельно научному полевому исследованию памятников в 1980-х годах была начата консервация вскрываемых кладок, содержащая элементы реконструкции (архитектор Р. Билялов). Так, на Здании с водоемом были укреплены все кладки, стены надложены, заново перекрыт пол, временно реконструированы суфа и водоем; активно реконструировались и пилоны ворот.

В 1982 г. с целью изучения стратиграфии и выявления возможных объектов на центральной площадке была заложена траншея шириной 2 м, длиной 16 м в направлении север–юг (см. вкл. 1). Но ни остатков архитектуры, ни следов жизнедеятельности человека на площадке обнаружено не было.

Вообще, при обследовании Малого городка не выявлено никаких следов производственной или хозяйственной деятельности, за исключением строительной, направленной на создание парадного, репрезентативного архитектурного ансамбля.

Результаты работ были полностью представлены в серии статей¹⁴, последняя из которых – базовый суммирующий текст, позднее неоднократно публиковавшийся¹⁵. Выводы 1980-х годов сохраняют значение, но существенно дополняются результатами новых исследований в 2010-х гг.

Археологические исследования 2011–2015 гг.

Несмотря на широкие исследования 1980-х годов, многие вопросы оставались открытыми. Недостаточная сохранность архитектурных сооружений, почти полное отсутствие материала и самого культурного слоя делают спорными представления о назначении и композиционно-архитектурных особенностях комплекса. До сих пор бытует ряд противоречащих или дополняющих друг друга гипотез о роли ансамбля Малого городка (феодальный замок, внешний форт Болгара, караван-сарай).

В 2011–2015 гг. археологические работы на территории Малого городка возобновились как охранные (проведены группой сотрудников Отдела археологии Московского периода ИА РАН). Они явились частью масштабного проекта по комплексному изучению территории Болгарского городища в рамках программы по сохранению памятников культурного наследия Республики Татарстан. Исследования затронули южную, северо-восточную и центральную части ансамбля: исследованы ранее не копавшиеся части Южного здания; были выявлены остатки ранее не известного каменного погребального сооружения (мавзолей с погребениями внутри); частично изучен северо-восточный угол внутреннего рва¹⁶.

При дополнительных исследованиях Южного здания (2011 г.) были полностью расчищены его фундаменты и основания стен как с внутренней, так и с наружной стороны, причем заново открыты участки, на которых уже проводились исследования в 1981–1984 гг. (общая вскрытая площадь составила 425 м²). Это позволило провести полную натурную графическую и фотофиксацию, архитектурно-археологические обмеры, исследовать характер кладок, зафиксировать стратиграфию слоя в непосредственной близости от фундамента (вкл. 16).

На следующем этапе, в 2012 г., исследовалась центральная часть ансамбля Малого городка с целью выявить любые объекты антропогенного происхождения. Выбор мест для раскопов был определен данными геофизиков, которые выявили ряд аномальных отклонений от общих фоновых показателей (см. вкл. 1). В северо-восточной части Малого городка заложен раскоп CLXXX квадратной в плане формы площадью 36 м² (6×6 м). В центральной части комплекса – протяженный раскоп площадью 88 м² (траншея 4: 22,0×4,0 м), ориентированный длинной стороной с запада на восток. На схеме, полученной от геофизиков, геоаномалия здесь выглядела как вытянутая линза в направлении северо-запад – юго-восток, длиной не менее 15 м и максимальной шириной около 5 м. Траншея должна была разрезать эту аномалию в центральной части. В 15 м к западу от северо-западного угла Южного здания и в 20 м к востоку от западного рва памятника был заложен прямоугольный шурф № 1 площадью 20 м² (10×2 м).

Ни на одном из заложенных раскопов архитектурных остатков или других объектов антропогенного происхождения обнаружить не удалось. Установлено, что центральная площадка попала в зону сельскохозяйственного освоения и интенсивно распаивалась в позднем Средневековье и в Новое время. В основании гумусового слоя, мощность которого достигает 40 см, выявлены признаки пахотного горизонта. Находки из этого слоя единичны – измельченная красноглиняная

¹⁴ Беляев, 1986, с. 127–142 (Здание для омовений); Он же, 1990а, с. 49–79 (проблемы функциональной интерпретации); он же,

1990 б (опыт художественной реконструкции).
¹⁵ Он же, 2001, с. 261–294. Английский перевод: Belyaev, 2015. P. 258–267.

¹⁶ Предварительные публикации: Беляев, Елкина, 2015, с. 106–107; Беляев, Елкина, Лазукин, 2015, с. 452; Елкина, Лазукин, Беляев, 2014, с. 22–24.

керамика XIV–XVI вв., обломки фаянсовой посуды XX в., разрозненные кости животных.

В 2013 г. охранные работы проводились в восточной части Малого городка, между линиями его внутреннего и внешнего периметров (выбор места для раскопов диктовала необходимость устройства здесь пешеходных дорожек). Раскоп СХС (рук. работ В. Ю. Коваль) в виде траншеи шириной 2,0 м тянулся от Здания с водоемом в южном направлении на 86 м. В нем были зафиксированы остатки сильно разрушенного каменного сооружения, после чего траншея была развернута в раскоп СХСVII и дальнейшие исследования проводились под руководством И. И. Елкиной.

Первоначально раскоп СХСVII (площадь 520 м²) имел прямоугольную форму (26×20 м) и был ориентирован длинной стороной по оси запад–восток. Затем были добавлены новые участки: к юго-западной части 24 м², а к северо-западной 56 м², так что общая площадь исследованного участка составила 600 м² (вкл. 17). Удалось выявить остатки погребального сооружения – мавзолея, к сожалению, практически полностью разрушенного. Это была прямоугольная в плане, однокамерная постройка размерами 7,4×6,2 м, на каменном основании, почти не заглубленном в грунт, поставленном практически на уровень почвы. В его внутреннем объеме исследованы пять погребений, совершенных по обряду ислама в грунтовых ямах прямоугольной формы; некоторые погребенные находились в деревянных гробах ящичного типа.

Мавзолей был огражден и как бы пригорожен к внутреннему периметру: с южной и восточной сторон от мавзолея, на расстоянии 6 м, проходил довольно заметный ров шириной 2,0 м и глубиной около метра, а с западной стороны зафиксирована частокольная канава, которая может интерпретироваться как остатки ограды. В результате мавзолей получил довольно обширный собственный дворик.

Целенаправленно проводились исследования устройства периметров Малого городка. В 2013 г. на его восточной стороне были разрезаны траншеями внутренний и внешний рвы (раскопы СХСVIIIa и СХСVIIIb; в обоих случаях выбор места разреза диктовала необходимость проведения охранных раскопок¹⁷. Раскопы ориентированы длинной стороной по линии запад–восток с небольшим отклонением к северу (см. вкл. 1)

Раскоп СХСVIIIa (площадь 32 м², 16×2 м, в 35 м к югу и юго-западу от юго-западного угла раскопа СХСVII) разрезал внутренний ров по линии запад–восток. Раскоп СХСVIIIb (площадь 24 м², 122 м) стоит на 15 м к востоку от раскопа СХСVIIIa и разрезает восточный внешний ров с валом.

Работы подтвердили вывод в 1981 году: землю, вынутую при прокопке рва внутреннего периметра, разравнивали по прилегающей поверхности с обеих сторон, а следовательно, сооружать вал не планировалось.

В ходе работ получены основные габариты земляных сооружений: ров внутреннего периметра глубиной 1,5 м, шириной до 3,5–4,0 м; ров внешнего периметра мельче (около 1,2–1,3 м) и шире, более 4 м. С его западной стороны насыпан небольшой вал, сильно оплывший к настоящему времени; ширина по основанию более 3 м.

С целью поиска угловой северо-восточной башни в 2013 г. заложили разведочный шурф № 1 (2,0×1,0 м) в 14,8 м к ЮЗЗ от юго-западного угла Здания с водоемом, в 22 м к северо-западу от северо-западного угла раскопа СХСVII, с северной стороны рва внутреннего периметра. В шурфе под дерновым слоем прослежен строительный горизонт – слой извести и белокаменной крошки. Его мощность от 10 см

¹⁷ На месте раскопок устроены мощеные пешеходные дорожки.

на бровке, до 15 см на склонах рва. Ниже залегает слой серо-бурой супеси – погребенная почва, мощностью до 40 см (вкл. 1 и 19).

В 2015 г. исследовался участок, расположенный восточнее шурфа № 1 (2013 г.), в северо-восточной части Малого городка, между внутренней и внешней линиями периметра (раскопом ССХІІІ, 10×10 м, ориентирован по сторонам света). Раскоп был размечен с таким расчетом, чтобы его юго-западная часть захватила северо-восточный угол внутреннего рва, а сам он охватил максимальную площадь к северо-востоку (вкл. 1).

Вновь подтвердилось, что неглубокий внутренний ров Малого городка не имел вала, а прилегающая к нему территория не была освоена. Материковый выброс из рва перекрыл почвенный слой времени каменного строительства на городке, полностью лишенный находок. Не фиксируются следы ни деревянных конструкций (на внешнем склоне внутреннего рва отмечена одна столбовая яма диаметром 20 см), ни остатков каменной стены, фундамент которой предполагалось обнаружить во рву.

Слой строительного мусора толщиной до 40 см (известь, немногочисленные мелкие фрагменты белого камня), заметный по поверхности на склоне рва, а также скопление белого камня, выявленное в северо-западной части участка, вероятно, связаны с разборкой (строительством?) близко стоящего Здания для омовений. Индивидуальные находки и массовый материал представлены редкими орудиями и их фрагментами из черного и цветного металлов, обломками поливной и красноглиняной керамики ХІІІ–ХІV вв., фрагментами поздней посуды из ожелезненных глин и фаянса ХVІІІ–ХІХ вв.

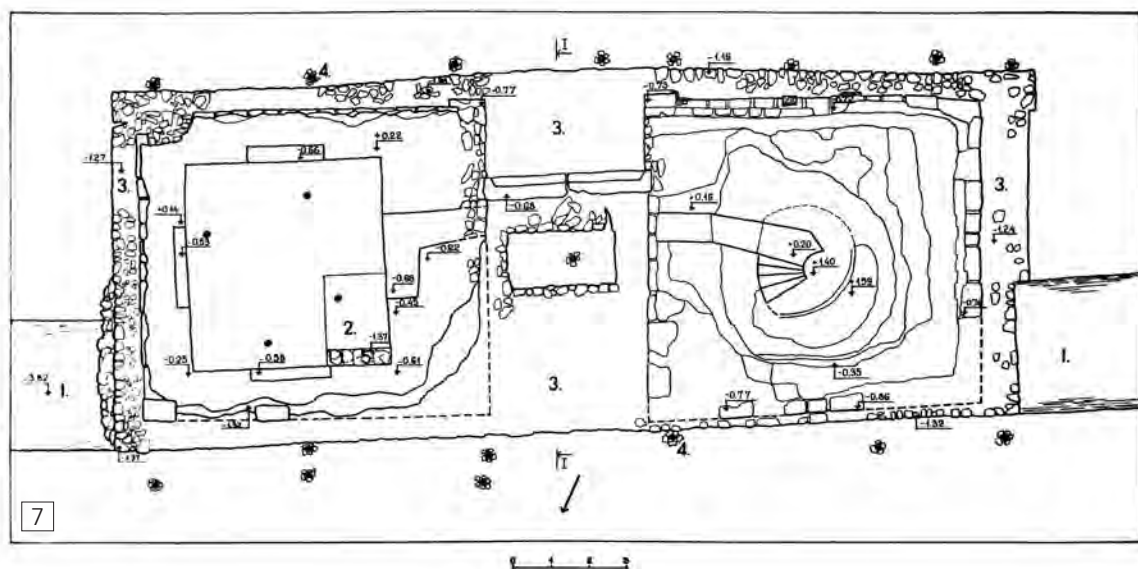

АРХИТЕКТУРНЫЕ ОБЪЕКТЫ И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ

3.1. ВЪЕЗДНЫЕ ВОРОТА (РАСКОП LXXXVII)

Въезд во внутренний четырехугольник Малого городка оформляли двухбашенные проездные ворота в середине северной линии рва, противостоявшие Южному зданию (рис. 5, 7).

В плане обе воротные башни-пилона – близкие к квадрату прямоугольники, приблизительно равные по размеру (около 8×9 м), с ориентировкой оси проезда на юго-юго-восток (163°). Западная башня имела внутри винтовую лестницу, от которой сохранились четыре нижние ступени и площадка пятой. Лестница поднималась вокруг центрального столба, цоколь которого оформлен отлитой из сероватого щебенистого раствора циркульной в плане базой, составлявшей примерно треть окружности с радиусом 0,45–0,5 м при высоте 0,4 м. Выше столб выложен в технике подборки камня, на растворе, под штукатурку. Ширина лестницы у основания близка к 1,2 м при ширине ступенек (имеющих характерное для винтовых лестниц винтообразное расположение) 0,1–0,15 м у столба и около 0,4 м у стены. Высота двух первых ступеней значительно больше, чем следующих (соответственно: 0,3–0,35 и 0,2 м).

7. Въездные ворота Малого городка (раскоп LXXXVII). План

8. Западный пилон в процессе расчистки. Вид с востока

На поверхности кладки ступеней лежали когда-то плашки или брусья, заложенные краями в столб и в стену лестницы, пазы от них отчетливо видны в кладке. На площадках 3-й и 4-й ступеней оползшие камни перекрывали остатки горелого дерева. Размер пазов в столбе близок к $0,1 \times 0,15$ м, оба сохранившихся в стене отверстия разного сечения, следовательно, брусья укладывали по мере возведения лестницы, а не после ее завершения (рис. 8–11).

К лестнице, начинавшейся в центре башни, вел коридор, открывавшийся дверью на восточном фасаде. Его начало уходило внутрь почти под прямым углом к фасаду, с незаметным уклоном на север, затем следовал поворот вправо, тоже к северу, под тупым углом. При этом южная стена продолжалась во взятом направлении на 2 м с лишним, а затем круто поворачивала к столбу лестницы, северная же сразу оказывалась на одной линии с краем нижней лестничной ступени, начало которой отстояло от поворота на 1,25 м. Ступени также поднимаются сначала в северном направлении, вправо, так что лестница закручивается против солнца (внешняя стена – справа, столб – слева по направлению подъема). Центр лестничного столба смещен лишь на 0,25–0,3 м от геометрического центра башни к северу, что, принимая во внимание неровность сторон и технику кладки, свидетельствует о высокой точности расчета и мастерстве каменщиков (рис. 10–12, вкл. 21, 22).

Вход в коридор начинался с высоты цоколя, в котором проема нет. Затем его отметка быстро повышалась – как благодаря легкому наклону пола, намазанного раствором во много слоев, так и с помощью специальных ступенек. Их две, причем над ближайшей к входу и совпадающей с поворотом коридора была, вероятно, навешена дверь, от подстава которой осталась треугольная ниша в хорошо сохранившейся обмазке южной стены коридора. Общий перепад высот от цоколя до начала лестницы около 1 м, так что подъем нужно представлять не как крутой пандус, а как лестницу с высокими ступенями, имеющими необычно широкие проступи.

Размеры сторон основания западной башни-пилона (с севера на восток и далее), по уровню цоколя: 8,6–7,87–8,64–8,10 м. Северо-западный угол пилона не прямой, а тупой, в силу чего западная грань существенно короче восточной. Причину этого можно усмотреть в неправильной разбивке плана рва и фундаментов

9. Западный пилон после расчистки. Вид с востока

10. Западный пилон. Коридор к винтовой лестнице

11. Западный пилон. Коридор. Вид сверху

12. Западный пилон. Кладка ступеней винтовой лестницы и основание столба

13. Следы обработки на камнях цоколя в проезде ворот (западный пилон)

ворот – их северная линия несколько скошена к западному краю, так что кладку пилона с башней пришлось провести почти по обрезу фундамента, и все равно полностью спрямить угол не удалось.

Цоколь – кладка из одного ряда крупных quadroобразных блоков песчаника с необработанной тыльной поверхностью, с протесанными под обмазку (следы троянки и теслообразных инструментов) боковыми и лицевыми гранями (рис. 13). Размер камней в длину колеблется от 0,3 до 1,0 м, высота в пределах 0,47–0,48/0,5 м. В целом цоколь выступал над поверхностью на высоту около полуметра, так как вся кладка обмазывалась белым алебастровым рас-

твором толщиной около 0,05 м, и этим же раствором проливался верх фундамента, выстланный плиткой-отмосткой и присыпанный по верху песком.

Сохранность цоколя, как и всей кладки, неодинакова. Лучше сохранились южный и восточный фасады, хуже всех – северный; бутовый массив сильно разрушен в северо-восточной части. На фотографиях работ 1920-х и 1950-х годов отчетливо видно, что все камни цоколя на северном фасаде и в проезде еще лежат на местах.

Обмазка образует очень ровные плоскости, а при их встрече – острые правильные ребра. На южном и западном фасадах отступ стены образует на цоколе узкую полочку (0,12–0,15 м), которая также отформована в гипсе. На восточном фасаде, наоборот, идет гладкая стена на всю высоту, включая и цоколь, здесь сохранилась значительная часть обмазки, переходящей заподлицо с цоколя на стену. Следующий за цоколем ряд был образован также крупными камнями – квадратами, но ни один из них не сохранился на месте, и размеры прослежены по оставленным ими в толстом слое раствора обширным гнездам.

Основной массив башни сложен монолитом полубутового типа, весьма оригинально выполненным. Сначала выкладывался ряд фасадной кладки при соответствующем подборе камней и перевязке их друг с другом по вертикали. Затем внутрь кладки, позади фасада, производилась засыпка неровным по высоте (около 0,40 м) слоем мелкого битого камня и булыжника, который заливали тонким жирным бело-серым или желтоватым раствором. Возникла бутобетонная подушка толщиной 0,03–0,05 м и более. Затем всю операцию повторяли, не дожидаясь полного отвердения раствора. При смене слоев камни успевали утонуть в предыдущей проливке ровно настолько, сколько нужно для схватывания, но не перемешивались с ним, так что слои хорошо прослеживаются на открытой кладке. Их высота определялась, вероятно, профессионализмом каменщиков в выкладке фасадных рядов без поддержки их бутом изнутри. На горизонтально-полосатой поверхности обнаженной кладки лестничной башни можно насчитать 9–10 слоев такой заливки между вер-

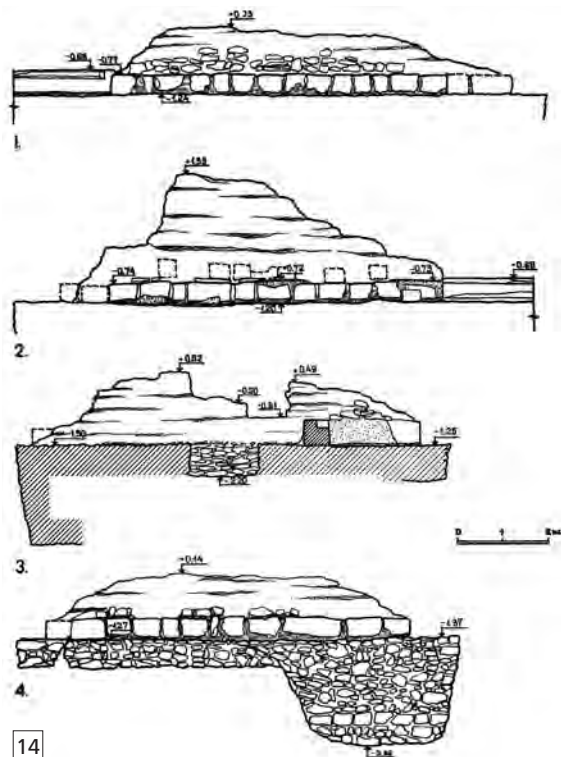
14. Обмер башен-пилонов ворот.

1. Южный фасад восточного пилона.

2. Южный фасад западного пилона.

3. Западный фасад восточного пилона.

4. Восточный фасад восточного пилона

хушкой и вторым рядом кладки. В растворе в качестве отошающей добавки присутствуют мелкий гравий и песок, есть в ней и заметная примесь керамики. Это объясняет насыщенность керамикой именно строительных развалов и облегчает их датировку.

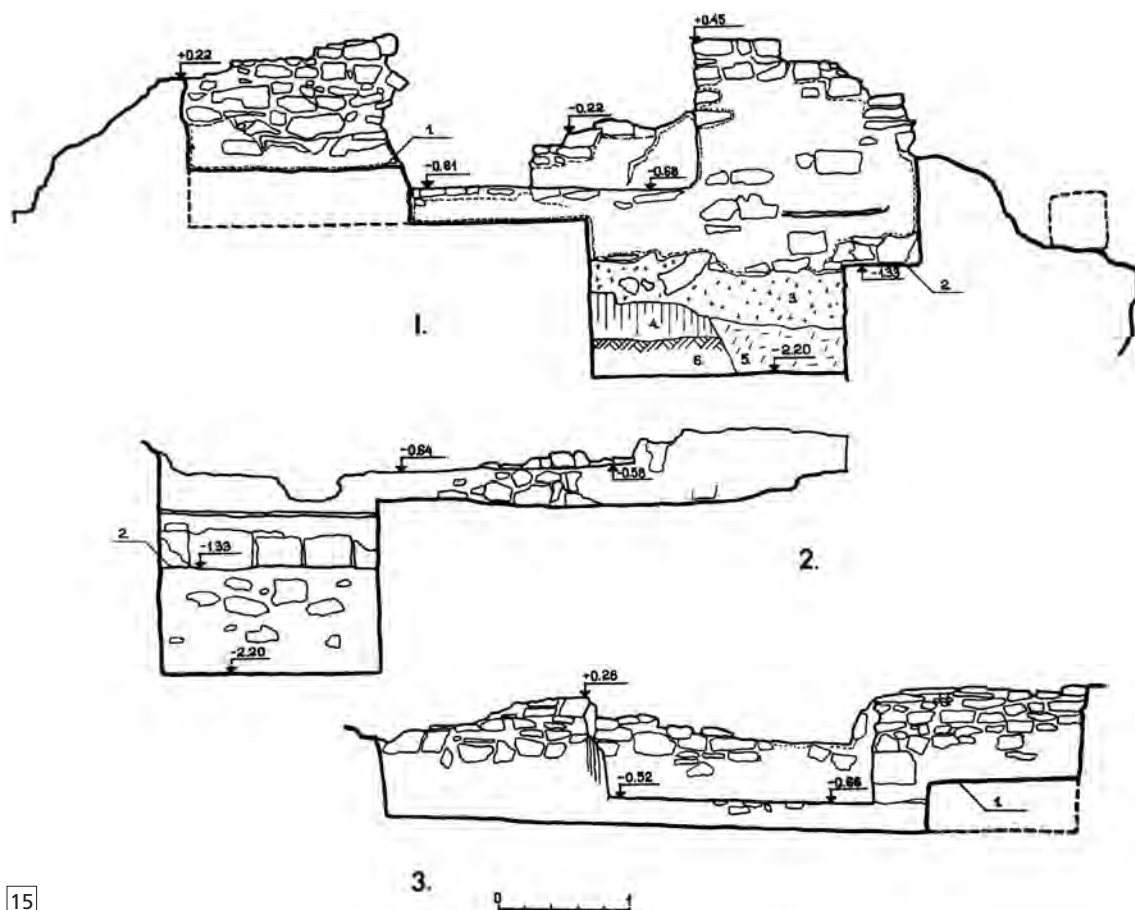
В горизонтальной плоскости фундаменты и цоколь башни имеют легкий наклон к северу (не более 0,1 м), что характерно и для восточного пилона. Единственная деталь, разбивающая лапидарный объем параллелепипеда башни, – выступ (пилястр) на восточном углу южного фасада, имеющий ширину 0,84 м при выносе 0,1 м (в камне, без учета обмазки). Аналогичный пилястр расположен на симметричном углу восточной башни.

Последнее, на что нужно обратить внимание в конструкции башни, – это расположение входа на ее восточном фасаде, который, хотя и сдвинут от центра к югу, в то же время находится за пределами ограды городка, так как ворота проезда лежали еще южнее, – их положение твердо определяется камнями порога.

Вход в восточную башню расположен зеркально входу в западную, и точно так же от входа вел коридор, имевший легкий уклон к северу, который раскрывался в большое квадратное в плане помещение (5,25×5,5 м), обрамленное широкими, почти в полстены, нишами по оси каждой стороны. Ниши не имели внизу суф, выходя ниже обмазок пола), а сверху, вероятно, завершались стрельчатыми арками. Длина ниш близка к 2,0 м, глубина 0,35–0,40 м (западная – 2,25 м и от 0,75 до 0,90) (рис. 5, 7, 14–16, вкл. 23–26).

Техника кладки стен восточного пилона та же, только слои раствора и камня образуют здесь не массив, а сравнительно тонкие стены (западная 2,75 м, восточная и южная 1,20–1,25 м, северная до 1,50 м). Изнутри стены оштукатурены белым алебастровым раствором и покрыты множеством тонких слоев затирок идеально чистого цвета, напоминающих побелки. Сохранность кладок изнутри различна – от 0,40 до 1–1,10 м выше пола. В завале верхних частей обнаружен фрагмент неразрушенной кладки со следами слабого, но несомненного изгиба по дуге очень широкого радиуса. Вероятно, это часть свода, хотя сделать по фрагменту заключение о его типе, к сожалению, невозможно (вкл. 27).

Пол многослойный. Сверху – корка белого гипсового раствора, слежавшаяся в прочную сероватую массу толщиной 0,05/0,06 м, сильно просевшая в центре помещения. Ниже ее – песчаная пестроцветная подсыпка материкового выброса, разделенная посередине тонкой растворной лентой. В основе – уровень древнего дерна, отстоящий от уровня ниш на 0,60–0,80 м. Таким образом, пол существенно приподнят над древним горизонтом, и подсыпки под него велись параллельно закладке фундамента и возведению стен.

15

15. Обмер частей интерьера восточного пилона. 1. Западная стена. 2. Северная стена. 3. Южная стена. (1 – уровень обмазки пола; 2 – выступ фундамента северной стены; 3 – пустоты под фундаментом западной стены: заполненные упавшими камнями; 4 – древний гумус; 5 – заполнение рва городка; 6 – материк)

Снаружи башни цокольные ряды из крупных камней сохранились почти полностью на южном и восточном фасадах, частично – на западном. В плане размеры снаружи близки к $9,30 \times 8,25$ м, но строго не устанавливаются из-за разрушений.

Сохранившиеся фасады дают возможность изучить не только цокольный ряд, но и несколько камней следующих уровней кладки. Для нее взяты не отесанные квадраты, как для цоколя, но подобранные «дикари» с одной плоской стороной, в остальном имевшие произвольную форму. Выполненные этим способом стены своей неоштукатуренной поверхностью напоминали полигональную кладку. Вся кладка велась на растворе.

В проездных фасадах обеих башен кладка регулярнее, здесь отобраны камни, близкие по форме к параллелепипеду, и выложены относительно правильные ряды. Эти участки сохранились благодаря тому, что их удержал на месте массивнейший порог.

Этот порог – два состыкованных узкими гранями продолговатых блока песчаника зернистой фактуры серого цвета. Они перекрывают всю ширину проезда между башнями ($4,2-4,25$ м) и заведены краями в кладку стены на $0,15-0,20$ м. Со стороны, обращенной внутрь огражденного рвом участка, в камнях вырублена четверть глубиной $0,15-0,20$ м, в которую заходили створки ворот городка. Высота камней в сечении около полуметра, ширина $0,56-0,58$ м. Поверхность вырубленной четверти совпадает по отметке с верхом цоколей (рис. 16).

Фундаменты воротных башен заслуживают отдельного описания. При первом взгляде на план раскопанного сооружения возникает ощущение, что перед нами

16. Восточный пилон.
Общий вид с запада

единая монолитная платформа, имеющая длину 24 м (север) или 24,35 м (юг) при ширине 9 м (запад) и 9,5 м (восток), причем продольная ось постройки отклонена от оси фундамента так, что северный фасад лестничной башни имеет минимальный выступ фундамента (0,25–0,35 м), в то время как остальные значительно шире, от 0,6 до 0,80 м, а западный даже от 0,75 до 1,50 м.

Однако фундамент с мощными выступами и сплошными закладками больших площадей вовсе не платформа. Он образован конгломератом отрезков ленточных фундаментов разной ширины и глубины заложения, иногда не стыкованных и даже выполненных в разной технике (вкл. 29–32).

Наиболее эффектен северный фундамент, который заложен прямо в общий ров городка и является самым мощным среди всех субструкций Малого городка вообще. Этот ров проходит почти под всем сооружением, оставляя непрорезанной только узкую полосу (3 м), как раз по оси проезда между башнями, где фундамента можно было и не закладывать. На внешних углах здания, рассматриваемого как целое, кладка заполняет весь ров целиком, имея общую высоту до начала цоколя 2,40–2,50 м, а ширину по верху от 3,50 до 3,70 м. Как выяснилось при шурфовке северо-западного угла помещения восточной башни, северный ров заполнен кладкой не целиком. Оставались свободными примерно 1,20 м ширины рва в уровне его верха, а задний фасад фундамента вполне отвесно падал в глубину рва. Таким образом, здесь фундамент составлял не более 2,50 м, пустота же заполнялась плотным, переработанным и утоптаным материковым выбросом. Угловые участки во рву служили как бы опорными тумбами, а сужение фундамента на остальной линии давало экономию материала (рис. 15).

Знал ли в XIV в. руководитель строительства об этой «экономии» – неясно, так как весь фундаментный ров в пределах шурфа перекрыла растворная проливка со щебнем (0,07 м), не выходя при этом за границу рва. Благодаря чему возникла полная иллюзия однородного заполнения каменной кладкой: по свежей проливке было невозможно различить, где фундамент, а где только раствор по затрамбованному грунту. В том же шурфе есть еще один пример удивительного фундамента: часть основания западной стены буквально висит в воздухе. Подошва его совпадает по уровню с верхом северного фундамента, а лежавшие ниже слои подсыпки (заполнение рва и выброс из него) просели, и открылась каверна, в которую выпали

камни основания. Таким образом, под кладкой восточной башни имеются просветы, не заполненные фундаментами.

Центральная часть северного фундамента, заполняющая промежуток основного рва, имеет ширину (4,10 м), даже большую, чем он, но по глубине сильно уступает (всего 1,10 м). Стыки фундаментов тщательно заделаны и прослеживаются только при шурфовке вдоль фасада кладки.

Техника кладки угловых тумб лицевая, порядовая, с применением расклинки крупных quadroобразных, в отдельных случаях тесаных камней мелкими. Иными словами, она возводилась как стенная кладка. На ее краях встречаются отлично подобранные плитчатые камни прямоугольной формы, тщательно перевязанные, а у дна имеется специальная контрфорсная прикладка из квадров. Остальные фундаменты не выложены, а забутованы в вырытые мелкие (около 0,60 м) рвы шириной около 1,00 м, причем стыковка их проведена значительно хуже. Стыки обнаружены под восточной башней: между восточной лентой и южной (где оставлена довольно широкая непрокопанная полоса) с одной стороны, и угловой тумбой – с другой (кладка тумбы положена внахлест). Под западной башней аналогичная картина по восточному фасаду. Все стыки фундаментов по верху прикрыты специальной отмосткой из каменной лещадки на растворе и присыпаны песком.

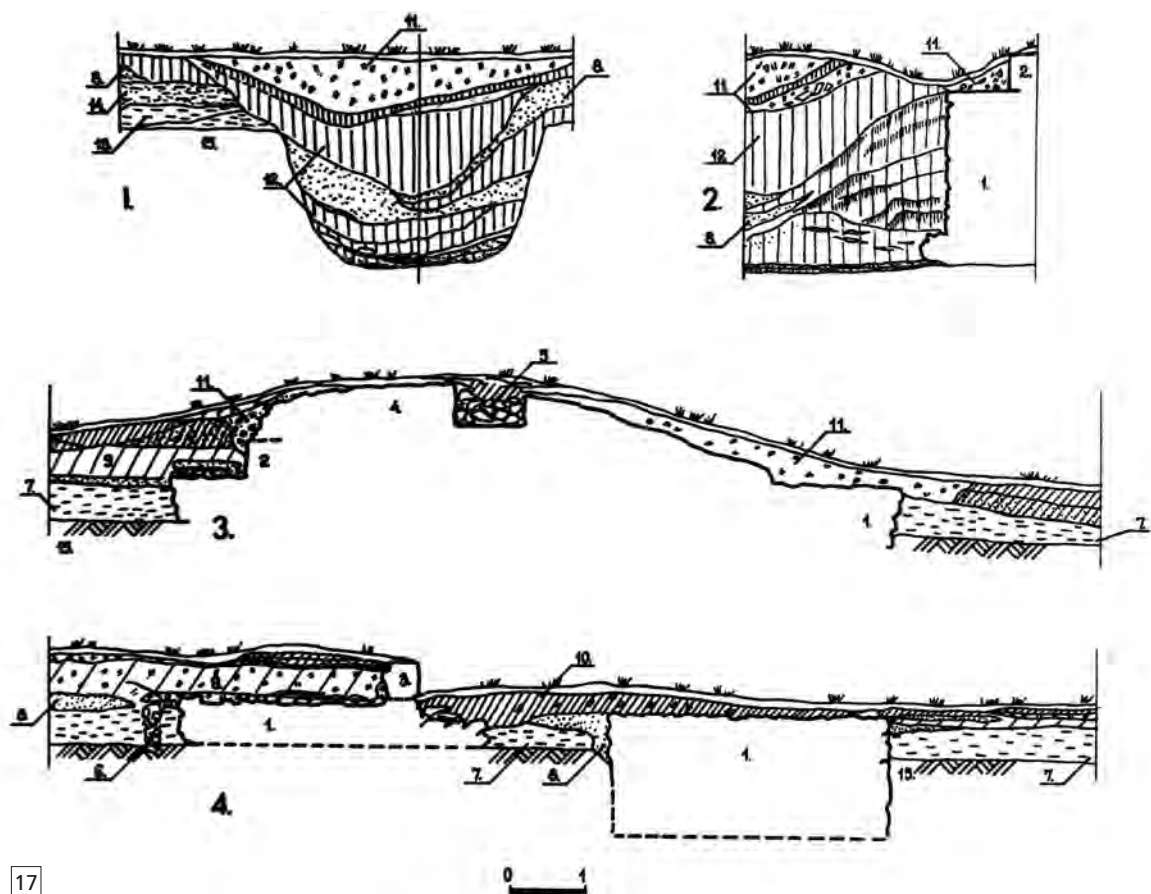
Переходя к строительной стратиграфии памятника, необходимо отметить, что слои разрушения ворот не оставляют сомнений в том, что башни были возведены до уровня перекрытий и, видимо, какое-то время использовались. Об этом свидетельствуют мощные слои завалов, заполнившие все пространство внутри восточной башни и лестничного помещения. Это рухнувшая кладка верха стен и перекрытий. Завалы внутри башен образовали метровую толщу плохо слежавшейся смеси камней и мягкого разложившегося раствора, проросшую корнями и перекрытую дерном. В завале восточной башни имелись кладоискательские ямки, не пробившие его.

Завал лег на поверхность темно-коричневого супесчаного пласта, плотного и слоистого, содержащего куски обмазки, крошку раствора, немного камней. В углах и в нишах, ниже супеси, к стенам примыкают клинья лессобразной пыли, перемежающиеся глинистыми или растворными ленточками. Это следы первичного запустения здания: пыль, затеки смываемой со стен штукатурки, затем перекрытые разрушившимися частями конструкций и рухнувшим сводом. Стратиграфия коридора и лестницы западной башни аналогична.

К следам первичного обживания необходимо отнести обмазки полов (но они могли быть выполнены одновременно с конструктивной целью) и, главное, перекрытое одной из алебастровых подмазок пятно обожженной глины от кострища или открытой жаровни, располагавшееся в юго-восточной части помещения, и подстеленное прослойками угля и золы.

Важным свидетельством возведения здания на полную высоту являются остатки строительных лесов. Они зафиксированы вдоль южного и северного фасадов в виде отчетливо выделяющихся ям, как бы обложенных изнутри камнями, с гумусированным углублением посередине. Это следы расклинки когда-то стоявших в ямах стоек, которые по окончании работ удалили. Диаметр ям 0,20–0,25 м, стоек 0,10–0,15 м, глубина 0,35–0,40 м, форма в разрезе цилиндрическая или слабоконическая. Ямки прорезают выбросы из рва и уходят в материк. Ось, по которой проходят вдоль фасадов стойки лесов, отстоит от края фундамента на 0,20–0,40 м, от цоколя на 0,60–1,00 м. Интервал стремится к 4,00–4,20 м, хотя есть и 3,20, и 5,00 м, в одном случае он разделен еще раз пополам промежуточной опорой. На южном фасаде прослежено семь стоек, на северном – шесть. Здесь стойки имели в трех случаях (против восточной башни) дополнительные парные опоры, при-

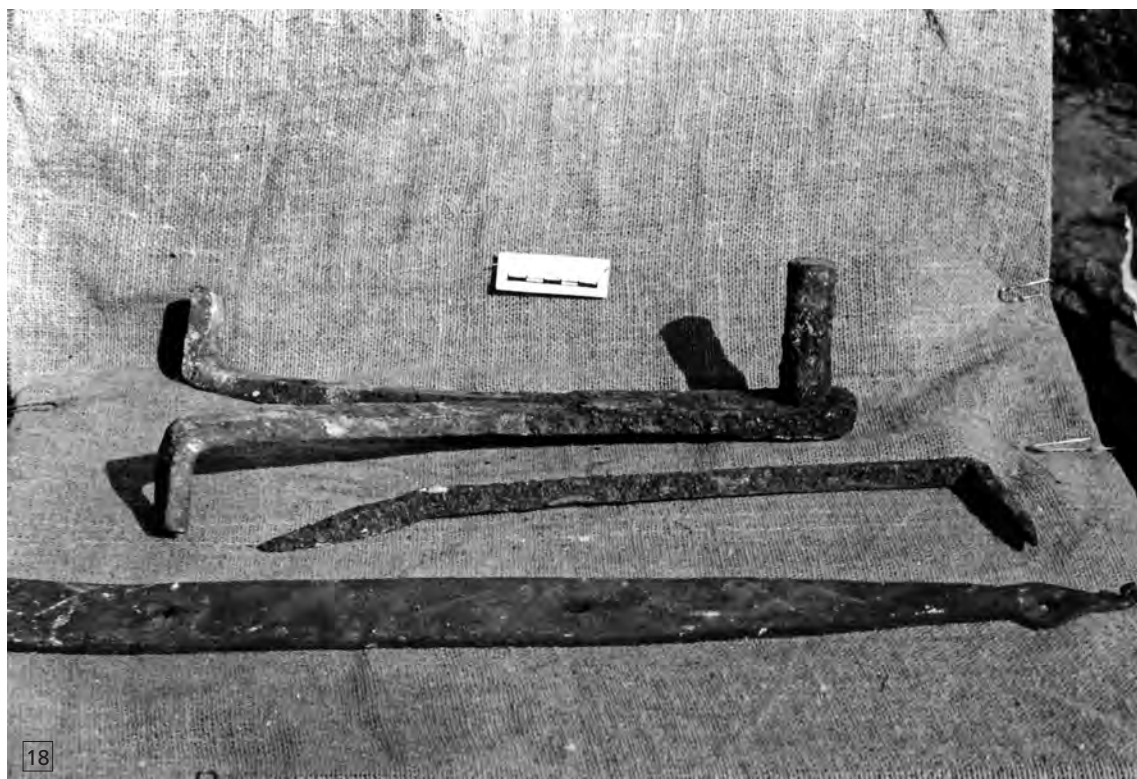
17

17. Профили и разрезы раскопа LXXXVII. 1. Часть восточного профиля по рву городка. 2. Профиль по оси рва городка. 3. Разрез через западный пилон, с востока. 4. Разрез по оси проезда, с востока (1–1)

двинутые к краю фундамента. Наконец, еще один опорный столб, несколько более крупный, располагался в проезде между башнями, в 1,70 м к северу от порога, в середине прямоугольной площадки, оставшейся свободной от окружающих ее со всех сторон фундаментов (рис. 7, вкл. 32).

Интересно, что по боковым фасадам стойки безусловно отсутствуют. Высказывались предположения о существовании вдоль фасадов навесов на деревянных столбах, своего рода айвана, – но этому противоречит расположение одной из опор южной линии прямо в проезде ворот и слишком малое расстояние до стен. Принять эту точку зрения можно было бы только в случае обнаружения еще одного, более удаленного, ряда опор. Но к северу его нет, по крайней мере, в пределах 3,30–3,70 м. Зато внутри помещения восточной башни, под полом, обнаружили пятна еще четырех опорных столбов (гумусные, без камней), расположенные четырехугольником со стороной 3,20–3,40 и 2,30–3,00 м, развернутым так, что столбы помещались против правого (стоя лицом) края каждой ниши, т. е. примерно по диагоналям на расстоянии 0,60–1,30 м от стены. Диаметр столбов 0,15–0,17 м, глубина около 0,40 м. Ясно, что на них опирались подмости для кладки сводов.

Стратиграфия грунта прилегающих к воротам участков проста и аналогична описанной по материалам Южного здания (рис. 17). Среди находок, сделанных при исследованиях ворот, обращают на себя внимание детали дверного прибора, собранные в траншее перекопа начала XX в. Это железная петля-накладка на дверь (жиковина) и подстав. Жиковина в целом виде имела длину не менее 0,82–0,85 м при ширине 0,06 м и толщине 7–8 мм, укреплялась на двери заклепками или гвоз-

18. Строительные детали из раскопа LXXXVII (железо,ковка)

дями сквозь три отверстия диаметром 0,015 м (четвертое, меньшего диаметра, в центре сердечкообразного наконечника). Жиковина вполне могла подходить к об-наруженному подставу, диаметр штыря которого близок к 0,02 м при длине 0,07 м, однако петля не сохранилась. Оба предмета имеют явные следыковки и обработки в горячем виде: хвосты подстава разрублены и разведены в разные стороны, их концы загнуты вверх и вниз, наконечник жиковины откован и загнут, пробиты отверстия, расклепана головка штыря и т. д. Дверной прибор может относиться к одной из пол-лос ворот, хотя он и несколько мелковат, или к любой из реконструируемых дверей. К находкам, связанным со строительством, относятся также кованые скоба и гвоздь (рис. 18). К сожалению, найденные в перекопе детали не имеют не только точной даты, но и аналогий в болгарских материалах вообще. Так же плохо датируются другие индивидуальные находки раскопа – круглая железная пряжка конской упряж-ки, маленькая круглая бусинка розового мрамора, бронзовый многогранный пруток.

3.2. ЮЖНОЕ ЗДАНИЕ

Южное здание встроено в линию южного рва примерно посредине его так, что не выходит передней стеной за границу этого рва, его длинная ось вытянута па-раллельно линии рва. Сохранилась в основном подземная часть здания, его ос-нование. Южное здание представляет собой прямоугольную в плане постройку со сторонами 18,9 м (южная), 19,1 м (северная), 13,15 м (восточная), 13,05 м (западная). Изнутри длина основного объема сооружения составляет 14,80 м, ширина – 6,50–6,60 м, то есть общая внутренняя площадь могла достигать около 100 м² (рис. 6, вкл. 16, 36, 37).

Толщина стен различна. Наиболее широкой является южная – 3,60–3,70 м. Толщина северной стены составляет около 3 м, западной – 2,4 м. Наиболее узкая стена – восточная, от 1,80 до 2,00 м. Так как длинные стены существенно шире корот-

19. Общий вид на внутренние помещения Южного здания с северо-востока. Фото 1982 г.

ких, позволительно предположить, что на них ложилась основная тяжесть перекрытий, скорее всего сводчатых, коробового типа. Размеры здания и мощный фундамент могут указывать на существование второго этажа, лестница которого вполне уместилась бы в одной из стен.

Здание изнутри было трехкамерным, с примерно равными помещениями и делилось поперечными перегородками, отходившими от южной стены, вероятно, с проходом вдоль северной.

Обе эти переемы изображены на литографированном листе А. Шмита¹⁸ с зарисовками руин Малого городка (см. вкл. 4). К 1980-м годам сохранилось основание западной перегородки (длина 2,80 м, ширина 1,00 м), но восточная перегородка не уцелела. Стратиграфически отсутствие ее следов вполне оправданно – уровень сохранности слоев на ее месте ниже отметки заложения парной ей стены, а на месте примыкания к внешней стене просто пролом. Она не существовала уже к раскопкам 1893 г.: «Расположенная на противоположной стороне четырехугольника руина, оказалась остатками жилого помещения, разделенного на две половины – большую налево и меньшую направо, с ходом в большую половину. На одной из стен меньшей половины сохранились еще следы покрывавшей ее штукатурки. Тут же вдоль стены уцелели остатки пола – в виде небольших выступов цемента»¹⁹. Возможно, ее еще можно было наблюдать ранее, в 1860–1870-х годах XIX в., о чем можно судить по тексту А. Ф. Риттиха: «Развалины представляют одну сплошную белую груды обвалившихся камней в виде вала, до 15 сажень длины. Сзади этой груды видны остатки четырех стен, перпендикулярных к каменному валу. Тут, значит, было три отделения»²⁰.

Обе перегородки были заложены значительно (на 60–70 см) выше, чем фундамент основного объема здания, и большой нагрузки нести не могли (рис. 19, вкл. 38, 40). В основании фундамента перегородки выявлено прямоугольное в сечении (22×15 см) сквозное горизонтальное отверстие от деревянной связи (балки?) (рис. 45). При возведении перегородки брус был положен горизонтально вплотную к южному фундаменту здания. Размер сохранившегося западного помещения – 4×6,6 м.

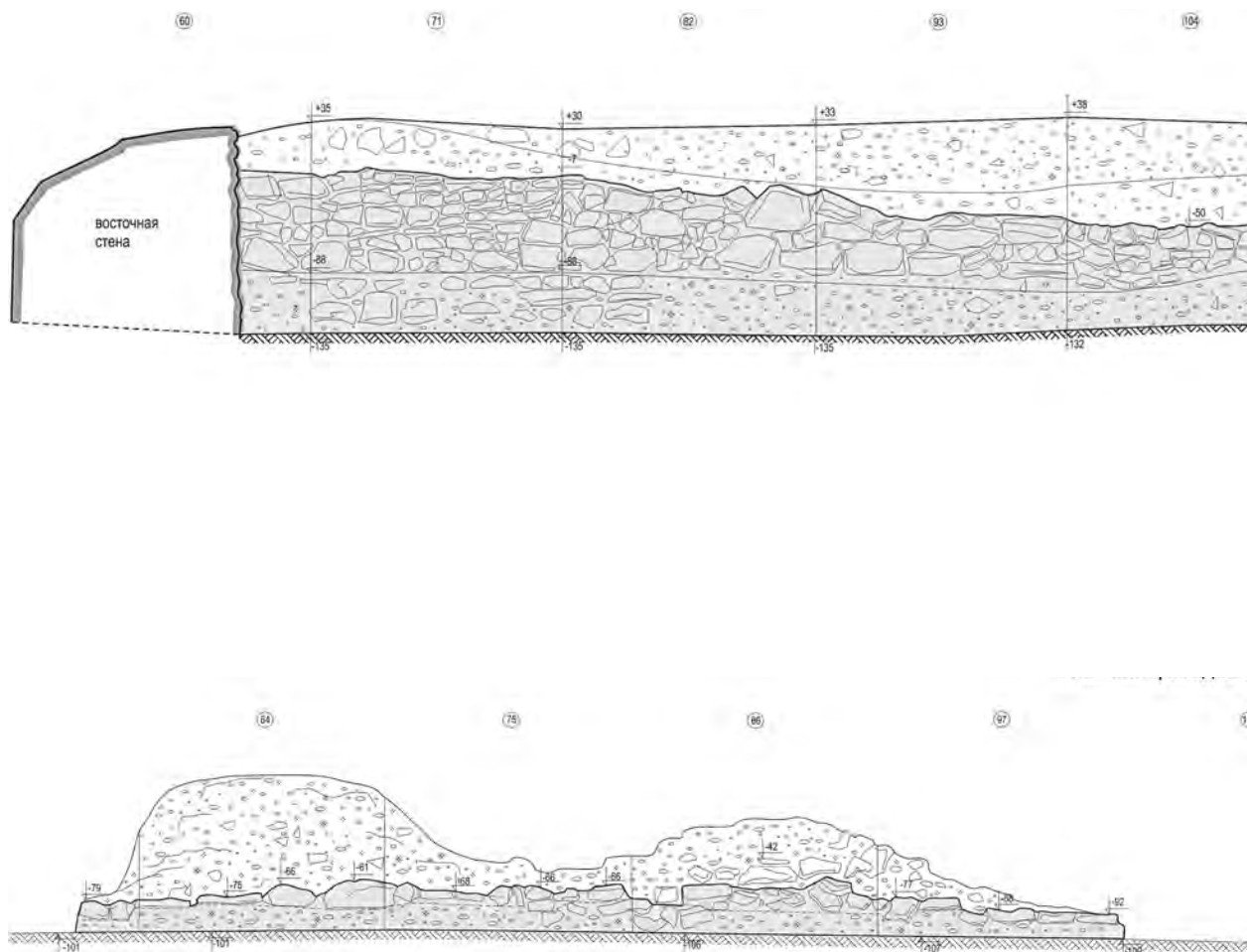
Вход в здание располагался с северной стороны. Он оказался немного смещенным к западу от поперечной оси. Он вел, ступенчато расширяясь, внутрь средней камеры. Фундамент в проеме прерывается, что не дает возможности определить точнее конструкцию портала и даже порождает сомнения в абсолютной ширине проема. Изнутри он достигал 4,5 м, но снаружи был, вероятно, не более метра (0,90 м). (вкл. 36). Так, А. С. Башкиров указывает: «В северной стене здания – дверной пролет в 2 саж. (4,26 м)». Но тогда центральное помещение превратится в крытый двор, что мало вероятно. Он же свидетельствует, что фундаменты Южного здания «были облицованы крупными, штучными, хорошо обтесанными и плотно пригнанными блоками "сюкеевского" известняка, сохранившимися в нижних рядах надпочвенной кладки».

¹⁸ Шмит А., 1832. Л. 12, № 16.

¹⁹ Извлечение из отчета о раскопках... С. 100.

²⁰ Материалы для этнографии... С. 37–38.

20

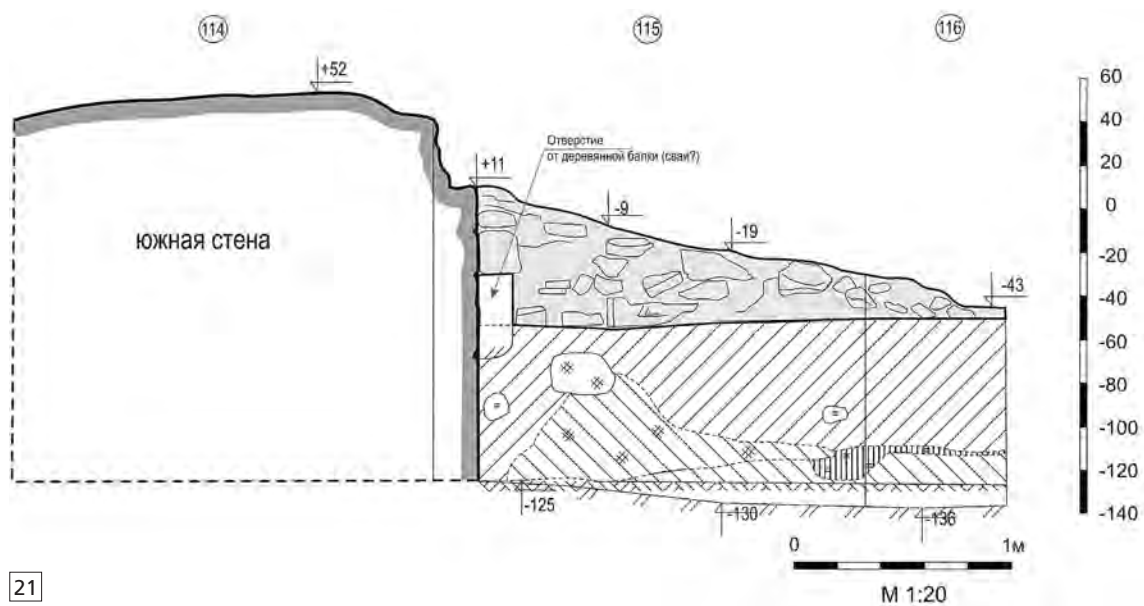
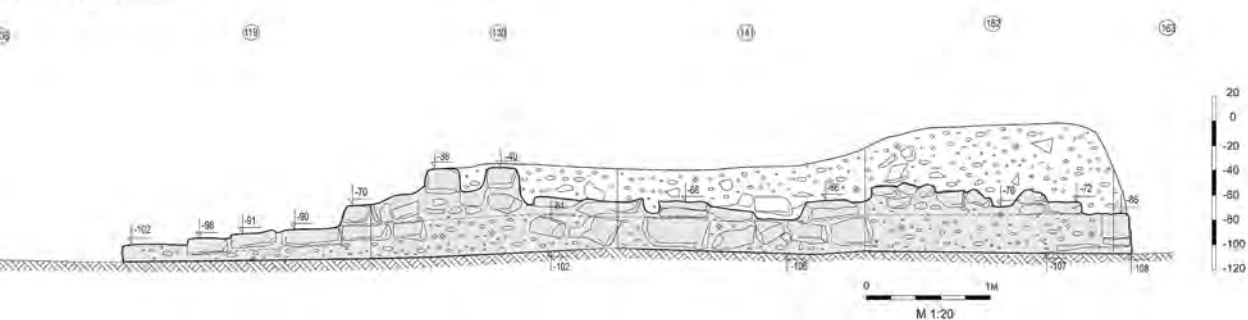
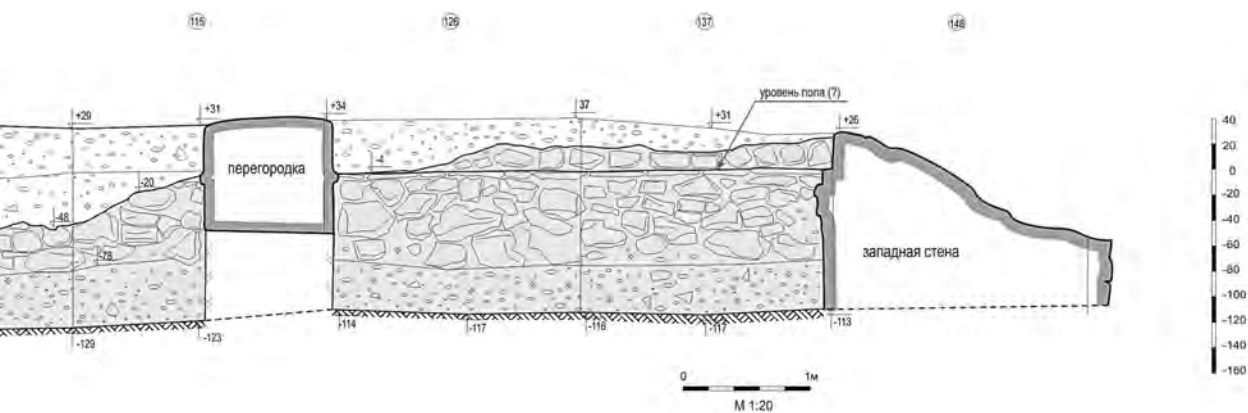
Высота ряда указана в 0,3 м. До нас не дошло ни одного такого камня²¹, но можно полагать, что технически цоколь южного здания был таким же, как у главных ворот.

Фундаменты, нижние части стен и внешние фасады разрушены значительно сильнее внутренних по всему периметру здания. Внутренний фасад южной стены уцелел до высоты 130 см от подошвы фундаментов; наиболее разрушенным оказался фундамент северной стены (сохранность не более 40–50 см). Всюду это, к сожалению, внутренняя часть забутовки. С наружной стороны не сохранилось ни фрагмента кладки, которую можно было бы уверенно определить как лицевую.

Особый интерес вызывают конструкции фундаментов, весьма продуманных и основательных. Для устройства их лент по периметру будущего здания первоначально был вырыт фундаментный ров со слабо наклоненными вертикальными стенками. Ширина рва соответствовала ширине фундаментов. Подошвы фундаментов стен основного объема здания находятся на одном уровне (1,10–1,50 м от поверхности). Исключением является фундамент южной стены, о которой будет сказано ниже.

Фундаменты имеют два строительных уровня – верхний и нижний. Нижний слой, высотой 0,35–0,40 м, выполнен в бутово-заливочной технике. В отрытый ров (доведенный до поверхности суглинистого плотного материкового слоя), имевший вертикальные стенки, были завалены мелкие и средние камни, обильно залитые затем плотным серо-желтым или кремовым раствором с большим количеством

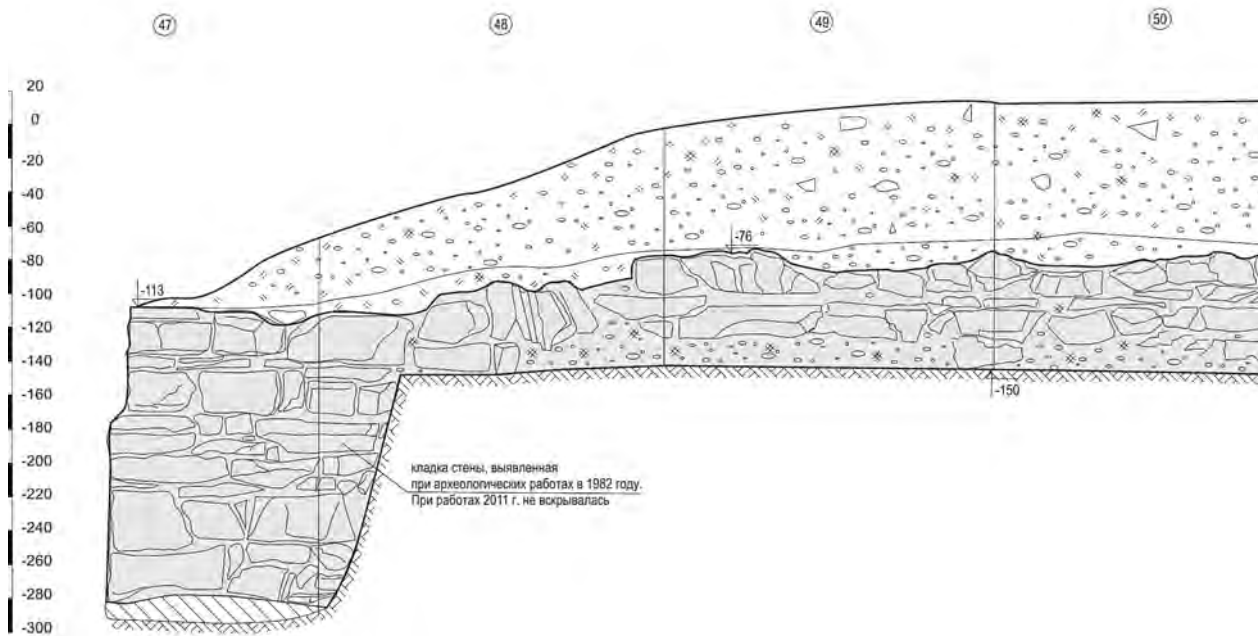
²¹ Башкиров А. С.
1928/1929. С. 23.

21

20. Южное здание. Внешний фасад кладки северной стены

21. Южное здание. Западный фас кладки восточной перегородки

22

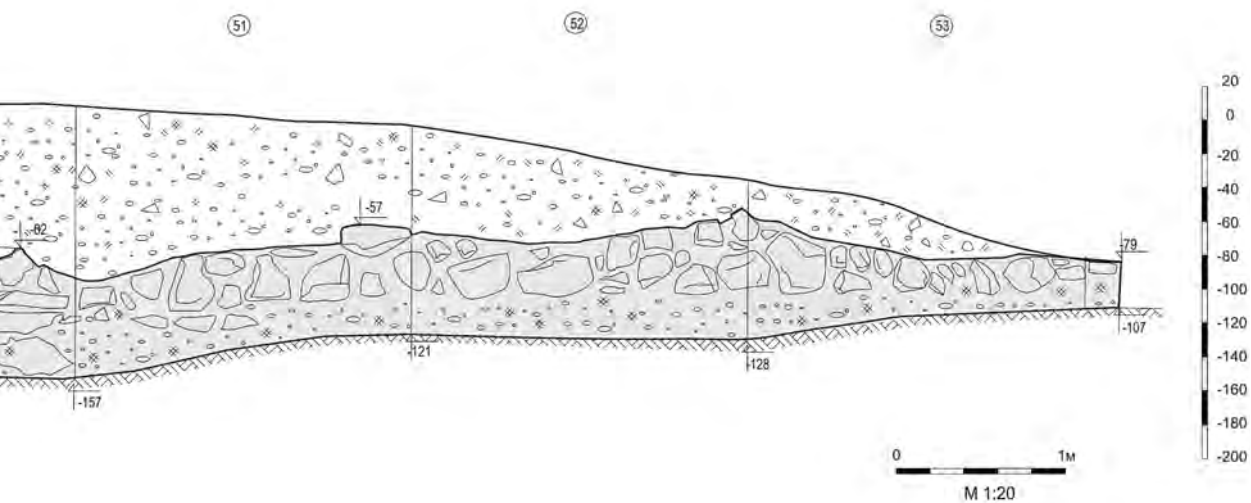
песка, так что образовалась единая для всего здания платформа-рама с как бы отнелированной поверхностью. При зачистке боковой стенки такого фундамента открывается сплошная прочная растворная заливка с проглядывающими кое-где камнями. Обрез этой платформы примерно соответствует уровню дневной поверхности строительства.

Верхний слой фундамента, представляющий собой обычную кладку, имеет высоту 0,70–0,75 м. Высота верхнего уровня фундамента определилась благодаря сохранившемуся уровню пола, так как характер кладки нижних частей стен практически ничем не отличается от верхней кладки фундаментов (рис. 22, вкл. 43, 44).

Уровень пола зафиксирован во внутренних фасадах кладок южной и западной стен в виде слегка выдающейся вперед узкой полосы. Удалось проследить краешек алебастровой заливки (пола?), вымазывавшейся на стену. Это очень белая жирная обмазка, твердая, толщиной 0,02–0,04 м. Насколько можно судить, она намазывалась прямо на утрамбованную поверхность суглинистого материкового выброса из рва. Над ней сохранилась (на высоту до 0,4 м) лицевая кладка под обмазку, из подобранных камней с плоским краем. Уровень пола находится на высоте 1,10–1,15 м от подошвы фундамента и имеет небольшой уклон вдоль южной стены в западном направлении (вкл. 40–42).

Необычна конструкция двухуровневого фундамента южной стены: собственно, стена заложена на том же уровне, что и остальные, но снаружи ее дополняет широкая и глубокая кладка, опущенная в глубокий ров так, что ее подошва на 1,30 м ниже подошвы стен здания, а ширина составляет 1,45 м. (рис. 52–59). Это, конечно, подпорная стенка, род контрфорса. Ее наличие указывает на то, что ров был отрыт ранее, чем появилось здание. Более того, возможно, весь ров отрыли для фундамента под периметр стен городка, которые так и не построили. Суммарная ширина обеих кладок фундамента в сохранившихся частях достигает 3,6–3,7 м (!), из которых на глубокую часть приходится 1,7 м (по подошве 1,45 м). Глубина фундамента 2,2–2,4 м от поверхности строительства. Обе ступени фундамента перевязаны,

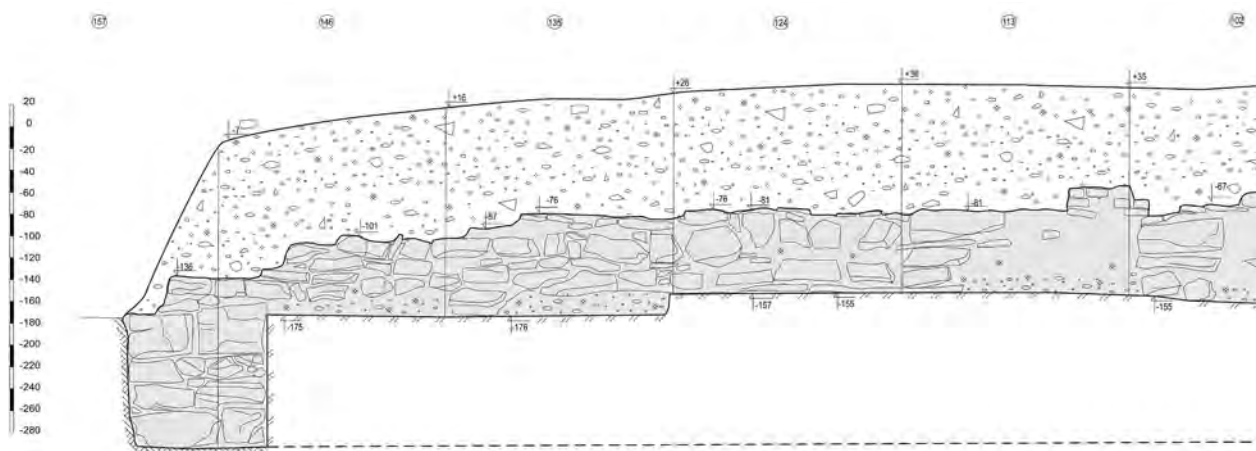

22. Южное здание. Внешний фас восточной стены

23. Южное здание. Внешний фас восточной стены. Видны нижние ряды блоков фундамента и материк в их основании. Фото 1982 г.

24. Южное здание. Юго-восточный угол кладки Южного здания. Фото 1982 г.

25

25. Южное здание. Внешний фас кладки южной стены

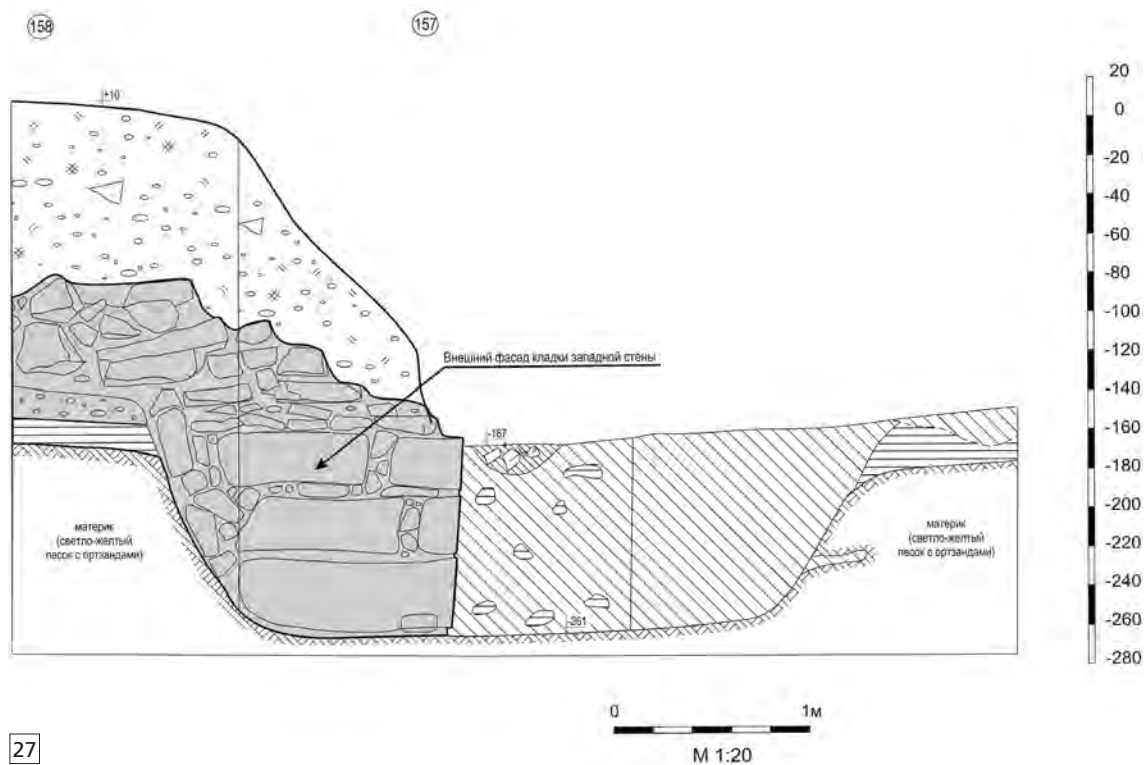
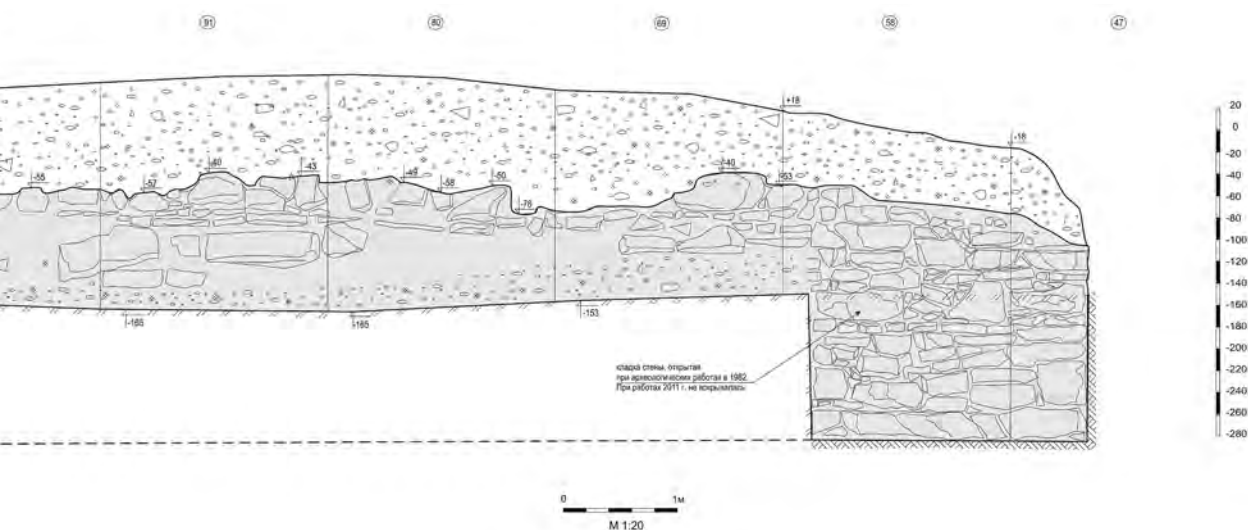
26. Л. А. Беляев возле юго-восточного угла Южного здания. Фото 1982 г.

27. Южное здание. Внешний фас западного угла и разрез южного рва

образуя единый массив основания стены. Шли они так на всю высоту или выше выводились ступенчато (внешняя ниже, играя роль контрфорса) – сказать трудно, так как лицевая кладка снаружи не сохранилась, но, во всяком случае, над землей они поднимались вместе.

При строительстве здания использованы различные каменные породы: булыжник, туф, песчаник слоистый (серого, коричневого, желтоватого цветов), иногда известняк. Кладка верхней части фундамента и стены выполнена очень нерегулярно, в полубутовой технике с подборкой на внешних сторонах нетесаных камней таким образом, чтобы их естественные формы обеспечивали перевязку (что достигнуто далеко не везде). Камни в основном мелкие, редко достигают размера 0,20×0,30 (0,40) м. Кроме того, в кладке в большом количестве выявлены куски застывшего раствора с отпечатками на поверхности камней и бревен, а также несколько обломков красного кирпича – это вторично использованные материалы из разобранных ранних сооружений Болгара. Рядности в кладке не прослеживается, так же как и выраженной слоистости (вкл. 45–48).

В кладках внешней части употреблено довольно много крупных камней, размерами от 0,50 м и более – до 0,70–0,80 м, и подобраны они (особенно плоские

плиты) довольно тщательно; встречаются и грубо обработанные призматические блоки размерами 0,45–0,50×0,25–0,30 м.

Кладка верхней части фундамента выполнена на известковом растворе светло-бурого цвета, с включениями песка, редких кварцитов крупного размера (до 3 мм), мелких комочков белой извести и единичными включениями кирпичной крошки. Толщина шва от 2 до 4–5 см. Стены и верхняя часть фундамента скреплены светло-серым алебастровым раствором, совершенно разложившимся и мягким. Интересно, что куски старого раствора иные – серые с белыми пятнами недогашенной извести или однородно белые, пылеватые, всегда очень прочные. В аналогичной технике с использованием подобных материалов возведен фундамент западной перегородки.

Кладка внешней части южного фундамента, опущенная в ров, напротив, совершенно иного типа. Сам ров длиннее здания (не менее 21 м), его ось смещена к северу (внутрь площадки) от оси рва городка примерно на 0,75 м. В плане он прямоугольный, с чуть закругленными краями, шириной не более 3 м. Стенки рва крутые, отрыты в плотном материковом суглинке, который на глубине 1,40 м сменяется рыхлым золотисто-рыжеватым песком. На самом дне рва образовался тонкий, хорошо отделяющийся гумусный натоп, включающий мелкие фрагменты камня. Поверх него насыпан слой явно привозного чистого речного песка светло-серого цвета, также с пятнами гумуса, мелким щебнем и раствором. Его толщина достигает 0,20 м, верх отмечен раствором проливкой. Дно рва под подошвой фундамента уплотнено кольями (сваи-коротыши), полностью истлевшими, но четко прослеживающимися в разрезе по пятнам. Длина кольев 0,30–0,40 м, они вбиты сквозь песчаную подсыпку в материк. Толщина их 0,05–0,07 м, расстояние между двумя сваями в ряду 0,06/0,08 м. В кладку сваи не заходили, так как упирались в крупные монолитные блоки.

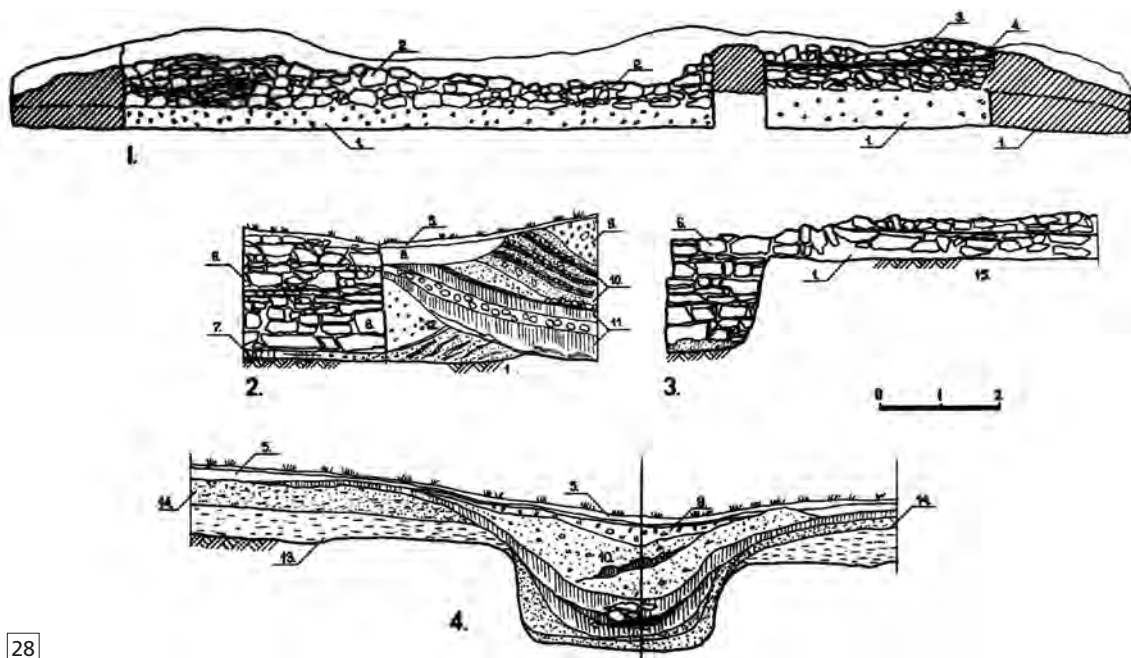
Ров не заполнялся фундаментом целиком, половина его ширины оставалась свободной – отсюда и велось возведение кладки. Она была поднята от поверхности подсыпки на обычную в строительстве высоту – 1,40–1,45 м, после чего низ рва засыпали и кладку продолжили с нового уровня (он маркирован щебнем и раствором). По окончании кладки ров заполнили грунтом до дневной поверхности и продолжили работы уже по всей ширине здания одновременно. Заполнение фундаментного рва слоистое – толстые линзы гумусированной супеси, прослойки песка, коричнево-серый переработанный предматерик, в верхней части – желтая сухая рыхлая супесь со строительными остатками. Все слои со временем одинаково просели, одновременность и конструктивность засыпки не вызывают сомнений.

Фундамент во рву сложен песчаниковыми глыбами (0,45×0,45×0,40; 0,75×0,75×0,25 м), аккуратно уложенными одна к другой и расклиненными мелкими камнями. Отборные камни составляют два нижних ряда, из них же – весь угол кладки. Выше, в середине фасада, таких блоков меньше, но камни все равно крупные. Тщательность подбора рождает ощущение регулярности, несмотря на то что камни не протесаны (вкл. 43, 44). Раствор желтый, коричневатый, с обильной примесью песка, в верхних рядах светлее.

Южное здание невозможно охарактеризовать полностью, не прибегая к описанию стратиграфии прилегающих участков, которая весьма интересна, хотя и проста. Край рва городка в древности примыкал непосредственно к углу здания и накладывался здесь на фундаментный ров, образуя в продольном разрезе плавно выгибающуюся ладьевидную форму (рис. 28, вкл. 49, 50). Максимальная глубина рва на прослеженных участках 2,00–2,20 м от поверхности начала работ, у стены же ров поднимался до глубины всего 0,40/0,50 м от той же отметки. Стены рва были очень крутыми, ширина в нижней части достигала 3,30 м, при приближении к углу здания ров завершался округлым овалом. Стратиграфия двух рвов взаимосвязана. По времени они очень близки, почти одновременны, но фундаментный ров появился первым и к моменту отрытия рва городка был уже засыпан, так как слои «большого рва» его перекрывают.

Между ними, ниже пересечения слоев, проходит треугольный в сечении песчаный барьерчик, образованный остатками подсыпки под фундамент, скопившейся в углу рва. Стенка фундаментного рва срезана полностью, вместе с частью подсыпки. По дну срезки к углу здания поднималась мощная светло-серая растворная проливка, плохо поддававшаяся лопате. Максимальная толщина ее 0,06–0,08 м, внутри ее и ниже прослеживается тонкий гумусный натоп, встречаются камни. На дне рва прослойка выклинивается. Не исключено, что это след строительных работ, а возможно,

28. Южное здание. Фасы и профили кладок.

1. Кладка южной стены, интерьер; 2. Кладка фундамента южной стены во рву и его заполнения; 3. Кладка фундаментов северной стены; 4. Профиль северного борта раскопа LXXX (1 – бутово-заливной уровень фундамента; 2 – кладка с подбором камней; 3 – лицевая кладка стены; 4 – обмазка пола; 5 – дерн; 6 – кладка во рву; 7 – подсыпка под фундамент и сваи; 8 – перекоп XX в.; 9 – строительный мусор; 10 – гумус и строительные прослойки; 11 – чистый гумус; 12 – песчаная подсыпка; 13 – плотный гуммированный суглинок; 14 – выброс из рва)

и специальное укрепление откоса, образованного сыпучей песчаной подсыпкой. Так или иначе, оба рва и нижняя часть кладки возводились почти непрерывно друг за другом в прослеживаемой последовательности: ров фундамента – кладка фундамента – начало кладки стены – ров городка – продолжение стены.

В связи с этим особый интерес представляют отвалы рвов. Отвал большого рва располагался по обе стороны от него, и внутри площадки, и снаружи, причем строго соответствовал по протяженности длине этого рва (ленты выброса четко выклиниваются при подходе к зданию) и имел в плане овальную форму края. Выброс наружу достигает толщины 0,20 м и образован светлым материковым песком, а сверху перекрыт темной гумусной супесью с угольками и щебнем (0,10–0,15 м) и современным дерном более светлого оттенка. Большая часть выброса (примерно две трети) легла внутрь городка. Поверхность выброса очень ровная, возможно, сглаженная, слегка поднимается к зданию. Надо рвом образовалась слегка приподнятая площадка, но не вал.

Заполнение рва четко делится на три пласта, из которых средний, имеющий типичную для заплывающих рвов плавно-округлую ладьевидную форму, резко отделяется от остальных благодаря обилию остатков раствора и камней, делающих его почти белым. Максимальная толщина слоя по центру рва достигает 0,80 м, по краям – до 0,25 м. Пласт сухой и рыхлый, слоистый, в нем встречаются ленты абсолютно чистого гумуса (натопы?). Выше лежит супесь наносного характера, коричневая, переходящая в дерн, толщиной до 0,75 м. За счет этих двух слоев и произошло в основном сглаживание рва. Нижний пласт начинается слоем погребенного темно-серого гумуса с незначительным содержанием древесного угля. Он светлеет книзу и переходит в коричневатую-серую супесь. Этим слоем перекрыт материковый выброс из рва по его краю.

Толщина слоя во рву от 0,30 до 0,50 м, в верхней части пласта попадают отдельные крупные камни. На самом дне лежит яркая лента серо-черного гумуса, вклю-

чающего строительные остатки и песок. Нижний пласт образовался в промежуток времени от строительства до начала разрушения. Лежащие в краях рва линзы песка и супеси возникли как смывы и осыпи выброса, а гумус есть результат затягивания рва – в него скатились со стен и затем «утонули» отдельные большие камни. Далее настал период активного разрушения (возможно, частичная разборка или раскопки со сбрасыванием грунта развалов в ров), и в гумус отложилось много мелких и мельчайших строительных остатков, из которых сложился второй пласт, сменившийся после прекращения разборок последним, гуммированным современным (в уровне второго пласта встречается русская керамика XVIII–XIX вв.) (рис. 28, вкл. 51).

Кладки Южного здания окружены задернованным П-образным всхолмлением и мелкой канавкой, которая была прорезана в конце XIX в. Это типичная насыпь отвала рва, состоявшая из суглинка, супеси и песка материка.

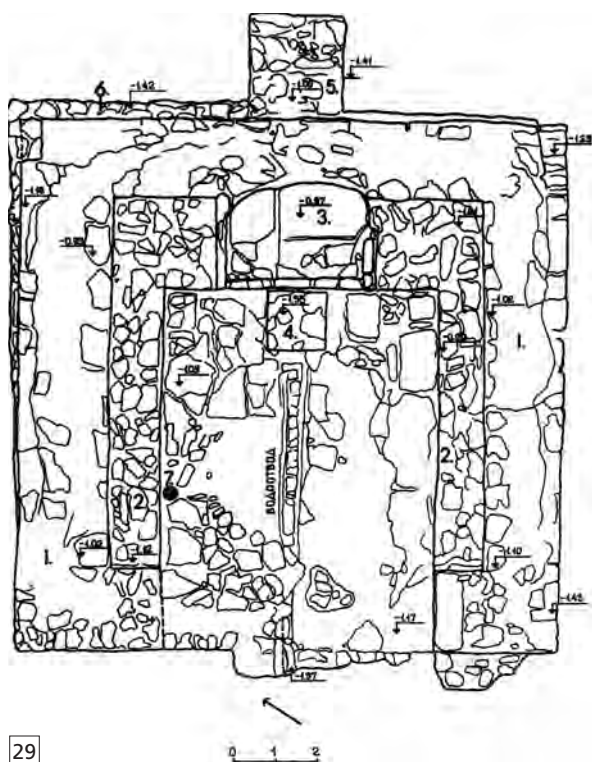
Следует отметить, что собранные при раскопках фрагменты строительных материалов едва ли составят даже 10–15 кубометров кладки, а в прилегающих слоях, за исключением рва, практически нет мелкого мусора и следов активной разборки кладок. Наблюдения 1980-х годов показали, что вынутая из ровов и лишь частично распределенная по поверхности земля осталась лежать горой там, где ей быть не следовало – вокруг сооружения, в том числе и возле портала; что количество строительных остатков, встречающихся в слое, ничтожно мало, а подпольные пространства, возможно, не были засыпаны полностью. На их основе был сделан вывод, что работы по возведению здания остановились на этапе кладки нижних частей стен или немного позже. Этот вывод подтверждало и отсутствие следов обживания на окрестной территории и в самом здании.

Керамики на раскопе собиралось очень мало, от 1 до 10 фрагментов с квадрата. Среди находок важны два фрагмента серо-голубой поливной по кашину чаши (особенно тот, что взят из слоя песчаной подсыпки фундаментного рва) и верхний жернов ручной мельницы из темно-серого песчаника (диаметр 0,38, толщина 0,07, сквозное центральное отверстие диаметром 0,06 м и два боковых) – он типично болгарский, но точно не датируется.

3.3. ЗДАНИЕ ДЛЯ ОМОВЕНИЙ (ЗДАНИЕ С ВОДОЕМОМ)

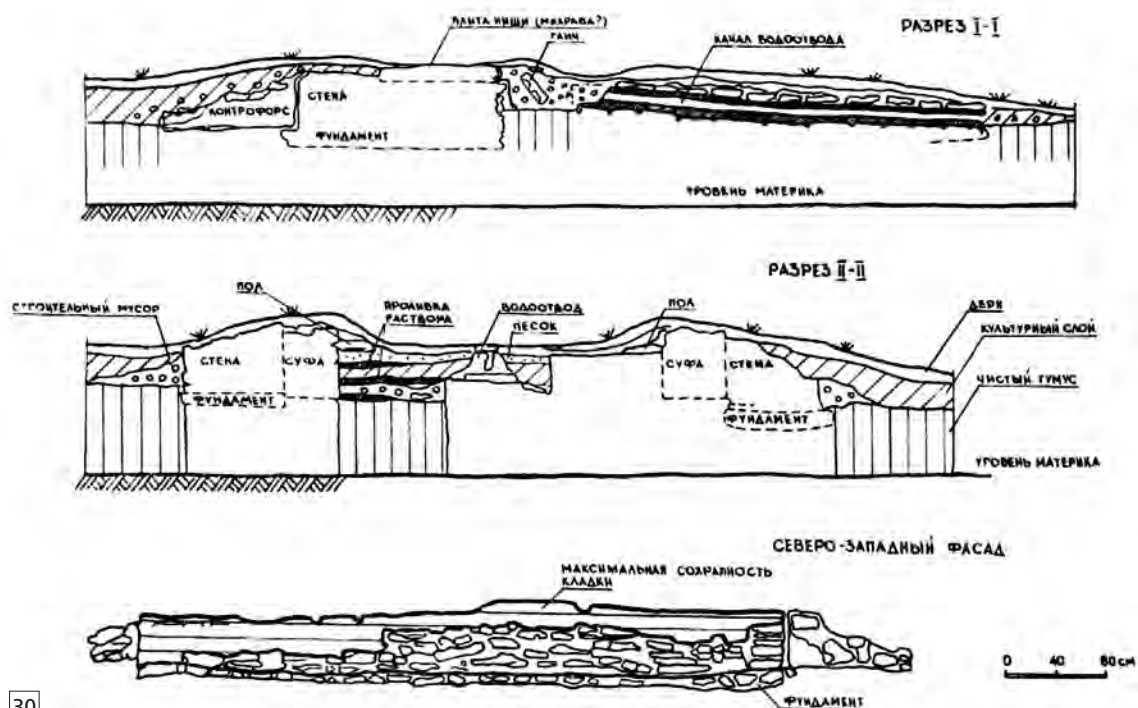
Здание с водоемом находилось между двумя линиями укреплений, в северо-восточном углу комплекса. Таким образом, оно располагалось на пути от въезда в Малый городок к башням проездных ворот внутреннего периметра, ближе к северо-восточному его углу, примерно в 25 м от него (вкл. 1).

Это сравнительно небольшая, но очень тщательно выполненная постройка (рис. 29, вкл. 52–55), в плане почти квадратная: внешний размер 5,20×5,30/5,25 м, внутренний –

29. Здание с водоемом. План кладок:
1 – стены, 2 – суфы, 3 – михрабная ниша;
4 – водоем; 5 – контрфорс; 6 – выступ фундамента; 7 – столбовая ямка ниже уровня пола

29

30. Здание с водоемом. Разрезы I-I, II-II, северо-западный фасад

3,65×3,65/3,70) м. Посередине юго-западной стены имеется выступ типа контрфорса шириной 0,90 м, длиной около 1 м. Средняя часть противоположной, северо-восточной, стены отсутствует – вероятно, здесь был вход. Толщина стен в среднем около 0,80 м (от 0,75 м у юго-западной стены до 0,90 м у юго-восточной). Внутри здания, вдоль боковых стен шла каменная скамейка – суфа, обмазанная раствором. Площадка суфы не сохранилась, ширина ее 0,45–0,50 м. Суфа заходила и на юго-западную стену, где расширялась вдвое, до 0,90 м. Посередине этой стороны плоскость суфы прервана низкой прямоугольной площадкой, отгороженной с обеих сторон как бы барьером из двух продолговатых брускообразных камней. За площадкой, в стене помещения находилась овальная ниша, так как овальный задний край площадки заглублен в кладку стены не менее чем на 0,15 м. Ось площадки и ниши совпадает с осью наружного контрфорса, который, таким образом, не только и не столько укрепляет здесь кладку, сколько, вероятно, отмечает положение ниши на фасаде здания. Площадка ниши образована тремя плоскими, хорошо подобранными плитами, слегка потрескавшимися и вытертыми. Общая ширина ее 1,30 м (с фланкирующими камнями 1,55 м), глубина около 1,00 м.

Пол сооружения образован плоскими каменными плитами на растворе, которым когда-то была сплошь обмазана вся его поверхность. Если учесть, что отметки пола разнятся между собой в пределах 0,10–0,15 м, снижаясь от углов к середине, следует заключить, что площадка ниши изначально поднималась над полом на 0,05–0,10 м. В то же время, судя по наивысшим отметкам в забутовке, ее чистая поверхность не могла иметь высоту над полом менее 0,25 м, так что уровень площадки ниши была несколько ниже, она «утоплена» по отношению к суфе.

Сочетание всех признаков наводит на мысль, что перед нами михраб небольшой культовой постройки, отмеченный контрфорсом. Ориентировка оси ниши (242° запад-юго-запад) этому не противоречит, так же, как и вход с востока-северо-востока.

Прямо перед нишей, вплотную примыкая к ее краю и точно по оси здания, располагалось маленькое (0,52×0,53 м) квадратное углубление в полу. Его строго вертикальные стенки были обмазаны толстым слоем алебаstra, а дно выстлано каменной плиткой, также с алебастровой обмазкой. Стенка углубления, примыкающая к нише, была украшена по краю четвертным профилем (обнаружен его фрагмент). К сожалению, приведенное здесь описание отчасти реконструктивно, так как сохранность оставляет желать лучшего: уцелели фрагменты обмазки стен и 2–3 плитки на дне. Отметка камней дна соответствует заглублению его от пола, близкому к 0,30 м.

С уровня примерно 0,10 м выше дна углубления, в направлении выхода из здания был устроен водосток, скрытый под полом (вкл. 56, 57). Он вымазан алебастром по мелким плиткам и перекрыт такими же плитками, уложенными на раствор и слегка в нем утопленными. Края водоотвода также местами укреплены плиткой. В сечении водоотвод трапециевиден, размер по низу 0,25 м, по верху 0,10 м, высота 0,20 м. Внутреннее отверстие прямоугольное, размером 0,06/0,08×0,03/0,04 м, заполнено тонкой супесью от затеков. Сток, пройдя под порогом, выходил за пределы стены на 0,28–0,30 м, и здесь обрывался – вероятно, вода просто вытекала наружу. Ток воды обеспечивался разницей в уровне дна (отметки от бассейна к выходу дают разницу в 0,12 м на расстоянии 3,10 м). К сожалению, примыкание водоотвода к бассейну не сохранилось, здесь он разрушен примерно на 0,15 м. Нельзя установить также, было дно глухим или с отверстием для притока воды, так что неясно, родник перед нами, резервуар или просто тошна.

Грунтовые воды в районе Булгара стоят довольно высоко, и Малый городок, расположенный далеко от реки, вероятно, снабжался водой колодцев, прудов и ручьев. В XIX в., согласно описаниям, здесь имелись мочажины и болотца, неподалеку известны пруды, так что возможность выхода на поверхность родников в прошлом весьма вероятна – нельзя даже полностью исключать возможности заполнения водой рва городка.

Небольшой бассейн с нишей и отмечающий их снаружи здания контрфорс образуют несомненный композиционный и функциональный узел, смысловой центр. Архитектурные особенности здания аналогичны остальным сооружениям Малого городка и типичны для развитого болгарского строительства. Кладка стен выполнена из рваного известняка и песчаника на светлом (светлее камней), близком к белому, алебастровом растворе. Во внешних фасадах, особенно в ответственных местах, таких как углы, камни подобраны друг к другу тщательнее, используются блоки типа небольших квадратов, иногда слегка подтесанные или обколотые. В основном же камень постелистый мелкий, и часто встречаются куски раствора вторичного использования. Перевязки нерегулярные, но рядность соблюдается строго. Кладка иногда залита раствором, в котором мелкие плитки как бы утопают, в расчете на сплошную внешнюю обмазку, которая фрагментарно сохранилась. Бутовых кладок не отмечено (за исключением суфы, внутренняя часть которой завалена рваным камнем без подборки и залита раствором).

Фундамент здания очень незначителен по глубине и состоит всего из одного ряда камней – возможно, нижние ряды лицевой кладки тоже исполняли роль фундамента, находясь под грунтом. Интересно, что постройка слегка «повернута» в плане по отношению к фундаменту, в результате южный угол его выступил наружу сильнее остальных (примерно на 0,10 м), а восточный и западный углы повисли без опоры.

Очень типична для болгарской строительной традиции конструкция пола. С ней удалось хорошо познакомиться благодаря шурфам, заложенным на разрушенных участках выстилки. Плитчатый обмазкой пол лежал на растворе, нанесенном

по выравнивающей чистой песчаной подсыпке, кое-где перебитой линзами супеси со следами строительного мусора (0,04–0,05, максимум 0,10 м). Ниже шел темный гумус толщиной 0,16–0,18 м. Он перекрывал водоотвод, подстеленный лентой строительных остатков (0,05–0,06 м). Затем снова шел строительный слой с мелким строительным мусором, в том числе камнями, а под ним – совсем тонкая проливка раствора по гумусу. На этом уровне кончалось основание суфы (она ниже уровня пола уже не имеет обмазки), глубже которого стены заложены всего на 0,10 м. Все подсыпки единовременны. Они могли появиться как случайно в процессе работ, так и с конкретной целью образовать подготовку под пол, как это сделано в субструкциях пола соборной мечети Булгара. Важно отметить, что в шурфе под полом была обнаружена яма от деревянной стойки лесов, с которых, по-видимому, велась кладка стен и перекрытия.

Реконструировать общую схему сооружения несложно – перед нами типичная для всего мусульманского Востока (в том числе и Булгарин) кубическая постройка под куполом. Судя по плану, она не имела выносного портала с выступающей нишей. Скорее можно предположить наличие широкого арочного (стрельчатого) проема (возможно, без дверей, как у беседки), обрамленного профилированным архивольтом или двумя пилонами. Как основание одного из них мы трактуем сохранившийся на северо-восточном фасаде выступ кладки шириной около 0,90 м с выносом до 0,40 м, в соответствии с положением суфы внутри здания. В этом случае абсолютная ширина проема должна быть близка 2,80 м.

Необходимо отметить, что во время работ в конце XIX века, когда сохранность руин была значительно лучшей, проход все равно не читался сколько-нибудь отчетливо. Авторы исследований вообще ошибочно помещали вход на южной стене – хотя ситуация, ими описываемая, свидетельствует об ином его расположении. Поэтому они также ошибочно подчеркивают излишне большую ширину проема. Приведем опубликованный текст: «Как все болгарские постройки, это здание обложено тесным камнем, но этим только и исчерпывается его сходство. Южная стена этого маленького здания имела широкий вход, прямо против которого и по остальным стенам находились неширокие цементные лавки. Прекрасно сохранившийся цементный пол не имел ни одной трещины»²².

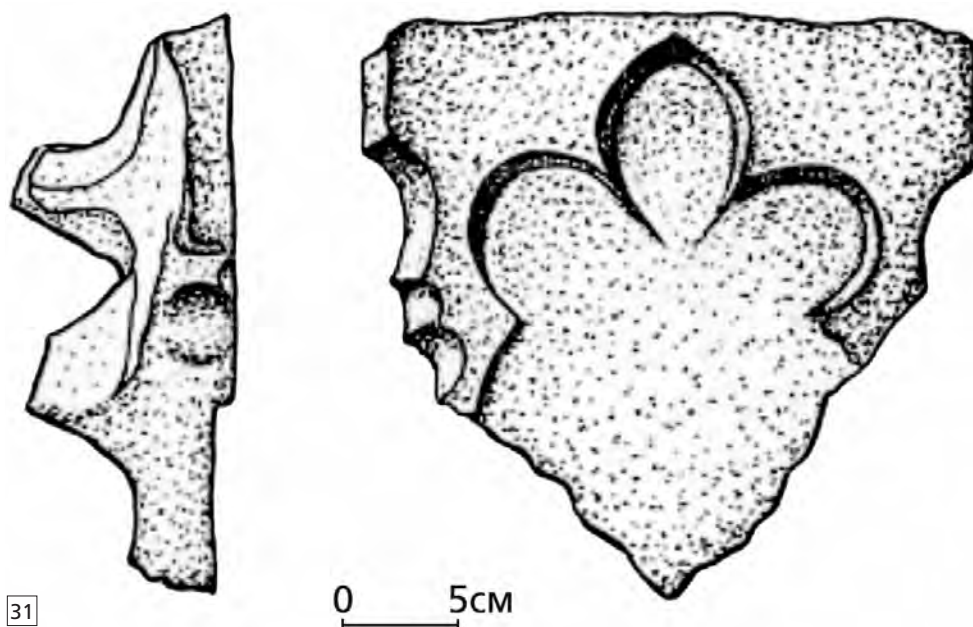
Что касается времени постройки, то представляется несомненной близость его по дате к остальным сооружениям городка, чьи даты не уходят ниже пределов 1-й половины – середины XIV в., тяготея к 1350–1360 годам. Они надежно обоснованы археологическим материалом из раскопок не только Малого городка, но и Большого городского вала, так что в целом сомнений вызывать не могут.

К сожалению, никаких материалов, позволяющих сузить дату постройки, при раскопках обнаружено не было. Слой, с которым пришлось работать, очень тонок, он едва покрывал руину и содержал совсем незначительное количество керамики (не более 10 мелких фрагментов) позднеболгарского типа. Из них следует отметить фрагмент золотоордынской поливной сине-зеленой чаши, подтверждающей общую дату постройки. Стратиграфия сооружения непоправимо нарушена исследованиями 1893 г. Все кладки, расположенные ниже уровня перекопа XIX в., лежат в слое черного стерильного гумуса, что свидетельствует о возведении здания на необжитом участке, в чистом поле. Подошвы фундамента не доведены до материка и стоят на предматериковом суглинке.

У нас нет, к сожалению, почти никаких данных для восстановления верхних частей конструкции и декора. Единственный декоративный фрагмент найден в заполнении водоема и относится, видимо, к оформлению интерьера. Это ганчевая

²² Раскопки И. Н. Смирнова и А. И. Александрова. См. *Извлечение из отчета*, 1895, с. 99–100.

31. Фрагмент резной ганчевой плитки

рельефная резная плитка, входившая в составную узорную композицию, возможно, украшавшую михраб (рис. 31, вкл. 58). Верхний край плитки ровный, боковые края прорезаны волнисто, так что при стыковке с аналогичными деталями должно было образоваться подобие сквозной розетки. Нижний край не сохранился. Ширина ганча 0,26 м, сохранившаяся длина – 0,25 м, толщина края 0,03–0,04 м, со скосом. Обратная сторона несет большой кусок раствора, с которым плитка составляет целое и который сохранил отпечатки от камней нерегулярной кладки.

В плоскость плитки врезан рисунок трилистника со стрельчатым верхним лепестком и круглыми боковыми. Мотив стрельчатого трилистника, как и применение резьбы по ганчу, – слишком общие признаки средневековой мусульманской архитектуры, чтобы на основе их можно было строить конкретные заключения. Вариантов общей композиции с такой деталью сотни тысяч, аналоги ей можно найти практически в любой декоративной постройке от Хорезма до Танжера (надгробие Сайида Алаудина в Хиве, XIV в., раппорты резного ганча в мечети султана Калауна, XIII в., ниша на фасаде ворот Баб аз-Зувейла X в. в Каире и многие другие). Сходные декоративные решения есть и в Орде.

Типологически Здание с водоемом можно определить, исходя из арабo-мусульманской традиции, термином «кубба». Это собирательное понятие, объединяющее представления об отдельно стоящем здании ритуального или мемориального назначения. Архитектурная композиция куббы, при бесконечном разнообразии вариантов, в целом однотипна для построек Востока, различных по функциям. Обычно это мавзолеи, могилы святых, памятные часовни, надкладезные и другие беседки, разного рода павильоны, небольшие мечети. Куббы встречаются в мусульманской архитектуре с X в. чаще других типов, причем чуть ли не повсеместно – от Хорезма и Туркестана до Египта, Магриба и Андалусии.

Благодаря ясно выраженной ассоциации открытого нами здания с ритуалом омовений представляется возможным сузить круг аналогий, ограничив его объектами, связанными с культом воды. Этот культ, один из древнейших на Земле, был чрезвычайно распространен в мусульманском мире. Ритуальная практика магометан предусматривала ежедневные неоднократные омовения

в течение всей жизни. Детали обряда омовения становились темой религиозных разногласий (например, в спорах шафиитов и ханифитов). В путешествиях, особенно паломнических, контакты с очищающей водной стихией отличались невероятным разнообразием, а их ритуалы – высокой степенью разработанности. Они включали не только всевозможные формы омовений и окроплений, но и питье воды из священных колодцев, источников и ручьев, а также благочестивые размышления возле них, медитацию. Недаром наиболее прямо связанный с культом воды персонаж мусульманской мифологии, Хазрет Хызр, являлся покровителем странствующих и путешествующих²³.

Описания священных водоемов в литературе ближневосточного средневековья бесконечно многочисленны, и внимание, им уделяемое, демонстрирует серьезность отношения к святости водоемов. Приведем для примера несколько наиболее ярких случаев. У Ибн Джубайра (кон. XII – нач. XIII в.) детально описывается главная «водная» святыня мусульманского мира – колодец Земзем в Мекке: пространство «внутри купола обведено канавкой... Она поднята над землей и наполнена водой для омовения. А вокруг нее – круглая каменная скамейка, на которой люди совершают омовение». Описывается также скамья, расположенная снаружи здания: «люди сидят там, размышляя о благородстве этих мест... Ибо Черный камень перед тобою... и колодец Земзема позади тебя, и размышляй здесь на здоровье!» Ибн Джубайр, впрочем, позволяет себе заметить по поводу безумств фанатиков в куполе Земзема: «Упаси нас Аллах от предрассудков толпы, ее самоуверенности и подверженности страстям!»²⁴.

Эти описания дополняет другой знаменитый путешественник Насир-и Хусрау: «вход в него расположен с восточной стороны. Против ограды Земзема, на восточной же стороне, находится другое четырехугольное здание с куполом, называемое Сикайет-ал-Хадж («Водопой паломников» – авт.). Там стоят кружки, из которых пьют паломники»²⁵. Обряды омовений путников, совершающих хадж, позже наблюдали европейские путешественники. Так, Иоганн Вильде (ок. 1605 г.) рисует следующую картину: «...за три дня пути до Мекки турки делают остановку на 1 день в поле, где есть вода..., они... раздеваются..., берут воду, омывают все тело и говорят: «О Боже, смилуйся над нами ради нашего Пророка»²⁶.

Массовые действия, полные религиозного экстаза, связанные с омовениями, коллективными обливаниями и растираниями водой, текущей с Купола Джабраила, суеверия фанатичной толпы, ожидающей чудесного наполнения колодцев, вызывают осуждение более просвещенных паломников, хотя они же с нескрываемым восторгом описывают «благословенную воду Земзема» и других источников²⁷.

Важно отметить, что надзор за источниками и местами омовений, их очистка и постройка необходимых (зачастую роскошных) сооружений над ними считались функцией правителя, лишь изредка передоверявшейся знатным или особенно благочестивым ктиторами. Ибн Баттута, совершавший свои путешествия во второй четверти XIV в., рассказывает, что мамлюкский правитель «аль-Мансур Калаун велел построить перед Воротами мира (в Медине – авт.) здание для омовений. За этой постройкой наблюдал благочестивый эмир Ала эд-Дин... Такое здание построил его сын Малик ан-Насир между ас-Сафа и аль-Мервой»²⁸. Ему вторит Лев Африканский (XV в.), описывая замок Хаулан: «Рядом с замком находится источник с горячей водой... Абу-л-Хасан... приказал построить над ним очень красивое здание»²⁹. Ибн Джубайр описывает в окрестностях Мекки некий локус аз Захир, «...расположенный

²³ Басипов, 1970. С. 124–137.

²⁴ Ибн Джубайр, 1984. С. 52, 61.

²⁵ Насир-и Хусрау, 1933, с. 165.

²⁶ Аравия, 1981, с. 86, 87.

²⁷ Ибн Джубайр, 1984.

с. 75–79, 91–93, 138 и др.

²⁸ Аравия, 1981, с. 82

²⁹ Лев Африканский, с. 175.

по обеим сторонам дороги и состоящий из домов и садов; все они – собственность одного мекканца, который соорудил здесь место очищения и утоления жажды для совершающих умра. Делаящие умра находят здесь большие удобства»³⁰.

Потребность в воде для омовений в местах скопления паломников была столь велика, что частные лица иной раз создавали целые очистительные комплексы, включавшие не только источники, но сады и строения; предусматривался и обслуживающий персонал³¹. Согласно Ибн Джубайру, в Дамаске насчитывалось до 40 помещений для омовения, снабженных проточной водой. Насир и-Хусрау описывает канал для слива воды в мечети в Мейя-Фарикин³², и т. д.

Описания конструкций сооружений над источниками многочисленны, но отрывочны и кратки. Можно, однако, утверждать, что в большинстве случаев описываются купольные отдельно стоящие павильоны, и лишь в редких случаях – пристройки (к мечетям, медресе и т. п.) или многокамерные сооружения. Зачастую источник окружали стены. Обычным приемом для удаления воды было устройство стоков под полом. Лев Африканский пишет, что «В Сефру нет ничего достойного, кроме храма, через который протекает большой ручей»; что в г. Тийиут «Внутри через храм проведен канал, отведенный от реки», а «Внутри Айт Ийада есть храм, небольшой, но очень красивый. Вокруг храма идет маленькая канавка с водой, наподобие речки»³³.

Важно отметить, что ритуал омовения сравнительно редко выступал как замкнутый, самоценный обряд. В магометанстве его роль двойственна, он мыслится на границе «чистого» и «нечистого» миров, служит необходимой переходной ступенью на пути к полному, внутреннему, очищению и раскаянию. В силу этого помещения для омовений обычно все же выносятся за пределы священных комплексов, располагаются у ворот, при входах, на прилегающей к мечети или медресе территории, при дорогах – что не исключает наличия внутри самих комплексов специальных фонтанов, бассейнов, рвов, наполненных водой, и даже ручьев³⁴. Ибн Джубайр особо отмечает медресе г. Рас-ал-Айн, которое «находится на зеленом острове и с трех сторон окружено водой; туда можно попасть лишь с одной стороны». В этом же городе древняя мечеть «...расположена в месте, обильном источниками, и перед нею бьет ключом родник». Укажем также на «правила малого и большого омовений», изложенные в известном «Рассказе о Таваддуд»³⁵.

Не исключено, что подобные ритуальные очищения, за которыми обычно следовала молитва в мечети, могли предварять также посещение некоторых дворцовых или правительственных, наделенных элементами сакральности, комплексов.

Представляется, что приведенные примеры дают все основания видеть в раскопанном на Малом городке здании с водоемом типичную на средневековом Востоке часовню омовений, позволявшую путнику и паломнику совершать необходимые очистительные обряды, прежде чем вступить в границы, очерченные внутренним рвом, куда вело основное парадное сооружение комплекса – двухбашенные ворота.

3.4. МАВЗОЛЕЙ И ЕГО КЛАДБИЩЕ

В северо-восточной части Малого городка, между внутренней и внешней линией периметра, выявлен погребальный комплекс, основное место в котором занимает мавзолей (вкл. 1, 17, 63).

Несмотря на крайне неудовлетворительную степень сохранности, удалось выявить его основные габариты. Это прямоугольная в плане однокамерная постройка размером 7,4×6,2 м, ориентированная длинной стороной по оси север–юг. Ширина

³⁰ Ибн Джубайр. 1984, с. 69–70.

³¹ Ибн Джубайр, 1984, с. 138, 168, 193, 197, 198 и др.

³² Насир и-Хусрау, 1933, с. 40.

³³ Лев Африканский, с. 217; с. 69; с. 109.

³⁴ Ибн Джубайр. С. 173.

³⁵ *Книга тысячи и одной ночи*, 1959. с. 19–21 (ночи 440, 441).

стен основания не менее 90 см. Размеры внутренней камеры – 5,5×4,5 м (площадь 24,5 м²). Вход в сооружение не фиксируется (порог находился выше сохранившегося уровня кладок), но, учитывая наличие свободной площадки во внутреннем объеме мавзолея с южной стороны, можно предположить, что он находился там же.

Фрагменты кладок с остатками раствора прослежены в восточной стене и, частично, в северной. Для кладки использовался необработанный камень различных размеров и конфигурации, а для скрепления его применялся известковый раствор (вкл. 64, 65).

Как и в Южном здании, часть строительных материалов использовалась вторично и происходила от более древних сооружений: встречены крупные куски застывшего раствора, на многих камнях зафиксированы остатки старого связующего.

Краев фундаментного рва обнаружить не удалось ни в одной стене – видимо, при скромных габаритах мавзолея, его фундамент был совсем мелким. У стен с наружной стороны (возле северо-восточного и юго-восточного углов мавзолея, а также около южной и северной стен) зафиксированы участки мощения плоскими камнями без использования раствора (вкл. 66).

Ограбление мавзолея и его начальное разрушение, вероятно, произошло в период запустения Болгарского городища в XV в., окончательное разрушение памятника с целью получения известнякового камня могло завершиться уже в XVIII–XIX вв.

В 2 метрах к западу от мавзолея обнаружилась *частокольная канавка* шириной до 0,15 м, на протяжении около 10 м. Она тянется с севера на юг с небольшим (15°) отклонением к западу и не совпадает с ориентировкой самого мавзолея. На дне канавки сохранились деревянные колья или жерди толщиной 5–8 см. Интервал между ними составляет 15–25 см. Примечательно, что между этой оградой и внешним фасадом западной стены мавзолея каменная вымостка отсутствует. Не исключено, что это остатки временной ограды мавзолея (вкл. 17, 63, 75).

Ров вокруг кладбища. Погребальное пространство с трех сторон обведено довольно широким (2 м), но мелким (глубина около 1 м) рвом. В 2013 г. ров был прослежен с восточной и южной сторон, на расстоянии 6 м от мавзолея, а в 2015 г. в зону исследований попал северо-западный фрагмент, начало северной стороны рва, что позволило полностью реконструировать его первоначальные форму и размеры. Интересно, что ориентировка рва совсем не совпадает с ориентировкой мавзолея, но зато довольно точно соответствует линии внутреннего рва Малого городка, причем северная сторона рва мавзолея продолжает линию северной стороны городка. Длина рва по северной стороне составляет 18 м, по восточной – 38 м, по западной – 17 м. С западной стороны оба конца рва не доходят до границы с внутренним рвом городка на 2,5 м (вкл. 1, 17, 76–79).

Поверхность дна рва плавно понижается сначала в восточном направлении, а после поворота – в северном. Перепад между самой высокой точкой и самой низкой составляет 39 см, или 0,9 см на каждый метр. Заполнение рва – темно-серая слабо гумусированная супесь. В отдельных местах в придонном заполнении рва встречены крупные обломки белого камня, а также фрагменты древесины и обугленная береста (вкл. 79).

Учитывая глубинные отметки дна рва, которые понижаются в северном направлении, можно допустить что он заполнялся водой из внешнего рва Малого городка и был, таким образом, включен в общую систему оборонительных сооружений. Видимо, он ограничивал территорию мавзолея и был открыт либо вместе, либо после появления внутреннего рва Малого городка. На ограниченной рвом территории кладбища мавзолеей помещен с сильным сдвигом к югу, поэтому нельзя исключить существования в северной части той же площадки еще одного погребального сооружения.

Индивидуальные находки и массовый материал с территории кладбища мало-численны. Если не считать современного мусора из слоя дерна и с поверхности, то общее число обнаруженных артефактов близко к двум десяткам. В основном это малоинформативные обломки керамики из красножгущихся глин, с добавками мелкого песка или без видимых включений. Цвет обломков – от светло-бурого до красновато-коричневого. Обжиг горновой, полный окислительный, черепок крепкий, звонкий, в изломе однослойный. Поверхности без следов декора, гладкие. Формы сосудов по обломкам таких размеров не восстанавливаются. Подобные признаки характерны для болгарской керамики XIII группы и других, которые датируются золотоордынским периодом³⁶. На территории Болгара она встречается в огромных количествах. Другая категория находок – нумизматические. Все они относятся к золотоордынскому периоду Болгара. Найдено 5 монет: 4 медных пула и 1 фрагмент серебряного дирхема. Изображения на медных монетах просматриваются лишь частично, но некоторые узнаваемы: пятиконечная звезда с тамгой в центральной части и барс влево на фоне восходящего солнца. Есть и один предмет вооружения – железный наконечник стрелы, который датируется XI–XIII вв.³⁷. Все находки происходят из почвенного слоя серой супеси, куда попали, возможно, еще до строительства или в составе вторично использованных строительных материалов (вкл. 80).

Погребения в мавзолее

При зачистке поверхности по материку во внутреннем объеме мавзолея обнаружены пять грунтовых погребений в прямоугольных ямах (вкл. 68, 69). Они нарушены большой грабительской ямой размером 3,7×4,1 м, которая полностью разрушила погребение 2, задела верхнюю часть погребения 5 и частично повредила верхний уровень еще двух могильных ям. В заполнении грабительской ямы отмечен грязно-желтый песок с включением серой супеси и большое количество строительного мусора (грубо отесанные камни, куски раствора, белокаменная и известковая крошка) (вкл. 70); встречены разрозненные кости человека и мелких животных-грызунов.

Могильные ямы прямоугольной в плане формы, с закругленными углами, стенки отвесные или слабонаклонные. Захоронения совершены головой на запад, лицом к югу, в вытянутом положении на спине, с легким разворотом на правый бок. Правая рука вытянута вдоль тела, левая – согнута в локте и уложена на левый бок. Одно захоронение находилось в деревянном гробу ящичного типа, сколоченном из толстых плах. Погребальный инвентарь в могилах не обнаружен. Это, несомненно, захоронения мусульман.

Во внутреннем объеме мавзолея зафиксирована еще одна могильная яма, но без следов захоронения (кенотаф?), частично перекрытая погребением 1.

Центральное положение в мавзолее занимает захоронение мужчины 40–50 лет (погребение 3)³⁸ (вкл. 71). Его могила расположена посередине сооружения, несколько ближе к западной стене. Захоронение совершено в яме прямоугольной формы (длина 2,4, ширина 0,95, глубина около 0,60 м). Вдоль всей южной стенки ямы тянется ступень шириной 0,20–0,23 м и высотой 0,13–0,15 м. Заполнение ямы – грязно-желтый песок; дно ровное. Ориентировка скелета западная, с небольшим отклонением к северу (5–7°). Костяк находился в вытянутом положении на спине, с легким разворотом на правый бок, левой стороной прижат к северной стенке могильной ямы. Череп повернут вправо, глазницы обращены к югу, шея вытянута к правому плечу. Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте, ее предплечье уложено на тазовые кости левой стороны, а кисть находится в паховой

³⁶ Кокорина, 2002. С. 91.

³⁷ Руденко, 2003. С. 221, табл. 43.

³⁸ Половозрастные оценки антропологического материала из раскопа

№ 197 (СХС VII) проведены с.н.с. НЦАИ ИИАН РТ И.Р. Газимзяновым.

зоне. Ноги вытянуты прямо, пальцы ступней развернуты к югу. Инвентарь в захоронении не обнаружен.

Могильная яма *погребения 1* (мужчина 40–50 лет) расположена в северо-западной части мавзолея (вкл. 72). Ее восточная часть перекрывает еще одну могильную яму, без следов захоронения – кенотаф(?). Погребение 1 находилось в гробу ящичного типа из толстых плах (размеры 2,2×0,80 м). Крышка или иное перекрытие гроба не прослежены. Ориентировка захоронения западная, с незначительным отклонением (10°) к югу. Костяк находится в вытянутом положении на спине, с легким разворотом на правый бок. Череп повернут вправо, глазницами к югу. Правая рука уложена вдоль тела, ее кисть вывернута наружу, левая рука согнута в локтевом суставе, предплечье находится в нижней области грудной клетки. Правая нога согнута в колене, пальцы ее стопы обращены к югу, левая нога прямая. Инвентарь в захоронении не обнаружен.

Могильная яма *погребения 4* (ребенок 8–10 лет) расположена также в центральной части мавзолея, но ближе к его восточной стене. Ориентировка погребения западная, с небольшим отклонением (5°) к северу (вкл. 73). Скелет находится в вытянутом положении на спине, с легким разворотом на правый бок, его левая сторона прижата к северной стенке могильной ямы. Череп повернут право и наклонен вниз, глазницами к юго-востоку. Правая рука вытянута вдоль тела, левая чуть согнута в локте и уложена на левый бок. Левая нога несильно согнута в колене, правая прямая. Положение скелета может свидетельствовать о его посмертном пеленании. Погребальный инвентарь не обнаружен.

Погребение 2 (женщина? зрелого возраста?) полностью разрушено грабительской ямой. Скелет представлен черепом во фрагментарном виде и отдельными обломками костей (вкл. 74).

Погребение 5 (мужчина? зрелого возраста) разрушено грабительской ямой. Размеры могильной ямы точно не установлены, но длина не менее 2,0 м, ширина не менее 0,8 м. В южной стенке ямы зафиксированы следы гробовища. От захоронения остались лишь фрагмент свода черепа, нижняя челюсть и несколько позвонков. Кости сдвинуты. Кроме того, в заполнении могильной ямы отмечаются и другие кости скелета вне анатомического порядка, целостность которого нарушила грабительская яма.

ВАЛЫ, РВЫ И ПЛОЩАДКА ГОРОДКА

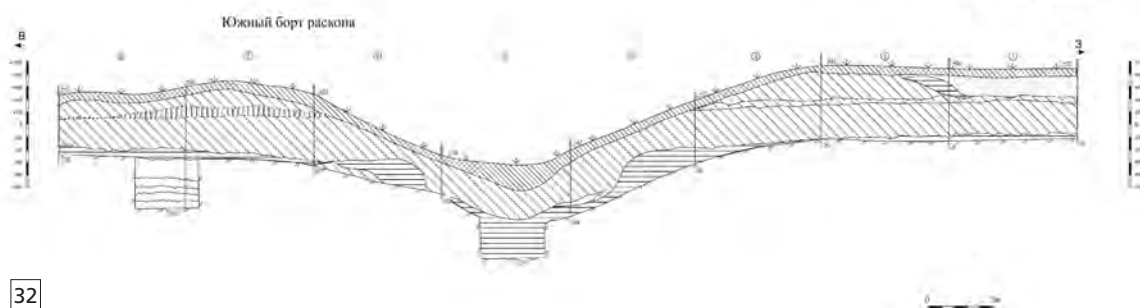

Как уже сказано, Малый городок образован двумя линиями замкнутых периметров, трапециевидно-многоугольной внешней и четырехугольной внутренней. Внешняя линия – вал и ров значительной длины (восточная сторона 290 м, западная 330 м, северная 300 м). Въезд осуществлялся, видимо, через проем в восточной части, вдоль вала городища.

Внутренний периметр вписан в наружный не концентрически (хотя направления сторон явно ориентированы на внешний обвод), а с сильным сдвигом к северо-восточному углу, то есть ко въезду. В плане это неправильный четырехугольник, площадь которого приближается к 10 000 м² (северная и восточная стороны по 105 м, южная 90 м, западная 106 м) (вкл. 1). Ров, выделивший это центральное пространство, не сопровождался валом (в разрезе ров трапециевидный с крутыми стенками, ширина по дну 2,20–3,30 м, по верху около 4.00 м; глубина, считая от древнего дерна, 2,00–2,20 м, с запада, возможно, глубже).

Вынутый из рва грунт лег на обе стороны, причем не менее трети объема выброшено наружу. Выброс внутрь спланирован, так что, хотя площадка четырехугольника оказалась немного приподнятой с краев (на высоту до 0,46–0,50 м), это отнюдь не вал. Строители явно сознательно пренебрегли возможностью соорудить позади рва ограду, распределив вынутую землю почти поровну между сторонами и снелировали отвал. Возможно, в их планы входило заложить во рву каменную стену, или установить надо рвом деревянную, но, несмотря на тщательные поиски, никаких конструкций не обнаружено.

Наиболее четкую стратиграфическую картину внутреннего рва с его восточной стороны дает южный профиль раскопа СХCVIIIa. Его длина 16 м, высота в западной части 1,05 м, в восточной – 1,03 м (рис. 32, вкл. 85). *Верхний горизонт* – гумус темно-серого насыщенного цвета, с плотной корневой системой полевых растений на верхнем уровне, мощностью 12–13 см. Его нижняя граница в напольной части ровная, на склонах и дне рва – ломаная, нарушенная почвенными процессами. *Второй горизонт* – грязно-желтый песок с комочками бурого суглинка и пятнами темно-серой супеси толщиной до 25 см. Это выбросы из рва, которые на его склонах и дне отсутствуют. *Третий горизонт* – погребенная почва в виде слоя плотной супеси серого цвета, мощностью до 45 см, постепенно и плавно переходящая к нижележащему горизонту. *Четвертый горизонт* – слой бурого, структурированного (комковатого) суглинка с небольшими пятнами темно-серого цвета, толщиной около 15 см; это предматерик и материк.

32

32. Разрез по внутреннему рву Малого городка. Южный профиль. Чертеж

Профиль рва имеет иную структуру. Под гумусовым горизонтом отмечен мощный слой серой супеси с прослойкой рыхлой супеси черного цвета в ее основании – торфообразные отложения в придонной части. Ниже идет более светлый слой супеси толщиной 15–20 см, а далее начинается светлый материковый песок. Светло-серый слой образовался в древности после откопки рва и его заполнения, он связан с процессами естественного формирования почвы. Вертикальные стенки рва в верхней части плавно круглятся, постепенно переходя в дно округлой формы.

Внешний периметр Малого городка выглядит в разрезе иначе. Его ров отличается несколько меньшей глубиной (около 1,20–1,30 м), но он шире (более 4,00 м и с западной (внутренней) стороны имеет сильно оплывший к настоящему времени вал с шириной основания свыше 3,00 м. В раскопе СХСVIIIб, на бровке рва с западной стороны, зафиксирована достаточно мощная подушка серо-бурой супеси с песком, под которой залегает тонкий подзолистый горизонт. Это и есть собственно вал, образованный выбросами из рва. В придонном заполнении рва обнаружен камень белого цвета (известняк) средних размеров (вкл. 86). Никаких следов наземных конструкций ни вдоль ровов, ни на вершине обваловки нами не обнаружено.

Стратиграфия внутренней, центральной, площадки городка еще проще. Она попала в зону сельскохозяйственного освоения и интенсивно распаивалась в позднем Средневековье и в Новое время. Гумусовый слой довольно мощный (до 40 см), и в его основании, действительно, выявлены признаки пахотного горизонта. Но находки из этого слоя единичны и перемешаны распашкой – это измельченная красноглиняная керамика XIV–XVI вв., обломки фаянсовой посуды XX в., разрозненные кости животных. Обнаружить следы строительства в этом пространстве, несмотря на ряд попыток, не удалось ни при работах 1980-х гг., ни в 2010-х гг. По-видимому, центральная площадка Малого городка иных конструкций, кроме периметра, никогда не имела.

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Возможности функциональной интерпретации Малого городка весьма ограничены. При его сооружении важная роль отводилась рельефу, что характерно для болгарского градостроительства. Центральная площадка помещена в самой высокой точке поля, максимальная отметка ее лежит в районе ворот. К северу, востоку и особенно к югу от города местность понижается. Малый городок и сейчас – господствующая позиция в южной части Болгарского городища, подъем рельефа начинается только к западу-северо-западу. Южный фас внешнего четырехугольника, возможно, был дополнительно защищен топью, от которой еще в начале нашего века сохранялась мочажина.

Строительная техника построек Малого городка едина для всех сооружений, она имеет ряд особенностей, выделяющих ее среди болгарских памятников XIII–XIV вв., хотя в целом она им аналогична. Остановимся на этих деталях. Общим приемом для болгарского строительства является использование под фундаментами песчаных подсыпок, заливок и свай-коротышей. Однако системы фундаментов Малого городка отличает особая сложность и неоднородность. Их заложение на многих участках крайне мало и существенно уступает глубине оснований не только крупных зданий (у Соборной мечети это 2,20–2,40 м), но и небольших построек: центральные мавзолеи имеют фундамент глубиной 2,35 м у Монастырского погребца и 1,9 м – у церкви Св. Николая, даже дромос последнего глубиной 1,90 м³⁹. В то время как многие ленты фундаментов на городке лежат на глубине всего 1,00 м и даже менее (иногда они почти не имеют глубины) и спускаются только во рвы.

В кладках собраны те же материалы, что применялись в Болгаре вообще, – туф, известняк, песчаник, булыжник⁴⁰. Но в забутовках они использованы без разбора, вперемешку, и вместе с камнями в дело идет большое количество застывшего колотого раствора, включающего старый каменный бут, – ясно, что для строительства активно свозили разбираемые куски кладок более ранних городских сооружений.

Камень обработан очень экономно, скупо, хотя и искусно. Следы тески указывают на уже упоминавшийся набор инструментов: тесовик, скарпель, для твердых

³⁹ Айдаров С. С., 1970. С. 51; Хлебникова Т. А., 1970. С. 57 и след.

⁴⁰ Ерепев В. В., 1927. С. 36–38.

пород – троянка-зубчатка. Это характерно для болгарской тески в целом – но стоящие бок о бок блоки зачастую обработаны совершенно по-разному. Следовательно, и здесь речь может идти о вторичном использовании крупных и твердых камней, несомненно, более дорогих⁴¹.

Интересно сравнить приемы тески камня-известняка мастерами Владимиро-Суздальской земли и Болгара. На примере обработки камня Малого городка о сходстве приемов говорить трудно – нет ни характерных фасок по краям блоков, ни регулярных рядов-насечек от тесовика или скапеля, есть только рано появляющаяся в Болгарах троянка. Еще больше отличаются приемы обработки мягких подмосковных известняков мастерами XIV–XV вв.

Следует подчеркнуть, что среди камней совершенно нет шлифованных и вообще облицовочных, тесанных начисто, – вероятно, облицовка стен здесь не применялась, хотя прием этот в архитектуре Болгара эпохи расцвета использовался широко. Нужно указать также на полное отсутствие в кладках конструктивно используемого кирпича, фрагменты которого лишь изредка встречаются в забутовке, – а ведь это очень популярный в позднесредневековой Болгарии материал. Видимо, вся кладка, включая своды и иные ответственные места, была каменной, но поверхность ее закрывалась штукатуркой.

Растворы, и это тоже характерная черта болгарского строительства, имеют сложный состав и различаются в разных частях зданий. Им явно придавалось особое значение, что легко объяснимо господством бутовой техники в кладке. Визуально можно выделить три варианта – для кладок наземных частей; для фундаментов; для обмазок и штукатурок. *Первый* – известковый, с добавками гипса, кусочков извести, камушков, черепков, редких угольков и т. п.; *второй* – весьма тощий, без посторонних добавок, на чистом песке, местами с небольшой примесью цемянки; *третий* – декоративный, на алебастровой основе, белый, тонко отмученный, без добавок.

Декор сооружений, даже по болгарским меркам, более чем скромнен. Полностью отсутствуют изразцы или иные керамические украшения, профилировки из камня или раствора, орнаментальная резьба по камню. Единственный найденный в Здании с водоемом фрагмент резного ганча – плоский врезной трилистник с прорезями по бокам. Он очень прост и относится к распространеннейшему мотиву мусульманской орнаментики. Аналогичные или очень близкие по рисунку трилистники входят в орнамент достаточно отдаленных друг от друга памятников и выполняются в разных техниках (ср. изразцы надгробий Наджм-ад-дин-Кубра в Куня-Ургенче и шейха Сейида Алауддина в Хиве, XIV в.; резной ганч михрабной ниши мечети султана Калауна в Каире, XIII в.; декоративную нишу в стене городских ворот Каира – Баб аз-Зувайла, XI в.⁴²).

Скупость отделки странно контрастирует с широтой общего замысла. Масштабы строительства на Малом городке в целом сопоставимы разве что с возведением земляных укреплений городов Болгарии. Ансамбль в момент перерыва работ имел, вероятно, вид огромной строительной площадки со свежевырытыми, более чем километровыми рвами, частично насыпанными валами, зданиями, отстроенными полностью или частично.

Кроме объемов, внимания заслуживает тот факт, что, в отличие от всех значительных комплексов Болгара, которые складывались постепенно, накапливаясь десятилетиями, Малый городок задуман и начат как единое целое, целенаправленно и, в общем, одновременно по всей площади. Это ансамбль в прямом значении

⁴¹ Ср.: Новаковская, 1986. С. 72–84.

⁴² Пугаченкова Г. А., 1975. С. 120, рис. 80; Ходжаш С. И., 1975. С. 125;

Веймарн Б. В., 1974. Рис. 59.

слова – собственно, единственный известный пока в Болгаре. Отдельные постройки и части его должны были сочетаться друг с другом целесообразно и органично.

Как сам замысел, так и размеры проведенных работ отражают значительные материальные возможности города, опыт строительства из камня, земли и дерева, накопленный в XIII–XIV вв. и ранее. Строительные ремесла, техника, организация работ в Болгаре к середине XIV в. достигли, безусловно, нового уровня, позволявшего планировать и возводить крупные комплексы репрезентативного назначения, не уступавшие по размерам и сложности замысла ансамблям территорий с гораздо более древней архитектурной традицией. Попытка возведения Малого городка свидетельствует о высоких требованиях заказчика и возможностях мастеров перейти от сооружения отдельных зданий к постройке ансамблей.

Разумеется, такие работы требовали не только больших прямых трудозатрат, но и квалифицированной рабочей силы. Для осуществления задуманного город, возможно, был вынужден мобилизовать ресурсы, в том числе использовать выборки материалов из старых памятников, а также пожертвовать некоторыми традиционными приемами строительства и богатством декора.

Противоречие между реальными возможностями и размахом строительства, вкупе с неблагоприятными для Болгара событиями внешнеполитической истории второй половины XIV и начала XV в., стало, вероятно, причиной прекращения работ. История Волжской Булгарии и Золотой Орды этого времени полна драматизма. Вслед за последним расцветом государства Джучидов 1340–1350-х гг. в нем наступает закономерный для крупных феодальных образований этап усиления отдельных центров, кристаллизовавшихся в плодородных недрах имперского союза. Правители этих центров, опираясь на поддержку местных городов и феодалов, делают смелые попытки распространить влияние на центральное правительство или, наоборот, сепарировать свой улус, изъять его из-под власти ханов Сарая. К этому стремился и Великий Булгар. В государстве вспыхивает ожесточенная борьба, известная в русских летописях как «великая замятия». В нее оказываются втянутыми все крупные города и земли Орды.

Ранее не укрепленные города нижней Волги (Сарай-Берке, Бельджамен) срочно строят оборонительные стены; старые поволжские центры, издавна имевшие цитадели, возводят новые укрепления. Но строят не только крепости. Архитектура Золотой Орды, как и любого феодального государства, составляла важный раздел политической деятельности. С помощью программы широких строительных работ можно было наглядно продемонстрировать любой политический тезис – подчеркнуть независимость по отношению к недавнему сюзерену, декларировать союз с одной династической группировкой или разрыв с другой, показать свою финансовую и экономическую состоятельность, укрепить или наладить новые торговые, религиозные, дипломатические связи. Подобные акции предпринимались не только в эпохи мира и процветания, но и в годы напряженной борьбы, когда средства на создание внушительных фортификационных, дворцовых, культовых ансамблей находили с трудом.

Междоусобные и внешнеполитические конфликты конца 1350 – начала 1370-х гг. не миновали Великий Булгар, наоборот, старая столица Среднего Поволжья в эти годы становится, в последний раз в своей истории, средоточием напряженной борьбы. Город оказывает поддержку одним претендентам на сарайский престол против других (например, хана Науруза летописи именуют «болгарским ханом», «царем Волжским»), затем город захватывает и на несколько лет фактически отторгает от Орды Булак-Тимур (1361–1367 гг.). При этом с конца 1350-х годов Булгар попадает в сферу прямых интересов русских князей, а с середины 1360-х делается одним из основных объектов приложения военных усилий ушкунни-

ков-новгородцев. В начале 1370-х годов вокруг вопроса политической ориентации Булгара еще кипят страсти, следовательно, он сохраняет определенное значение, оставаясь центром крупного улуса и ханской резиденцией.

Трудно отнести время постройки Малого городка к конкретной дате – слишком плохо еще известна внутренняя история Булгара. В любом случае, однако, можно утверждать, что условия жизни города середины XIV века не способствовали завершению столь широко развернутого строительства. Неизвестно, что являлось прямой причиной его прекращения – истощение средств, свержение очередного правителя, вражеский набег (например, губительное для города нашествие Булак-Тимура в 1361 г., в период которого прекратилась жизнь на всей территории южной части города). Стратиграфия некоторых исследованных участков позволяет утверждать, что на завершающем этапе существования постройки, как и стены городского вала, пережили пожар.

Обратившись к попытке представить ансамбль в том виде, в каком он был задуман в XIV в., приходится признать, что наши знания об окончательном виде отдельных зданий очень неполны. Как известно, «план здания, прочитанный как отпечаток фундамента на листе бумаги, часто ничего не говорит»⁴³. К сожалению, это особенно верно для архитектурно-археологических материалов. Понятнее всего объемная композиция самого маленького и простого здания – часовни-куббы, перекрытой сводом со сферическим или шатровым завершением, с михрабом, украшенным резьбой, боковыми суфами и водоемом (Здание с водоемом). В общих чертах можно представить также объемы башенных ворот – два вертикально стоящих параллелепипеда, соединенные по верху, равновысокие или с поднятым «донжоном» – вероятнее всего, минаретом на западной башне, в толще которой проходит винтовая лестница, и с залом в основании восточной башни (освещаемым, вероятно, через проемы в стенах). Сложнее обрисовать Южное здание: вероятно, это продолговатый объем (в два этажа?), с небольшим, слабо выраженным снаружи порталом и с куполом над центральной камерой. Возможны, конечно, и другие варианты композиции.

В историко-архитектурном отношении наиболее интересное сооружение – въездные ворота, поскольку до сих пор болгарское строительство не давало решений проездов типа городских ворот, фланкированных каменными башнями. В этом смысле пилоны Малого городка – явление уникальное. Аналоги сочетаний земляных ограждений и деревянных конструкций с каменными проездными воротами хорошо известны в городах домонгольской Руси – достаточно напомнить укрепления Киева (Золотые и Софийские ворота) и Владимира на Клязьме. Однако конструктивно и архитектурно это совсем иные сооружения, ядро которых образуют подчеркнuto длинные проезды, ограниченные стенами-опорами, лишенными боковых помещений и смыкающимися с валом. Надвратные сооружения, церкви, лишь увенчивают перекрытия, располагаясь выше уровня опорных стен. От двухбашенной структуры Малого городка это очень далеко.

Подобия ей надо искать в другом направлении. Двухбашенные проезды, известные с глубокой древности, активно использовались, перестраивались, разрабатывались заново архитекторами мусульманского Востока, доживая до Нового времени. Хорошо известные примеры – ворота Баб аль-Кисан в Дамаске XIII–XIV вв. (сводчатый проезд, зажатый двумя выступающими вперед прямоугольными башнями); Баб аль-Футух и прочие ворота Каира XI в.⁴⁴ Дальность аналогии не должна вызывать удивления – связь арабских стран, особенно Египта, с Поволжьем, в том числе с Болгарией, зафиксирована письменными источниками, причем строитель-

⁴³ Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И., 1965. С. 223.

⁴⁴ Ходжаш С. И., 1975. С. 112; Сидорова Н. А., Ста-

родуб Т. Х., 1979. САЗ; Веймарн Б. В. 1974. Рис. 58, 59.

ство было важной формой политического взаимодействия, что отразилось в обмене вкладками на возведение мечетей, в присылке мастеров и т. п.⁴⁵ Из поздних примеров – ворота Нарын-Кала в Дербенте, XVIII в.

Различные по размерам, конструкциям перекрытий, строительной технике и декору, двухбашенные проезды оставались близкими по схеме во множестве городов и крепостей от Магриба до Индии, в том числе в странах, сопредельных мусульманскому миру и также наследовавших античные градостроительные традиции, – на Балканах, в Византии, в Крыму.

Аналогами для композиционных решений зданий Малого городка могут служить сходные объемно-пространственные структуры хронологически и исторически близких Болгарам строительных школ. Например, вход в Дворцовую мечеть Ширваншахов (1441 г.) представляет собой стрельчатую арку в прямоугольной нише портала, ограниченную с двух сторон равновеликими плоскостями башнеобразного основания минарета и сводчатой палаты, увенчанной куполом⁴⁶. Еще ближе формы отдельных зданий Куня-Ургенча, где известны и схемы с четырьмя нишами в интерьерах квадратных в плане помещений (Иль-Арслан, мавзолей Текеша, XIV в.); и порталы, в пилонах которых скрыты винтовые лестницы; и кельи-худжры (входной объем ханега-медресе «мавзолей Тюрбек-ханым», середина XIV в.)⁴⁷. Давно отмеченные связи Ургенча и Хорезма в целом с Болгарией позволяют указать на эти аналоги как на особенно важные.

Существование сооружений, подобных двухбашенным воротам, сближает болгарскую архитектурную традицию с той сферой городского средневекового строительства, которая сложилась в христианских и мусульманских странах Средиземноморья (характерные черты которой метко схвачены и зафиксированы в условных значках на картах XIV в. – пусть и в несколько гротескной, упрощенной форме).

Безусловно, Малый городок рассматривался строителями и заказчиками как объект первостепенной важности. Подъезжающему с юга путешественнику он должен был издали представляться своего рода парадными воротами города, демонстрировать средствами архитектуры могущество, богатство, а возможно, и благочестие горожан и (или) правителя. Мощные белоснежные объемы, строгие границы лапидарных, геометризованных масс немало выигрывали, вероятно, на фоне зелени и темно-серебристых деревянных стен Большого вала, оживляя довольно плоский рельеф окрестностей.

Остановимся на проблеме предназначения ансамбля. Сама цельность замысла предполагает, что Малый городок строился для исполнения определенных задач. Однако выяснить, каких именно, при отсутствии серьезных следов обживания и вероятной недостроенности по крайней мере одного из сооружений представляется затруднительным. Довольно простой план ансамбля: замкнутый двор с осевым расположением входа и главного объема, и с возможной в принципе застройкой изнутри по периметру – присущ самым разным по функциям ансамблям культового, административного, хозяйственного и военного назначения. Одинаковую объемно-пространственную композицию могли иметь замок (дворец, цитадель), мечеть (ханега, медресе), караван-сарай. Некоторые из этих типов сооружений связаны между собой и возникновением, и взаимными влияниями, и дублированием функций, поэтому на уровне, практически одного только плана они достоверно не различаются.

Стандарту периметральной схемы монументальных ансамблей в градостроительстве средневекового Востока соответствовал и более-менее прослежи-

⁴⁵ См.: Амин аль-Холи, 1962.

⁴⁶ Брепганицкий Л. С., 1970. С. 47, рисунок.

⁴⁷ Обмеры Н. Бакланова в 1929 г. Опубликовано: Пилявский, 1974.

архитектурные объекты

- 1-здание для омовений
2-въездные ворота
3-южное здание
4-мавзолей

археологические исследования

- -1946г.
 -1981-1984 гг.
 -2011-2015 гг.

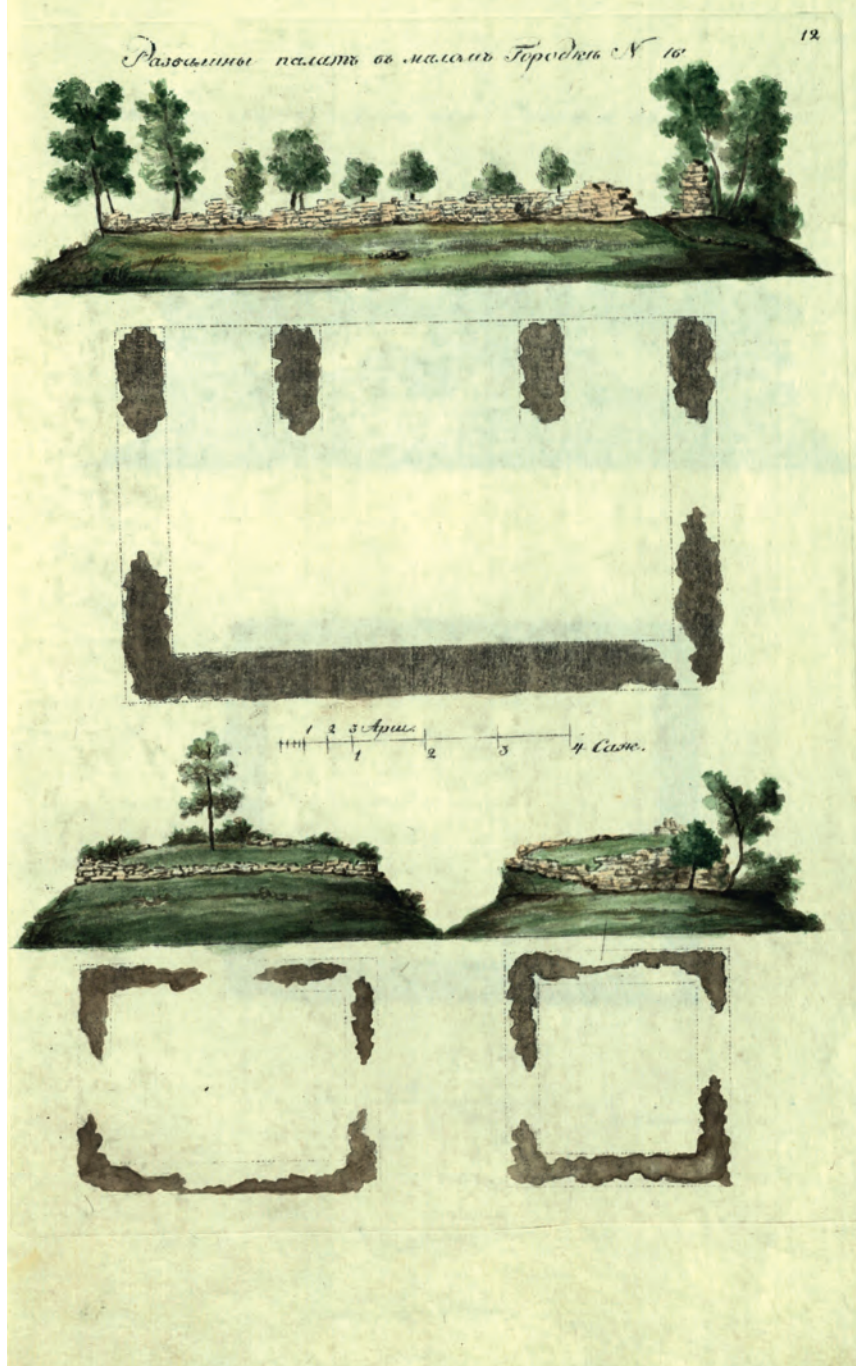
1. Малый городок. Археологические исследования 1946–2015 гг. Сводный план

2. Общий вид на Малый городок с юго-востока, с высоты птичьего полета. Фото 2012 г.

3. Общий вид на Малый городок с южных ворот Болгарского городища. Фото 2012 г.

4. Руины зданий Малого городка в 1827 г. по рисункам А. Шмита. 1 – Южное здание;
2 – пилоны въезда

5. План села Болгар с развалинами Болгарской столицы.
По пл. Шмита, Штрауса, Савенкова и др. 1932–42 гг.

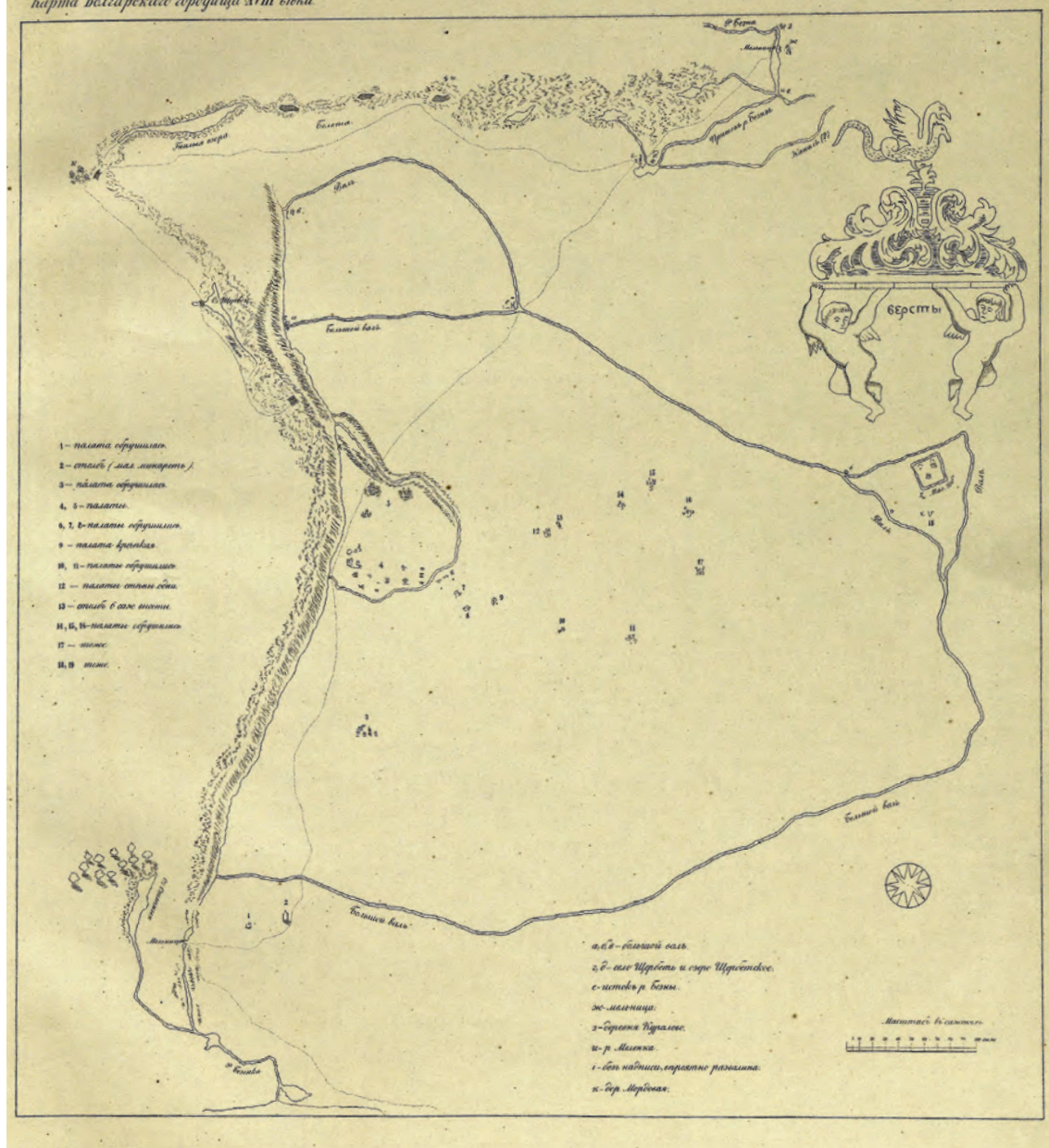

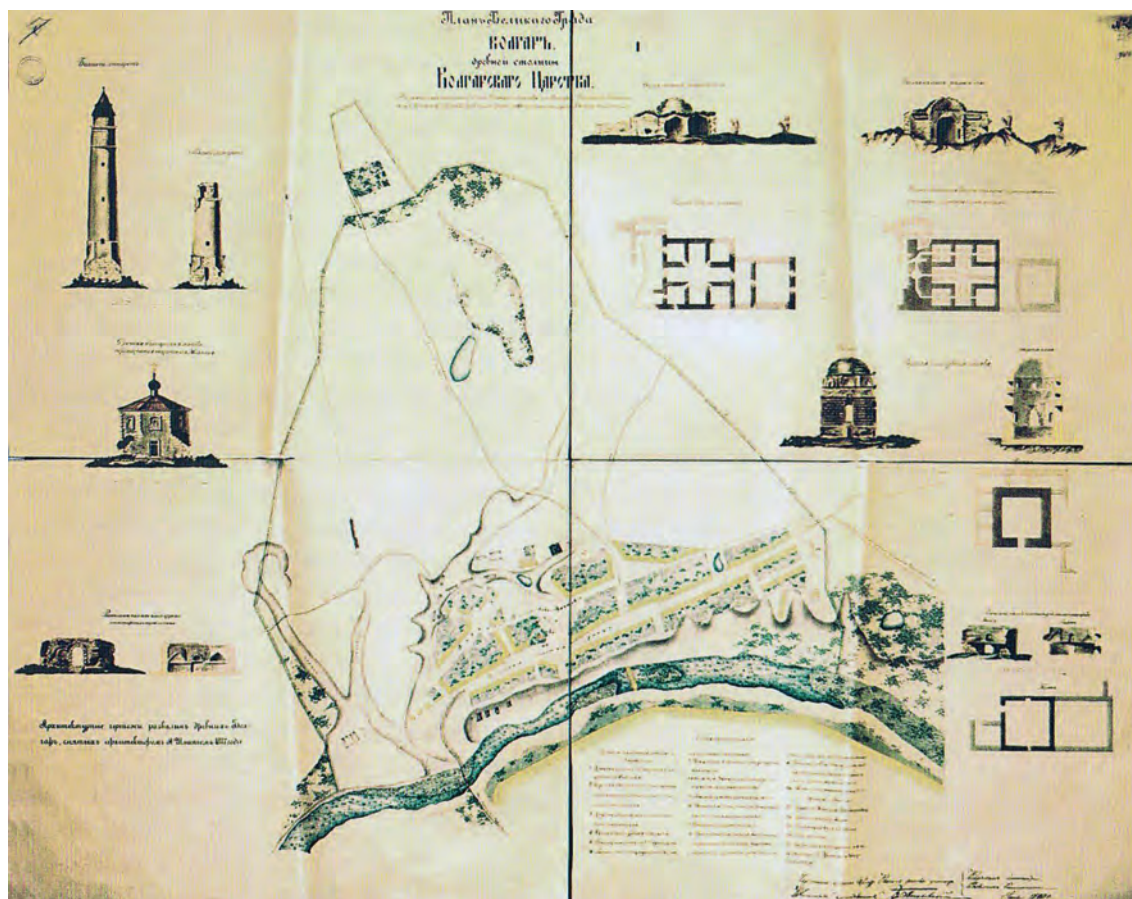
7. План XVIII в. (фонд 846, оп. 16, д. 21708)

8. План Казанской губернии XVIII в.

9. Карта Болгарского городища XVIII в.

10. «План с руинами» А. Шмита, 1827/1832 г.;

11. «План Великого Града Болгара, древней столицы...», вторая половина XIX в.

The Ruins of the Great Bulgar, the Ancient capital of the Bolgar Kingdom.
The plan and the drawing by the A.Schmit. 1827.

13. Въездные ворота. Вид с юга. Фото 2012 г.

14. Въездные ворота. Вид с севера. Фото 2012 г.

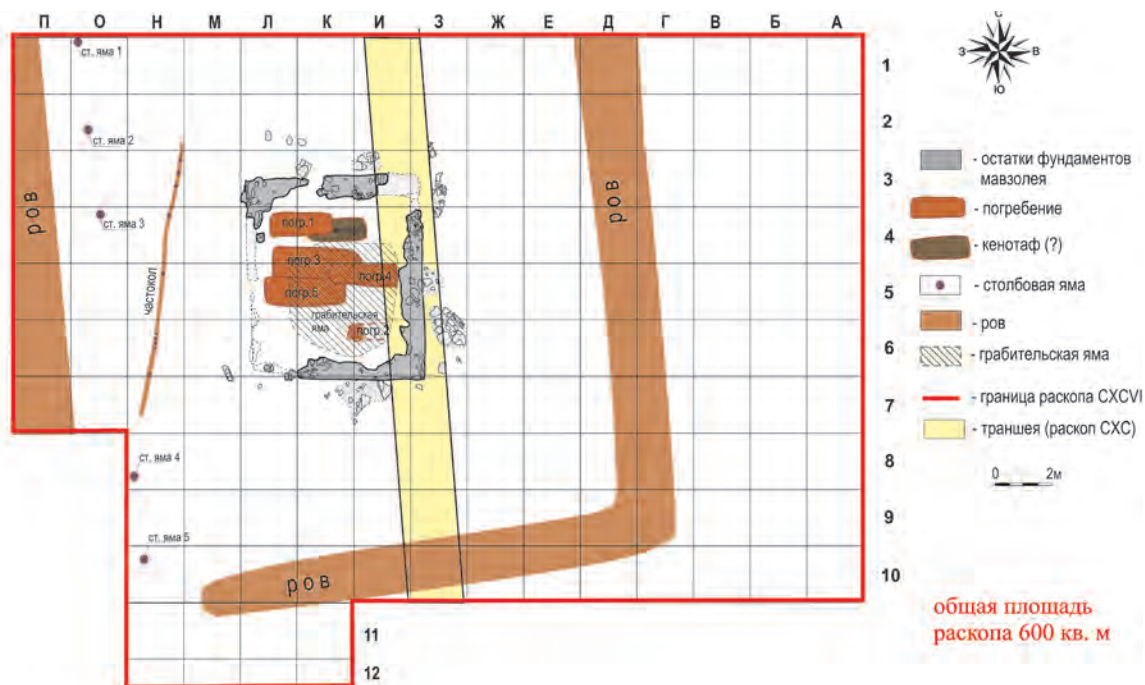

15. Здание для омовений. Вид с юга. Фото 2011 г.

16. Южное здание. Вид с северо-запада. Фото 2011 г.

17. Мавзолей в раскопе СХСХVII. Общий план раскопа

18. Общий вид на раскоп СХСХVII

19. Северо-западная часть городка. Шурф 1/2013 г. В профиле прослеживается строительный горизонт

20. Западный пилон в процессе расчистки. Вид с востока

21. Западный пилон. Коридор к винтовой лестнице

22. Западный пилон. Кладка ступеней винтовой лестницы и основание столба

23. Восточный пилон. Входная ниша

24. Восточный пилон. Ниша восточной стены

25. Восточный пилон. Ниша восточной стены

26. Восточный пилон. Ниша южной стены

27. Фрагмент рухнувшей кладки в завале

28. Въездные ворота. Нижняя часть южного фасада

29. Восточный пилон. Угловой фундамент во внутреннем рву Малого городка

30. Восточный пилон. Кладка фундамента и цоколя восточной стены

31. Нижняя часть фундамента западного пилона и камни цоколя в проезде ворот. Вид с юга

32. Проезд ворот. Общий вид фундаментов с запада

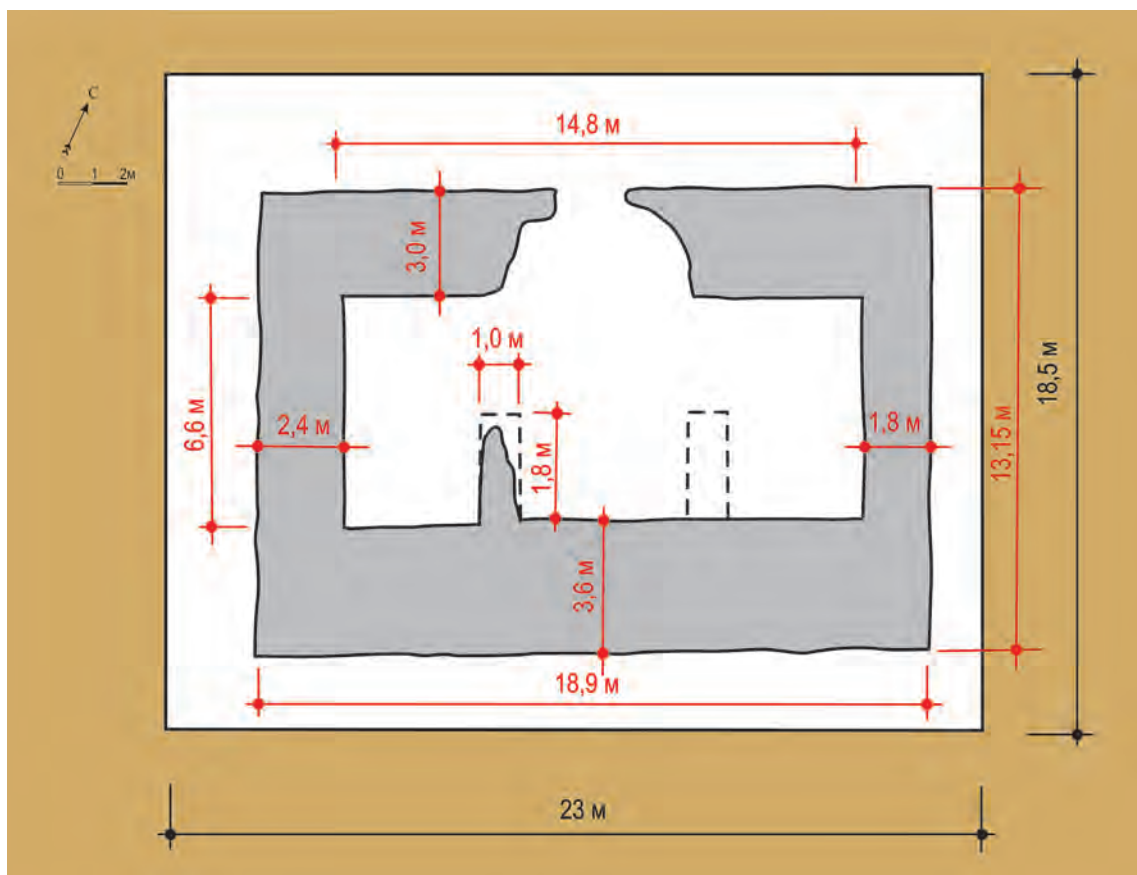

33. Часть восточного профиля по внутреннему рву городка

34. Фрагменты керамики из раскопа LXXXVII

35. Пилоны ворот после раскопок и рекультивации почвы

36. Южное здание. План с прямыми промерами

37. Общий вид на Южное здание с северо-восточного угла. Фото 2011 г.

38. «Южное здание». Внутренняя перегородка. В углу (справа от рейки) видна прямоугольная пазуха – след от сваи (?). Вид с запада. Фото 2011 г.

39. Южное здание. Фрагмент северной стены. Фото 2011 г.

40. Южное здание. Восточное помещение. Фас кладки южной стены. Вверху хорошо фиксируется уровень пола. Фото 2011 г.

41. Южное здание. «Западное помещение». Вид с востока. Фото 2011 г.

42. Южное здание. Западная стена, юго-западный внутренний угол. Фото 2011 г.

43. Шурф 1 возле внешнего юго-западного угла Южного здания. Видны нижние ряды блоков фундамента и материк в их основании. Вид с юга. Фото 2011 г.

44. Южное здание. Внешний фасад южной стены. Общий вид с юга. Фото 2011 г.

45. Известняк со следами обработки в кладке южной стены. Фото 2011 г.

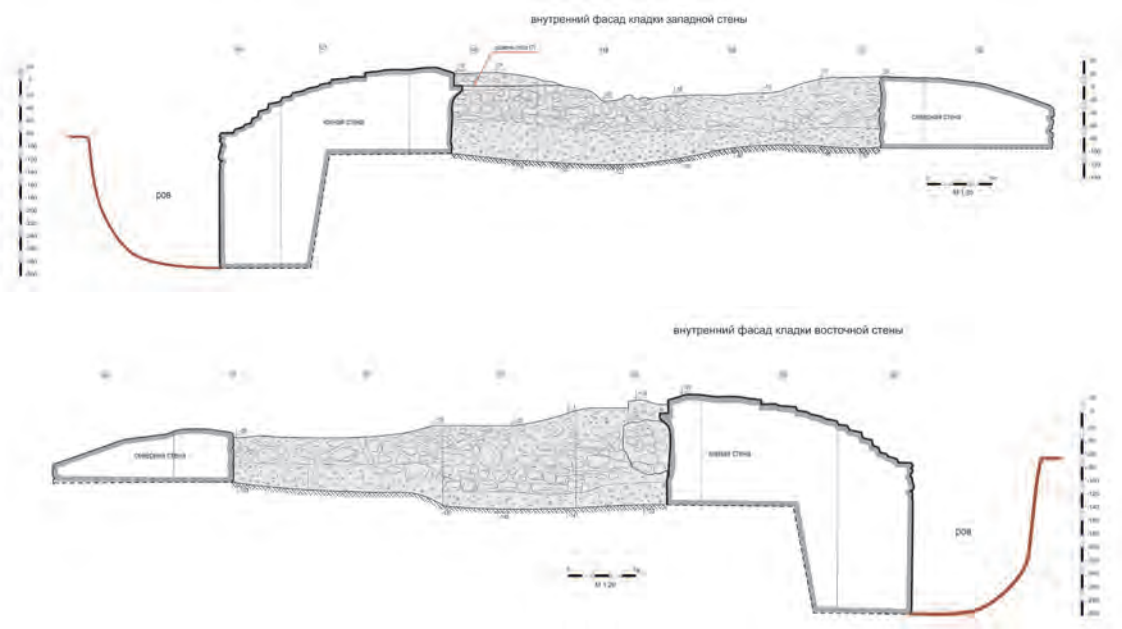
46. Фрагмент кирпича в слое раствора. Фото 2011 г.

47. Фрагмент архитектурной детали в кладке южной стены. Фото 2011 г.

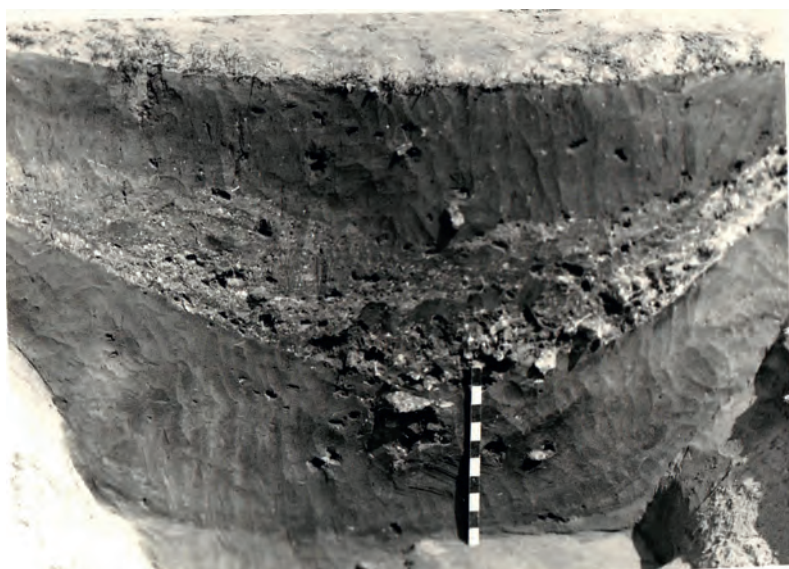
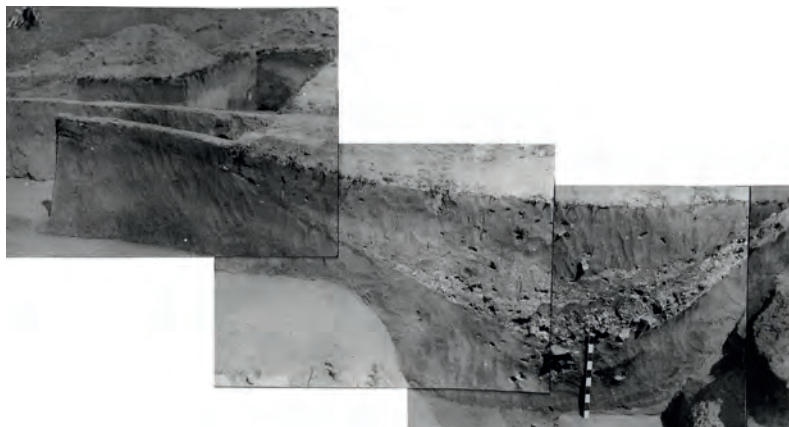
48. Крупные обломки застывшего раствора в кладке южной стены. Фото 2011 г.

49. Разрез Южного здания и внутренний фас западной стены

50. Разрез Южного здания и внутренний фас восточной стены

51. Профиль рва в восточном борту раскопа. Фото Л. А. Беляева 1984 г.

52. Здание с водоемом. Общий вид с юго-запада. Фото 1985 г.

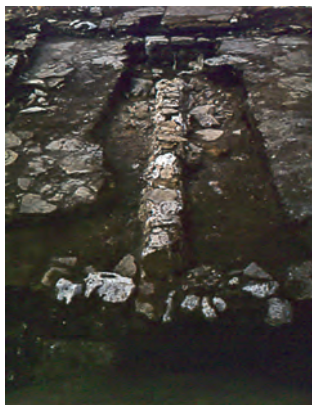
53. Здание с водоемом. Вид с северо-западного угла

54. Здание с водоемом

55. Здание с водоемом. Вид с севера после окончания раскопок. Фото 1985 г.

56. Здание с водоемом. Край михрабной ниши, остатки водоема и начало водоотвода

57. Здание с водоемом. Остатки водоема и начало водоотвода

58. Здание с водоемом. Фрагмент резной ганчевой плитки. Фото

59. Здание с водоемом до реконструкции

60. Здание с водоемом. Современное состояние

61. У мавзолея. Начало работ

62. У мавзолея. Рабочий момент

63. Остатки мавзолея. Общий вид с юго-востока

64. Основание мавзолея. Юго-восточный угол. Вид с востока

65. Фрагмент основания восточной стены. Вид с северо-востока

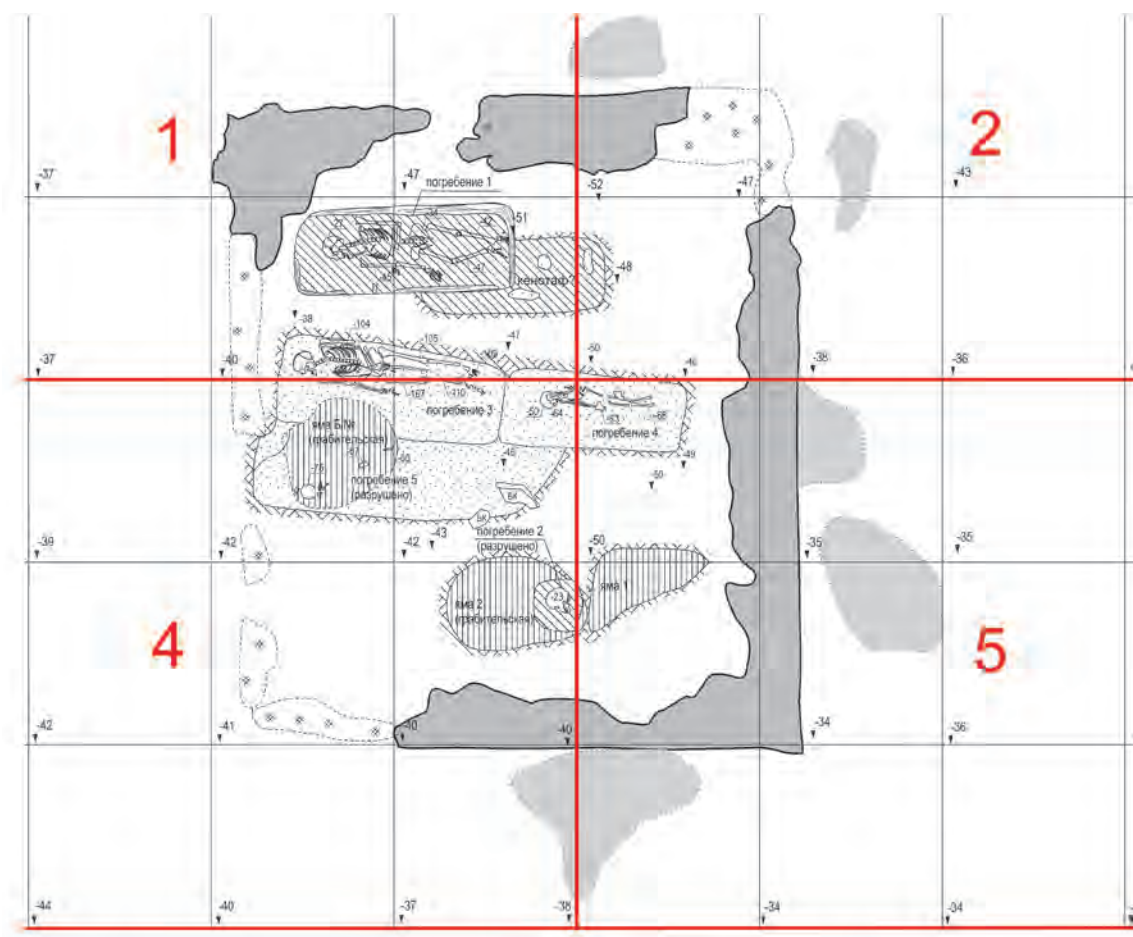
66. Участок мощения возле восточной стены мавзолея

67. Мавзолей. Ямы (грабительская яма и могильные ямы), выявленные во внутреннем объеме при зачистке поверхности по матерiku

68. Бровка, пересекающая мавзолей в направлении запад-восток. В профиле хорошо читаются контуры грабительской ямы, заполненной строительным мусором

69. Остатки мавзолея с выявленными объектами. План

70. Строительный мусор из грабительской ямы внутри мавзолея

74. Череп от разрушенного погребения 2

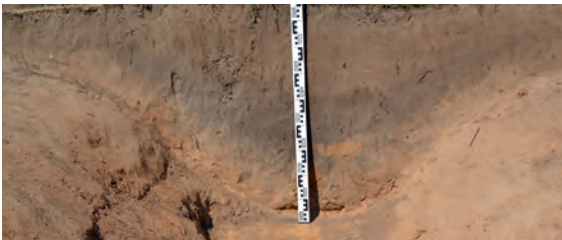
75. Частокольная канавка

←

71. Погребение 3

72. Погребение 1

73. Погребение 4

80. Малый городок. Раскоп ХСХVII. Наконечник стрелы и нумизматические находки XIII–XIV вв. из почвенного горизонта (почва 1)

76. Ров, окружающий мавзолей с юга и востока. Вид с юго-востока

77. Ров, окружающий мавзолей. На переднем плане – южный ров

78 а, б. Разрез восточной стороны рва

79. Белый камень в заполнении восточного рва

81. Малый городок, 2013 г. раскоп ХСХVII.
Участок 4. Слой серой супеси. Фрагменты костей
животных

82. Малый городок, 2013 г. раскоп ХСХVII.
Участок 1. Фрагмент красноглиняной керамики
из кладки западной стены мавзолея

83, 84. Малый городок, 2013 г. раскоп ХСХVII. Фрагменты красноглиняной гладкой болгарской керамики из почвенного слоя (почва 1)

86. Разрез по внешнему рву Малого городка. Северный профиль. Фото

87. Ров у въездных ворот Малого городка. Вид с востока

85. Разрез по внутреннему рву Малого городка. Южный профиль. Фото

88. Л. А. Беляев. Восточный вал Малого городка. 1981 г. Бумага, карандаш

вающийся (при всей путанице, существующей в традиционном топографическом анализе) стандарт городской планировки, при котором центр города формировала главная мечеть, окруженная торговыми улицами, а далее – складами и караван-сараями⁴⁸.

При архитектурно-археологическом изучении функциональное определение остатков построек, не имеющих четких маркирующих признаков, особенно сложно. Достаточно напомнить продолжавшуюся не меньше века полемику по поводу Четырехугольника в Болгарах, однозначно осозанного как Соборная мечеть сравнительно поздно. Зачастую в споре о функции перебирают весь круг возможных предназначений вообще. Так, укрепления в Бакинской бухте, ныне считающиеся сооружением с совмещенными функциями (ханега – временная шахская резиденция?), относили к очень широкому кругу памятников, от караван-сарая до храма огнепоклонников⁴⁹. И все это не единичные случаи, а норма.

Большинство авторов, писавших о Малом городке, склонялись к мысли о существовании здесь в прошлом фортификационного узла (эксцентрически поставленная цитадель, загородный дворец, замок – *кешк* и другое), допуская в ряде случаев совмещение его с таможней. Так полагали практически все дореволюционные исследователи. Ханской резиденцией считал городок и А. П. Смирнов⁵⁰.

Исследования, к сожалению, дали лишь косвенные свидетельства для суждений о назначении городка. И дело не только в том, что на внутренней площадке и вокруг каменных сооружений полностью отсутствуют следы производственной деятельности за исключением строительной. Пожалуй, важнее, что и бытовая функция в исследованных постройках не выявлена, строители ее как бы игнорируют. Нет никаких свидетельств того, что они пытались сделать здания пригодными для обживания. Для всех каменных жилых и бытовых построек Булгарии характерны печи или скрытые отопительные системы, такие как каны. Без постоянного обогрева использование крупных каменных построек в зимнее время на Средней Волге вряд ли возможно.

Но на Малом городке система обогрева, несомненно, отсутствует. Сама планировка помещений: большие зальные пространства, редкие выгородки, широкие порталы, проемы без сеней или пристроек – все свидетельствует о равнодушии к вопросу сохранения тепла и об отсутствии стремления уменьшить обогреваемый объем. Представляется, что столь малый интерес к обеспечению комфортных условий существования не позволит считать Малый городок феодальным замком, цитаделью, таможней. Даже для летнего дворца следует ожидать большей заботы о планировке и украшении зданий – кроме того, нам неизвестно о существовании монументальных летних резиденций в Булгарии. Так что возможность существования на городке дворцового комплекса сомнительна.

Начиная раскопки, мы исходили из рабочего предположения, что Малый городок – это караван-сарай; его видел в Малом городке и С. С. Айдаров. Но полная невыраженность бытовой функции мешает считать Малый городок и караван-сараяем. Комплексы караван-сараев хорошо изучены в районах, непосредственно связанных с Болгарией, – в Хорезме, в Средней Азии в целом, в Азербайджане, Армении, Малой Азии⁵¹. Но в городах средневекового Востока наиболее крупные, дорогие,

⁴⁸ Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1985. С. 540.

⁴⁹ Бретаницкий Л. С., Веймарн Б. В. Искусство Азербайджана IV–XVIII вв. М., 1976. С. 69.

⁵⁰ Смирнов А. П. Основные этапы истории города Болгара // МИА. М., 1954. № 4. С. 317.

⁵¹ О караван-сараях: Маньолов Ю. П., 1982. С. 95–102; Бижанов З., Лоховиц В., 1969. С. 54;

Вишневская О. А., 1958. С. 431–436; Лапиров-Скобло М. С. 1958. С. 529–542; Арутюнян В. М. 1960; Erdmann K. 1961–1976. См. тж. след, сноску.

солидные караван-сарай и ханы, средоточия оптовой торговли, склады, гостиницы, конторы, банки в одном лице, располагались внутри городских укреплений, зачастую близко к центру города (один из многих примеров – караван-сарай в г. Хараба-Гилан с его массой помещений)⁵². За стены города при необходимости выносили загоны для упряжного и вьючного скота, или беднейшие заезжие дворы для окрестных крестьян, но к таким Малый городок явно не относится.

Вторым типом караван-сараев были путевые, придорожные, поставленные в малоосвоенных районах на расстоянии дневного караванного перехода. Необходимость автономного существования заставляла придавать им вид небольших крепостей, фортов или сильно укрепленных домов. Среди них встречаются относительно близкие к Малому городку по плану и размерам (хотя прямых совпадений нет), но следует помнить о стандартности плановых решений средневековых мусульманских ансамблей. Еще в Средневековье было отмечено поразительное сходство некоторых планов караван-сараев с медресе и другими культовыми комплексами, на основе чего даже возник устойчивый литературный сюжет⁵³.

Однако любые караван-сарай строились с расчетом создать путешественникам и торговцам условия для отдыха, длительного пребывания или даже для постоянной жизни в городе, для хранения товаров, содержания животных и т. п. Именно этим требованиям отвечает единственное пока в Болгарии сооружение, трактуемое как караван-сарай городского типа, – мехман-хана в Биляре (отапливаемое кирпичное здание с мелко поделенным внутренним пространством⁵⁴). Но им никак не удовлетворяет комплекс построек на Малом городке.

Оборонительное предназначение городка более вероятно, о чем говорит, *во-первых*, само расположение возле южного, наиболее уязвимого въезда в город, дающее возможность флангового обстрела подходов к городским воротам; *во-вторых*, очевидная связь с поясом общегородских укреплений; *в-третьих*, наличие собственных ограждающих сооружений – возможно, недостроенных; *в-четвертых*, наличие прочных каменных построек, что само по себе усиливает оборону. Наконец, о том же может косвенно свидетельствовать присутствие в прошлом каких-то укрепленных валами участков и у двух других городских ворот⁵⁵.

Однако безоговорочно принять фортификационную функцию городка как основную мешает ряд выявившихся при исследовании признаков, как будто специально призванных ослабить его, сделать как укрепление менее совершенным, – частично мы этот вопрос уже затрагивали. Об этом говорит расположение входов в башни за чертой ворот, снаружи, то есть на территории противника и (в меньшей степени) раскрытие створок внутрь укрепления. Отметим тонкость внешней стены восточной башни и примыкание рва к наружным (а не внутренним) углам каменных укреплений (что лимитирует возможности ведения с них огня). Наконец, очевидна слабость внутреннего обвода в его нынешнем виде и расположение каменных построек вне его, между периметрами (Здание с водоемом, мавзолей, неизвестные нам постройки, упоминавшиеся авторами XIX века).

Определенный расчет на усиление, с помощью возведения Малого городка, обороны южного въезда у строителей, видимо, все же был, и оборонительная функция, имманентно присущая монументальным постройкам Средневековья, здесь отчасти выявлена.

Но нелишне подчеркнуть и признаки, указывающие на возможность культового использования памятника. Мечети, мавзолеи и минареты Булгара, в отличие от всех

⁵² Ремпель Л. И., 1982. С. 52, 126 и след.; Мурадов В. Г., 1984. С. 95–97; Ибрагимов Б. И., 2000.

⁵³ Ремпель Л. И., 1982. С. 140. ⁵⁴ Айдаров С. С., 1976. С. 101–111; Халиков А. Х.,

Шарифуллин Р. Ф., 1976. С. 80 и след. ⁵⁵ Краснов Ю. А., 1987. С. 112–114.

остальных каменных зданий, как раз лишены отопления и, конечно, не приспособлены для обживания. Для них характерны именно просторные, зального характера, помещения. Среди зданий городка как сакрально значимые можно рассматривать, с очень большой долей вероятности, Здание с водоемом – и, несомненно, мавзолей.

Для некоторых типов исламских культовых памятников достаточно характерно и пригородное расположение, причем один тип таких сооружений имеет весьма сходные с Малым городком план и размеры. Речь идет о загородных мечетях (намазга, мусалля), состоявших из большого незастроенного двора, южная стена которого разрывалась собственно мечетью (обычно трехкамерной, с анфиладной планировкой), а северная включала ворота. Ансамбль дополнял минарет, обычно располагавшийся отдельно. Важно подчеркнуть, что намазга не предназначалась для постоянного использования и посещалась в основном в период двух крупных мусульманских праздников, курбан и фитр⁵⁶. Это может объяснить и практическое отсутствие культурного слоя на городке, даже если его сооружения использовались некоторое время.

Ориентировка зданий городка, весьма важный фактор для решения вопроса о возможности культового использования памятника, не противоречит такому предположению. Ориентированная в целом на Каабу ниша михрабного типа в Здании с водоемом имеет азимут оси, близкий к 242° ЗЮЗ. Примерно так ориентировано своей продольной осью и Южное здание. Судя по толщине юго-западной стены, возможно, оно вполне могло иметь встроенную нишу, но уровень сохранности не позволяет это проверить. Допустим ли столь развернутый к западу азимут для кыблы Болгара? Если сравнить известные нам ориентировки Соборной мечети Болгара (195° ЮЮЗ), мечети в Биляре (205° ЮЮЗ) и кладбищ там же (раннее 200–210° ЮЮЗ, позднее 220° ЮЮЗ), не говоря уже о предполагаемой мечети караван-сарая Биляра (236° ЗЮЗ)⁵⁷, то отчетливо заметный дрейф ориентировок к западу на протяжении X–XV вв. позволяет включить в эту последовательность и ориентировку зданий Малого городка.

Не настаивая на определении культовой функции ансамбля как основной, подчеркнем, что она достаточно выражена в архитектурно-планировочной структуре памятника. Функциональной атрибуции смогут помочь будущие обследования близких по типу построек иных городов Булгарии, да и города в целом, а также введение в оборот материалов многочисленных и практически неизученных монументальных памятников сопредельных районов Золотой Орды XIII–XIV вв.⁵⁸

В 1980-х годах нам представлялось полезным тотальное исследование и самого городка, и его ближайших окрестностей. Однако сегодня говорить о недостаточной изученности Малого городка сложно – проведены дополнительные исследования. Правда, планы XIX в. показывают внутри линий периметра городка и по соседству с ним до десятка руин каменных построек. Но одна из них, которую пытались, но не сумели найти при раскопках 1893 года, – несомненно, изученный нами мавзолей. Далее к востоку, за внешним периметром памятника, развернулось такое оживленное музейное строительство, что рассчитывать на новые открытия древних памятников все труднее.

Исследования, проведенные на Малом городке, показали особенности строительных работ в Булгаре в период его последнего расцвета. Удалось подробно разобрать ряд деталей строительной техники, обычно недоступных исследованию. Это строительство представило нам одну из наиболее ярких попыток возвести в Булгаре

⁵⁶ Пугаченкова Г. А., 1958. С. 221.

⁵⁷ Айдаров С. С., 1970.

С. 39 и след.; Халиков А. И.,

Шарифуллин Р. Ф., 1979. С. 22 и след.

⁵⁸ См. свод многочисленных упоминаний о казен-

ных строениях в монографии: Егоров В. Л., 1985 и работы Э. В. Зиливинской.

крупный репрезентативный комплекс. Сопоставление строительной техники, рабочих приемов, материалов позволяет говорить как о стремлении к созданию монументальных сооружений, о появлении *воли к ансамблю*, так и о наличии определенных затруднений экономического и/или политического свойства, не позволивших достойно завершить начатое. Сохранявшиеся в Болгаре в середине – третьей четверти XIV века реальные возможности устраивать «возвышенные строения, прекрасные местопребывания, строить рабаты на больших дорогах»⁵⁹ позволяет говорить о продолжавшемся развитии города, а также, видимо, и о каких-то попытках борьбы за сохранение престижа, за постепенно утрачиваемое первенство в регионе, о попытках подчеркнуть и укрепить это традиционное первенство.

Даже в незавершенном, необжитом виде комплекс Малого городка добавил много нового к нашим представлениям об истории архитектуры и строительной техники Волжской Болгарии, путях ее развития и внешних связях. Формы зданий Малого городка могут свидетельствовать о наметившемся, благодаря укреплению и расширению деловых и культурных связей, сближению архитектуры Болгара времени последнего расцвета с градостроительными традициями средиземноморского мира.

---

⁵⁹ *Сиасет-намэ*, 1949. С. 192.

БЕЛЯЕВ Л. А.

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ И РЕКОНСТРУКЦИИ АРХИТЕКТУРНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПОВОЛЖЬЯ¹

Несколько лет назад на давно и хорошо известном Болгарском городище, где когда-то находилась позднесредневековая столица Волжской Болгарии, прошли широкие исследования архитектурно-археологического комплекса, известного как урочище Малый городок. В результате работ памятник был изучен достаточно полно для того, чтобы ответить на большинство вопросов, связанных с его стратиграфией, хронологией, общим планом, строительной техникой. Но в ходе историко-реконструктивного осмысления, по мере подготовки материалов для музеефикации и воссоздания, возникло ощущение, что ряд важнейших для интерпретации проблем ускользнул от решения. Более того, что, по сравнению с историками последних ста лет, мы мало приблизились к их решению.

Это касается определения древней функции зданий и комплекса и, конечно, воссоздания самой архитектуры на уровне атрибуции типа и графической реконструкции. Обилие архитектурно-археологических деталей и точных наблюдений, представляющихся информативными, подробными и надежными, не приближало к решению – с безусловной жесткостью и решительностью они складывались в конструкцию, не поддающуюся однозначной интерпретации. За этим виделись объективные причины, связанные с общей ситуацией в архитектурной археологии Болгара и в применяющихся методах реконструкции.

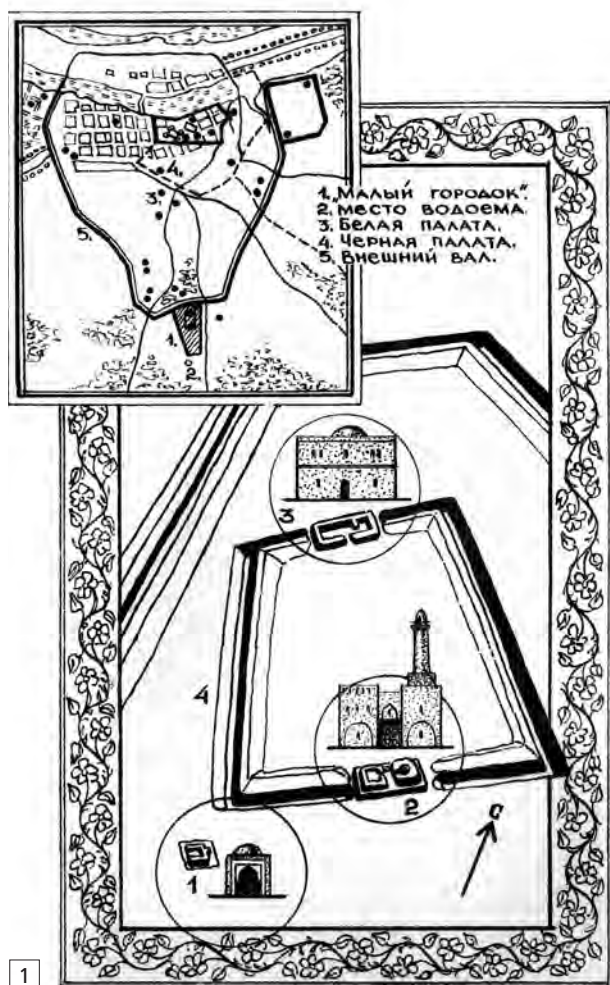
Случай представился весьма показательным, удобным для постановки на его примере проблемы достоверности интерпретаций в архитектурной археологии и методов верификации гипотетических конструкций, атрибуций монументальных сооружений Среднего Поволжья (да, в сущности, и не только их).

---

¹ Отредактированная версия статьи: Беляев Л. А. Проблемы интерпретации и реконструкции археологических памятников Поволжья // Архитектурное наследие

и реставрация. М., 1990. С. 49–79. Библиография, существенно обогатившаяся за истекшую четверть века, намеренно не пополнялась. Приводится графика из ста-

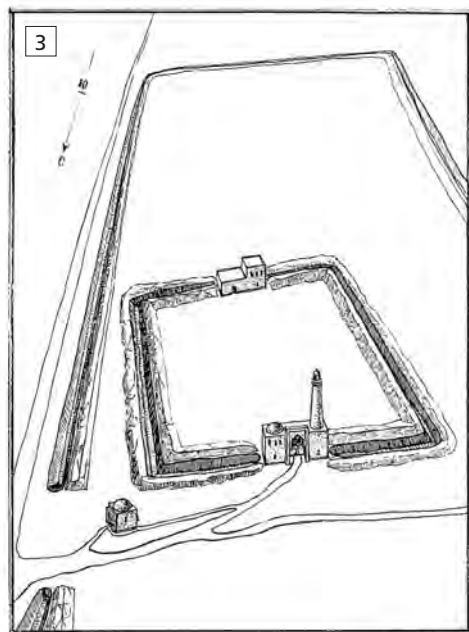
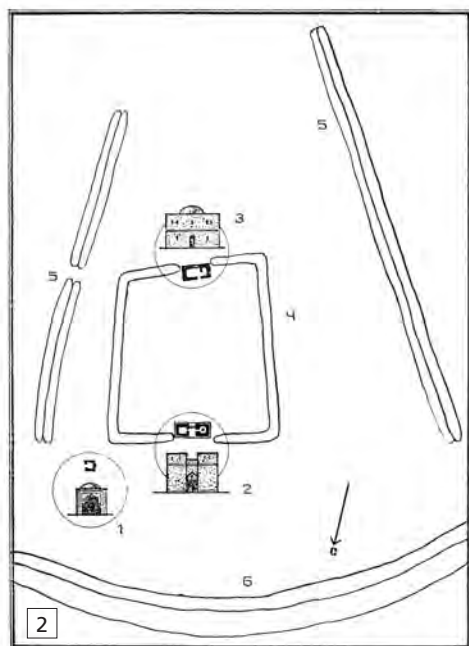
ты и буклета 1990 года, выполненная архитектором Юлией Вишнепольской. На планах нет здания мавзолея, открытого только работами 2010-х годов.

1. Малый городок и его место в планировке города Болгара. Вверху – общий план городища: 1 – Малый городок; 2 – место водоема; 3 – палата; 4 – Черная палата; 5 – внешний вал. Внизу – Малый городок (вариант реконструкции ансамбля): 1 – Здание с водоемом; 2 – башенные ворота; 3 – Южное здание; 4 – ров

2. Малый городок. Вариант реконструкции ансамбля. План с фасадами зданий: 1 – Здание с водоемом; 2 – двухбашенные ворота; 3 – Южное здание; 4 – внутренний ров; 5 – внешний ров и вал; 6 – вал городища

3. Малый городок; вариант реконструкции ансамбля

Обратимся к конкретному материалу, кратко повторив основные результаты работ².

Малый городок лежит на самой южной оконечности городища Болгара, откуда едва видны постройки его центральных ансамблей, за городским валом, справа по древней дороге на юг (рис. 1, 2, 3). Внутренний обвод комплекса образован рвом без вала и ориентирован продольной осью в направлении, близком С-Ю. Он замкнут с севера воротами, а с юга – каменным трехкамерным зданием. Ворота – двухбашенные, створчатые, с широким, более 4 м, проездом, обращены к городскому валу, как бы внутрь города. К этому валу примыкал второй обвод, состоявший из рва и вала.

² Подробному описанию посвящена основная часть текста книги, см. выше.

Он значительно больше по размеру и включает в себе первый. В плане оба обвода представляют неправильные прямоугольники, близкие трапеции с весьма узким верхним основанием (на юге).

Ворота уникальны для архитектуры Волжской Болгарии и Золотой Орды в целом. Их башни симметрично фланкируют проезд и в плане близки квадратам 8×9 м. В толще западного пилона (башни) скрыта крутая винтовая лестница типа минаретной. Нижний ярус восточного пилона целиком занимал зал, по осям стен которого располагались широкие и плоские ниши, завершающиеся, вероятно, арками (ширина стен 5,255,50 м). Перекрытие зала было сводчатым (фрагменты обнаружены в завале), но тип его не установлен. Внутри обеих башен попадали из проезда ворот по узким коридорам со слегка поднимающимся полом. Входы в башни располагались на боковых фасадах строго друг против друга, причем *снаружи* от створок ворот, что нехарактерно для фортификационных сооружений. Полотнища ворот отнесены вглубь проезда и распахивались внутрь периметра, их место точно фиксирует вырубка четверти в огромных камнях порога.

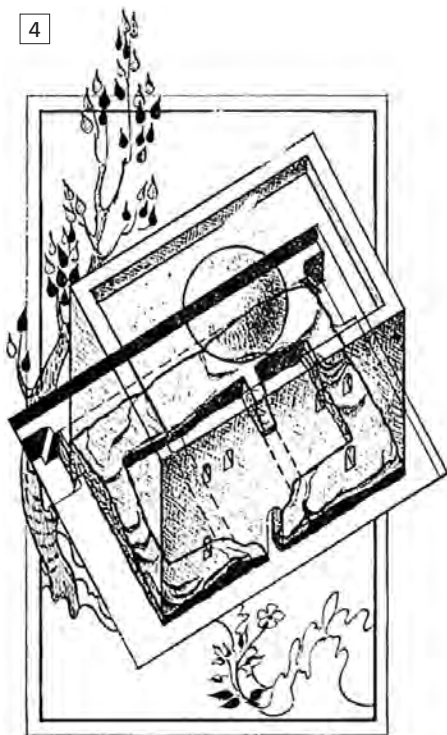
Башни покоятся на фундаментах весьма сложной и разнообразной конструкции. Цоколь образован лентой крупных камней высотой около полуметра. Тело кладки – бутового типа: слои мелких камней залиты толстыми уровнями раствора с выкладкой внешних поверхностей путем подбора камней природной формы. Снаружи стены были покрыты толстым слоем алебастрового раствора – он скрывал белоснежной поверхностью все неровности, придавая правильность и остроту граням. Этот же раствор применен в отделке помещений.

В уровне сохранности гладкая поверхность стен разбита только узкой полочкой цоколя и парными выступами-пилястрами на углах проезда. Декор был применен крайне скупо или отсутствовал – его следов не найдено.

Трехкамерное Южное здание расположено против ворот примерно по оси и вытянуто длинной стороной по южной линии рва, его размер по фундаменту 19×13 м. Внутри делится мельче заложенными перегородками на три примерно равные части (рис. 4). Перекрытие, видимо, было коробового типа: продольные стены явно несущие, их ширина значительно превышает торцевые. Весьма широка и западная стена, восточная же вполтину уже. Основания стен достаточно мощны для того, чтобы выдержать постройку в два этажа. Наружная южная стена дополнительно укреплена специальной лентой фундамента, существенно увеличивающей толщину.

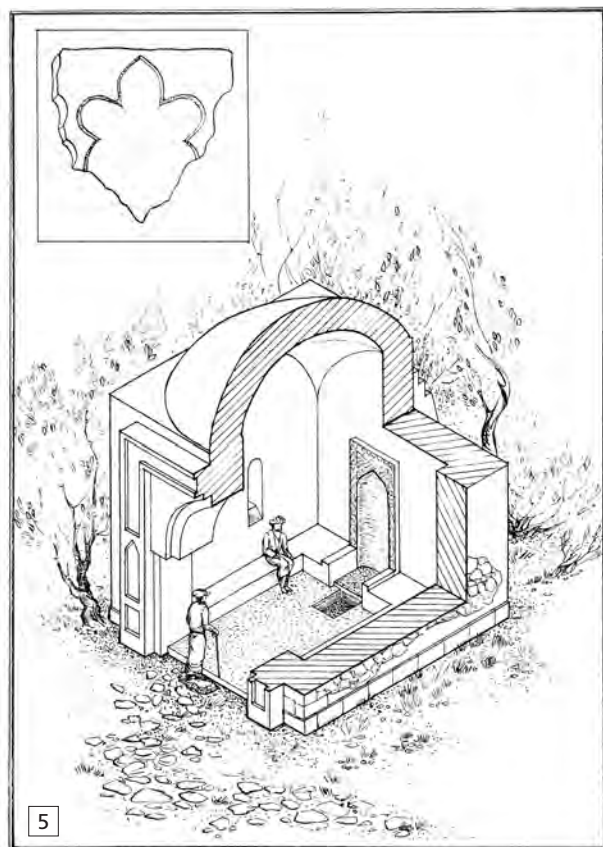
Вход в здание – изнутри внутреннего периметра, в северной стене, почти по центру, с легким сдвигом к востоку. Узкий снаружи (0,90 м), он ступенчато расширялся внутрь. Лицевые кладки здания не сохранились, известен только уровень пола. Возможно, строительство не довели до конца – отсутствуют существенные слои разрушения, вокруг здания не убраны выброшенные из фундаментных рвов отвалы (в том числе против входа).

Третье каменное здание – «павильон» – стоит снаружи от внутреннего обвода, против его северо-восточного угла, между двумя линиями

4. Южное здание. Аксонометрия с частичной реконструкцией

5. Здание с водоемом.
Графическая реконструкция

6. Здание с водоемом.
Стилизованная реконструкция

укреплений. Это небольшая, изящных пропорций, технически особенно тщательно выполненная постройка, в плане квадратная (5,20×5,30 м). Вход в восточной стене, вероятно, широкий (2,70 м²). Внутри по трем стенам идут скамьи-суфы из камня на растворе, в западной стене фиксируется плоско-округлая ниша, маркированная снаружи контрфорсом. Перед ней в полу – небольшой водоем, или ташна, от которого наружу проложен под полом водоотвод.

Тип постройки – классическая мусульманская кубба (ритуальная или мемориальная часовня, беседка на чтимом месте, на могиле святого, над источником и т. п.). Ориентировка ниши и контрфорса – 242° ЗЮЗ – слишком «западная» для точной кыблы Болгарии, но в принципе соответствует принятому для михрабов Средней Азии и Поволжья направлению на юго-запад, на Мекку (кстати, практически так же ориентировано и Южное здание своей продольной осью). В водоеме обнаружена единственная на городке декоративная деталь – резная ганчевая плитка.

Роль Здания с водоемом в комплексе явно ритуальная, очистительная, о чем свидетельствует и положение – у ворот, вне основного, центрального участка (рис. 5, 6).

Отметим и четвертое каменное здание, которое в 1980-х годах не было известно, – вторую кубу, служившую погребальным мавзолеем и поставленную южнее Здания с водоемом, за особой оградкой, между внешним и внутренним обводом (см. его описание в основном тексте).

По типу строительной техники городок является несомненно работой местных мастеров. Некоторые особенности позволяют говорить о сравнительно позднем этапе болгарской архитектуры. Характерно малое (даже по болгарским меркам) внимание к декору; отсутствие кирпича в конструктивно важных деталях кладки (он есть только

во вторичном использовании); большое количество материалов, взятых из более древних разрушенных сооружений.

Комплекс мог бы произвести впечатление бедного или примитивного, если бы не его огромные размеры, а главное – ансамблевое решение, единственное известное сегодня в болгарском строительстве. Группы построек в Болгаре складывались постепенно, «накапливались», иногда даже строительство отдельных сооружений шло с перерывами. Здания же и земляные периметры Малого городка спланированы как единое целое и осуществлены за один временной промежуток, также единовременно прекратилось их строительство и функционирование (жизнь комплекса была крайне непродолжительна и сопоставима с длительностью строительных работ – от одного до двух-трех сезонов³. За таким размахом замысла видится значение, придававшееся ему заказчиком и строителями.

Находок достаточно для того, чтобы уверенно датировать строительство в пределах середины – третьей четверти XIV в. Это драматический период в истории Волжской Болгарии и Золотой Орды. Вслед за последним расцветом государства Джучидов 1340–1350-х гг. наступает этап усиления центров, кристаллизовавшихся в плодородных недрах имперского союза. Их правители, опираясь на поддержку городов и местных феодалов, делают попытки изъять свой улус из-под контроля сарайских ханов, или, наоборот, распространить влияние на центральное правительство. Следуют вспышки ожесточенной борьбы, одна из которых известна русским летописям как «великая замятия». В нее втягиваются все крупные города и земли Орды, в том числе Болгар.

Ранее не укрепленные города Нижней Волги срочно строят оборонительные стены (Сарай-Берке, Бзльджамен), а старые поволжские центры, имевшие цитадели, возводят новые укрепления. Но строят не только крепости. Архитектура в землях Орды, как и в любом феодальном государстве, составляла важный род политической деятельности. С помощью широкой программы строительных работ наглядно демонстрировалась политическая позиция – подчеркнутая независимость по отношению к недавнему сюзерену; объявление союза с одной династической группировкой и разрыв с другой; финансовая, экономическая самодостаточность или, напротив, готовность укреплять торговые, религиозные, дипломатические связи. Поэтому строительные работы предпринимали не только в годы мира и процветания (как часто считается), но в силу необходимости или возможности, даже во время напряженной борьбы, когда средства на создание крупных сооружений находили с трудом.

В конце 1350 – начале 1370-х гг. столица Среднего Поволжья, Великий Болгар, становится в последний раз в своей истории средоточием напряженной борьбы. Город поддерживает претендента на сарайский престол (летописи не случайно называют хана Науруза «болгарским ханом», «царем Болгарским»), затем Болгар захватывает и фактически отторгает от остальной Орды Булак-Тимур (1361–1367 гг.), а с конца 50-х гг. город вновь, как в домонгольский период, попадает в сферу прямых военных интересов русских князей и с середины 60-х делается одним из основных объектов приложения военных усилий ушкуйников-новгородцев. В начале 1370-х гг. вокруг вопроса политической ориентации Болгара еще кипят страсти, следовательно, определенное значение он сохраняет и в это время.

Внутренняя история жизни города в эти десятилетия известна очень слабо, и более точная датировка затруднительна. Условия жизни явно не способствовали длительному строительству и завершению столь представительного комплекса, как

³ Это подтверждено археологически: культурный слой практически отсутствует, немногочисленные

находки говорят о кратковременности или отсутствии использования. Южное здание и внутренний периметр

(стены вдоль отрытых рвов?), вероятно, остались недостроенными.

Малый городок. Прекратить строительство мог любой из разорительных набегов конца 60-х годов, нехватка средств у правителя города в первой половине десятилетия, захват города Булак-Тимуром в 1361 г., связанный с большими разрушениями – в том случае, если строительство было начато до этого захвата, в 50-х гг.

Связь городка с южной дорогой к городу, с обводами городских укреплений, построенных примерно в то же время, с аналогичными по расположению огороженными участками у других ворот – несомненна. Поставленный на основном караванном пути в город, он призван был показать путникам Болгар как могучий, богатый и благочестивый. Мощные лапидарные объемы, геометрически четкие силуэты белоснежных зданий должны были эффектно выглядеть на фоне мягких линий и красок средневолжского пейзажа, деревянных стен и ворот города. Они первыми встречали странника со стороны степей, нижеволжских столиц или из Средней Азии, откуда на несколько веков раньше подъезжал к Болгару знаменитый Ибн Фадлан в составе посольства из Багдада.

Итак, мы рассмотрели в общих чертах «генеральный план» комплекса и его отдельных сооружений, определили его хронологию, историю строительства. Попытались даже определить его значение в общем кругу болгарской архитектуры. Однако мы так и не знаем, что перед нами. «Комплекс», «ансамбль» – определения неконкретные. Малый городок – также позднее условное название. Наблюдения над строительными особенностями (деталью техники, даже стратиграфические выводы), при всей их многочисленности, не позволяют решить задачу интерпретации – пространственные формы, подробности оформления интерьеров, внешнего облика, функция не реконструируются.

Время вспомнить верные слова: «План здания, прочитанный как отпечаток фундамента на листе бумаги, часто ничего не говорит. И только объемная планировка раскрывает сущность архитектурного замысла, позволяя видеть массы здания в пространстве»⁴. Однако и появление трехмерных пространственных реконструкций не решает дела, визуальные пространственные решения допускают разнообразные функции и зависят от них.

Необходимо погрузить имеющийся план и объемы в интерпретационное пространство, пространство аналогий (формальных, функциональных, конструктивных) – и не торопиться его оттуда извлекать с каким-нибудь определенным ярлыком.

С конструктивными наблюдениями мы уже столкнулись при описании и убедились, что они мало помогают функциональной интерпретации. Двухбашенное сооружение легко распознается как въездные ворота, но не дает ответа на вопрос, в какого рода комплекс они ведут. Тем паче, что нет уверенности в наличии отвечающего по уровню защиты ограждения – к воротам примыкает только неглубокий ров.

Сочетание сводчатого зала в одном пилоне с лестницей в массивнейшей толще другого, и явно повышенный характер башни с винтовой лестницей – свидетельства наличия второго уровня, дополнительного помещения или пространства над обоими башнями и вероятной конструктивной связи между ними.

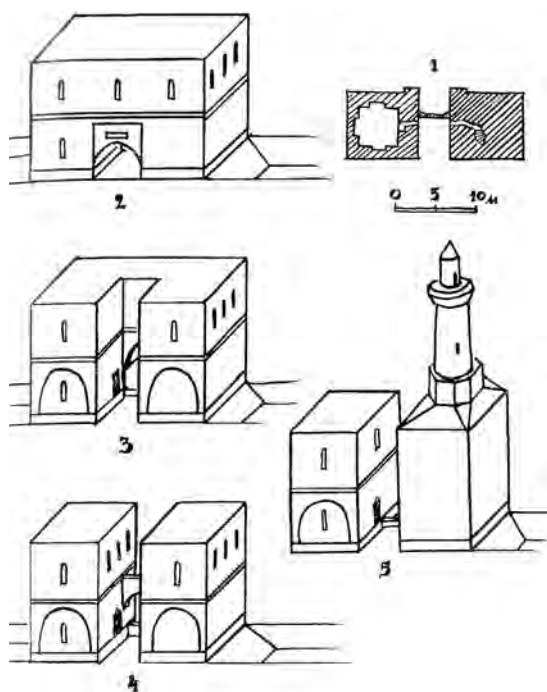
Здание с водоемом более-менее определимо функционально как павильон, связанный с омовениями, вероятно, культовыми. Ясен в общих чертах и его объем, так как подобная конструкция не может нести особенно высокого или сложного завершения. Однако характер этого завершения конструктивно не определяется, не говоря уж о системе покрытия. Конструктивный анализ дает нам лишь грубую схему.

Южное здание, с конструктивной же точки зрения, содержит еще меньше сведений о своих объемах. Анфиладно-центрический план с тремя членениями, усиленные продольные стены, возможная лестница (или иная ослабляющая несущую

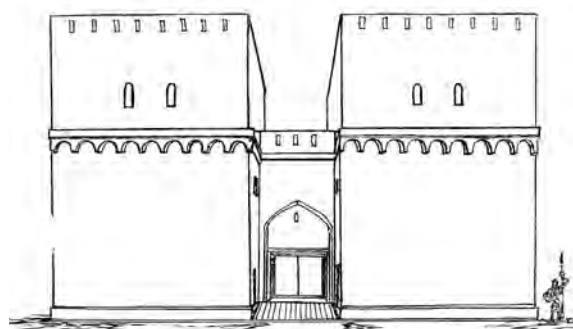
⁴ Пугаченкова Г. А.,
Ремпель Л. И. История

искусств Узбекистана. – М.,
1965. С. 223.

7

8

7. Возможные варианты схемы реконструкции двух-башенных ворот: 1 – план в уровне цоколя; 2 – единый объем с проездом; 3 – две равновысокие башни с переходом во втором ярусе; 4 – две равновысокие раздельно стоящие башни; 5 – две разновысокие башни

8. Ворота. Вариант с равновысокими башнями крепостного типа. Стилизованная реконструкция

щую способность структура) в западной стене, неясного назначения дополнительная кладка во рву южной стены – вот и все. Количество вариантов реконструкции зависит тут от функциональной интерпретации.

Попробуем другой прием входа в пространство, типичный для всех реконструктивных методик в подобном случае, – подбор аналогов. Несмотря на привычность и испытанность, он также ненадежен и уже изначально затруднителен. Могущественное восточно-европейское государство, в которое входил Болгар, имело на протяжении конца XIII – XIV в. устойчивые политические, торговые и культурные контакты почти со всем мусульманским миром от Александрии в Египте до Самарканда в Средней Азии и обладало высокой способностью улавливать творческие импульсы широкого культурного круга Средиземноморья (включая Византию, Италию, Турцию. Кавказ) и Восточной Европы (не говоря уж о Дальнем Востоке), а также возможности прямого обмена мастерами или привлечения их для выполнения определенных работ через Крым, Хорезм, Северный Кавказ и, наконец, Русь. Все эти возможности чрезмерно расширяют круг допустимых аналогов и прямо ведут к волюнтаристскому, вкусовому выбору.

Следует подчеркнуть, что в области ниже- и средневолжских памятников аналогии могут быть либо самыми общими и чисто условными (поскольку нет параллельных примеров), либо будут опускаться на уровень сходства отдельных технико-ремесленных приемов, прямо к пространственным решениям не выводящих.

Наконец, следует отметить полиэтничный характер средневекового города Болгара, в основе своей мусульманского. Включение в его застройку, особенно на периферии, у путевых застав иноверческих иноязычных колоний (греческой, армянской, и других) могло бы сделать правомочной попытку рассмотреть Малый городок вообще вне круга памятников мусульманской архитектуры Поволжья, не взирая на абсолютно болгарскую строительную технику.

Аналоги остаются единственным путем к «оживлению» архитектурно-археологических объектов, не обеспеченных письменными источниками или ясными указаниями на функции. Но в ряде конкретных ситуаций однозначная интерпретация

9

9. Ворота. Вариант с разновысокими башнями и минаретом над западной. Стилизованная реконструкция

и однозначная реконструкция вообще невозможны, они могут быть только фантастическими – либо излишне схематичными (то есть искаженными до неузнаваемости).

Впрочем, обилие подводных камней – не причина отказаться от плавания. При научном реконструировании в подобных случаях единственный выход – обратиться не столько к выбору или созданию «оптимального» варианта интерпретации, сколько к подробно обоснованной демонстрации потенциально возможного круга решений. Это позволит учесть аналоги весьма широкого круга – разумеется, при строгом и критическом отношении к их подбору. А также создаст простор для воображения автора и читателя, столь необходимый при реконструировании. И все это – без опасности переступить порог доказательной интерпретации, оказаться в сфере архитектурно-исторических фантазий и домыслов.

Появляется возможность подобрать область интерпретационных материалов, наглядно отражающую не только степень исследованности объекта, обеспеченности его данными иконографии, истории

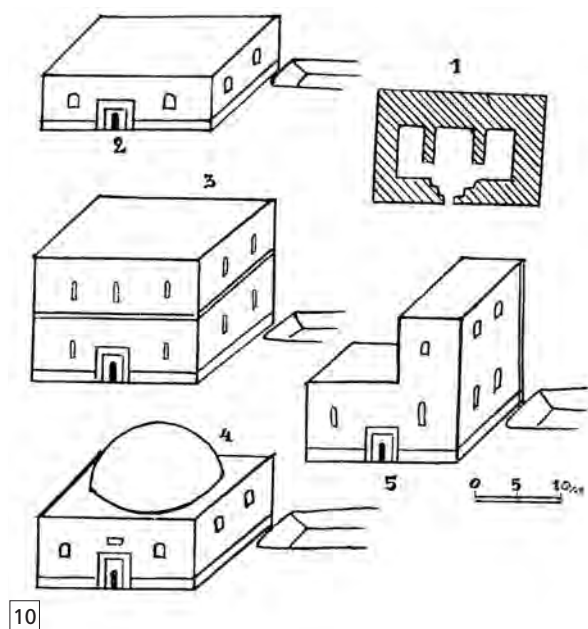
и т. п., но и ту грань развития наук, которую исследователь не имеет возможности перейти без риска оказаться вне пределов науки вообще.

Возникает также возможность проследить путь, пройденный исследователем в «интерпретационном пространстве», что делает восприятие объекта более сложным и многосторонним.

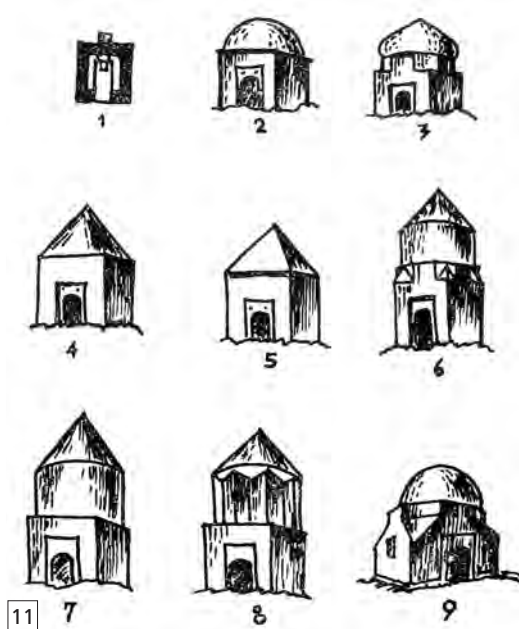
Соблазн заняться пространственно-объемной и функциональной интерпретацией Малого городка, невзирая на недостаточную обеспеченность его описаниями (в массе они не старше XIX в.), иконографическим материалом (гравюры начала XIX в. изображают руины заросшими, а от работ рубежа XIX в. никаких графических материалов не осталось) и неполную сохранность (карта начала XX в. указывает в этом районе до восьми руин каменных сооружений), конечно, заставляет немало «попутствовать» в поисках аналогий и возможных решений.

От предварительных декоративно-графических набросков популярно-стилизаторского характера, которые мы считаем необходимым здесь показать (они выполнены архитектором Ю. С. Вишнепольской, см. рис. 1–3, 5–8), интерпретация привела нас к системе вариантных схем, демонстрирующих возможные линии развития каждого конкретного сюжета и, одновременно отражающих реально существующие аналогии, на которые подобное развитие могло бы опереться (рис. 9–11).

Мы исходили из принадлежности памятника позднеболгарской строительной традиции (что неоспоримо следует из технического и конструктивного облика зданий и включенности объекта в городскую систему) и одновременно, мусульманской архитектуре в широком смысле слова, включая сюда указанный круг связей Волжской Болгарии (хотя памятник может оказаться и иным по «конфессиональному» признаку).

10. Принципиально возможные схемы реконструкции объема Южного здания: 1 – план; 2 – одноэтажный вариант; 3 – двухэтажный вариант; 4 – одноэтажный вариант с куполом; 5 – вариант с повышенной юго-западной третью; 2–3, 5 – с коробовым или плоским перекрытием (проемы абсолютно условны, кроме входа)

11. Ряд схем реконструкции объема и завершения, возможных при использовании среднеазиатских аналогов для Здания с водоемом (куббы): 1 – план; 2–7 – по таблицам Г. А. Пугаченковой, Л. И. Ремпеля; 8 – мавзолей Текеша в Куня-Ургенче, XIV в.; 9 – мавзолей в Эски-Юрт (Крым), XIV в.

Функциональная интерпретация Малого городка должна опираться на представление о нем как о парадном репрезентативном ансамбле с ослабленной фортификационной функцией (особенности конструкции въезда и отсутствие внутреннего вала), очень слабо выраженной жилой и совершенно отсутствующей производственной. Необходимо особо подчеркнуть, что *жилая функция просто «не запланирована» в ансамбле, поскольку ни одно из каменных зданий не имеет отопительной системы.* Такие системы хорошо известны в болгарском строительстве, и без них использование зданий в зимний период как жилых попросту невозможно. Таким образом, рассматривать ансамбль как дворцовый, усадебный или замковый достаточно трудно – приходится оговаривать сезонное использование.

Планировка комплекса чрезвычайно типична для мусульманской традиции – торжественный, максимально выделенный, акцентированный въезд, осевое и противоположащее расположение монументального Южного здания и четырехугольный двор (с возможной в перспективе периметральной застройкой?) позволяют вспомнить о ряде классических схем. Например, о мечети, в классическом виде представлявшей именно двор, обведенный стеной или галереей на столбах, с расположенным против входа на главной оси главным зданием – максурой, в торцевой стене которой устраивается михраб.

В условиях городской застройки мусульманского Востока известно три типа мечетей, различавшихся иерархически и по ритуальному предназначению и по-разному размещавшихся в городе. Это центральные общегородские мечети, выделяющиеся крупными размерами, – «джума» (пятничные, соборные); мечети отдельных кварталов или районов – «мехелле» (гузарные); наконец, праздничные, для отправления обрядов в дни больших канонических праздников – 'ид'ов ('ид ал-адха или 'ид ал-курбан и 'ид ал-фитр), – называвшиеся по-разному: намазга, мусалля, идгох и др.

Пятничная мечеть Болгара давно известна, это так называемый Четырехугольник. Гузарной мечетью Малый городок не может быть уже по причине своих

размеров и расположения. Но эти же два признака делают вполне возможной и даже вероятной интерпретацию памятника как намазги. Такие мечети не выделились в отдельный архитектурный тип, однако они имеют ряд характерных отличий – обширное незастроенное пространство перед молельным залом или стеной, зачастую огражденное по периметру, но отнюдь не застроенное, как у прочих видов культовых сооружений; встроенность этого зала в ограду на стороне, противоположной воротам мечети. При наличии минарета он обычно размещался внутри или вне ограды. Сами мечети-намазга помещались в пригородах, за стенами города, и уже потому нуждались в ограждении. Известны случаи, когда молельные залы мечетей этого типа имели трехчленный план⁵. Необходимо подчеркнуть, что именно мечети города Болгара и вообще болгарские мечети никогда не имели постоянного отопления.

Также могли бы подойти медресе (хотя из возможных предназначений это наименее вероятное, так как здание медресе обычно связано, так или иначе, с джума-мечетью города и размещено в центральном районе, и, хотя известны исключения, связанность с большой мечетью при переносе комплекса на периферию всегда сохраняется) или, что вероятнее, караван-сарай.

Караван-сарай – таково было первое предположение, с которым экспедиция приступала к работе. Однако последующее сопоставление с известными и близкими по времени караван-сараями сопредельных областей – Малой Азии, Армении и Азербайджана, Хорезма и Устюрта⁶ и вообще Средней Азии показало, что сходство планировочной схемы не позволяет сблизить Малый городок с караван-сараями теснее, чем с иными по назначению типами памятников. Этому мешают как подчеркнуто, непригодный для жилья и быта характер архитектуры, так и отсутствие (во всяком случае, невыявленность) помещений для складов товаров, бытовых комплексов – бань, мастерских, лавок и пр., обычных в городских караван-сараях. Следует заметить, что наиболее крупные, богатые караван-сарай (к ним по праву мог бы относиться городок) размещались в центре города, у базарной площади, ближе друг к другу. Караваны же крепостного типа, придорожные («ханы», «хан-сарай») – наоборот, в отдалении от города не менее, чем на день пути, обычно в узлах дорог, у колодцев и т. п.

Непосредственно у городских стен снаружи обычно имелись жалкие заезжие дворы для запоздавших или ожидающих открытия ворот окрестных крестьян⁷. Следует оговорить, однако, что с XIV века (по крайней мере) известны и случаи постройки крупных караван-сараяв вблизи городских въездов. Рашид ад-Дин указывает, что Газан-хан «приказал, чтобы из каждой новых ворот Тебриза внутри города рядом с воротами были построены караван-сарай, базары и бани, и караханы, и загоны для животных, и чтобы каждый род купцов, прибывающих с разных сторон, въезжал через те ворота, которые для этой стороны предназначены, и останавливался бы в тех караван-сараях, а тамговщик принимал бы их товары. Сходя в баню, шли бы они в город и, определив свои места, если хотят, уезжали. Точно так же, когда купцы из Тебриза отправлялись в стороны, они там располагались, пока тамговщик не осмотрит тюки и оттуда не отправит»⁸.

⁵ Шир-Кабир в Дахистане и намазга в районе Нисы; намазги в Самарканде, Бухаре. См.: Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958. С. 221 и далее; Она же. Средняя Азия. М., Лейпциг, 1983, №№ 36, 227.

⁶ 74. Erdmann K. Das Anatolische Karavansaray des 13. Jahrhunderts. Bd. 1–3. Berlin: Verlag Gebr. Mann, 1961–1976 (Istanbuler Forschungen. Bd. 21/1–2, Bd. 31/3); Арутюнян В. М. Караван-сарай и мосты средневековой Армении. – Ереван, 1959; Мурадов В. Г. Градостроительство Азербайджана XIII–XVI вв. Баку, 1984. С. 95–97; Маны-

лов Ю. П. Археологические исследования караван-сараяв Центрального Устюрта // Археология Приаралья. Ташкент, 1982. Вып. 1. С. 93–122.

⁷ См.: Ремпель Л. И. Далекое и близкое. Ташкент, 1982. С. 126 и др.

⁸ Рашид ад-Дин, Джамитаварих. Т. 3; цит. по: Мурадов В. Г. Указ. соч. С. 96.

Следовательно, невозможно отрицать существования подобных сочетаний караван-сарая с таможенными заставами и в городах Поволжья. В пользу такой атрибуции может свидетельствовать строгость внешнего облика, характерная для караван-сарая Кавказа и Хорезма. Может быть отыскано и иное объяснение Зданию с водоемом – как малой мечети при караван-сарая и/или махтаабы, беседки для заключения торговых сделок – обычно и то, и другое располагали в середине главного двора мечети. В результате атрибуция памятника как караван-сарая не может быть отвергнута полностью.

Типологическое сходство двух типов зданий, караван-сарая и мечети, было так велико, что было отмечено сразу и породило легенды об их связанности и даже взаимной превращаемости⁹. Близка им обоим по типу и ханака – странноприимный дом для дервишей, но одновременно и мечеть, иногда включающая мавзолей и другие ритуальные сооружения. Она бывает весьма различна по плану.

Важно отметить, что памятникам этого типа часто приписывали функции взаимоисключающего характера – от караван-сарая до храма огнепоклонников, как у комплекса известной ханаки XIII в. на реке Пирсагат (Азербайджан)¹⁰. В конце концов, их определили как многообразные. Ханака, напоминая формами феодальный замок, могла служить и временной резиденцией правителя (вблизи располагался караван-сарай, имелся отдельно стоящий минарет, мечеть с усыпальницей и непременный атрибут медресе и ханака – кельи-худжры).

Интересно отметить, что расположение при входе в такие здания часовни или беседки для отдыха (та'ратхана) также вполне характерно¹¹. Примером служат та'ратхана соборной мечети Бухары, Масджиди-Калян, и бесчисленные беседки и киоски Анатолии, Ближнего Востока, Египта. Впрочем, как ни трактовать Здание с водоемом – как беседку для отдыха или совершения сделок, малую мечеть или павильон над источником, – теснейшая связь с ритуально предписанным омовением (дестемаз), предшествующим молитве (намаз), сохраняется.

В принципе, такая планировка естественна и для дворцово-усадебного строительства, хотя выглядит в этом случае схематично-упрощенной. Очень важными представляются для такой атрибуции свидетельства о сооружении дворцово-праздничных комплексов на короткий срок, зафиксированное в Азербайджане уже при первых иль-ханах. Тот же Рашид ад-Дин свидетельствует, что Газан-хан «В конце зи-лска-дэ, лета 701 (конец июня 1302 г.) из Тебриза переехал в Уджан. Для благословенного местопребывания там оградил валом луг очень цветущий и приметный. Там имеются речки и ручьи с прозрачной водой и устроены большие пруды и водоемы, поселились разного рода птицы. Тот прямоугольник разделили на равные части и по двум сторонам его обозначили рубеж ивами и белыми тополями, чтобы народ ходил вдоль этих рубежей и ни одна душа не проходила вдоль луга. (Была указана) дорога каждому определенному разряду людей, откуда им входить и выходить. В середине построили кушки, башни, баню и прекрасные здания. Газан-хан повелел, чтобы золотую палатку разбили в середине этого сада с приемным шатром и навесами, которые особенно для него предназначены»¹². Подготовительные работы по строительству парка и сооружений велись три года, разбивка шатров и последние приготовления заняли месяц у большой группы строителей.

Четырехугольник луга живо напоминает нам Малый городок, даже такими деталями, как незаполненность внутреннего пространства, тщательная отгорожен-

⁹ Ремпель Л. И. Указ. соч. С. 140.

¹⁰ См.: Бретаницкий Л. С., Веймарн Б. В. Искусство Азербайджана IV–XVIII

веков. М., 1976. С. 57, 67–69.

¹¹ Пугаченкова Г. А. Средняя Азия. – № 27. С. 364.

¹² Рашид ад-Дин, Джамид ат-таварих... С. 194; См. № 6 Указ., соч. С. 84.

ность, явная временность, спешность в приемах строительства, краткость периода строительства и использования.

Таким образом, нельзя исключить возможности постройки Малого городка «на случай», например, для разового, но высоко престижного акта – встречи правителя, большого празднества, акта интронизации. Такие празднества становились вехами, серьезными политическими шагами и составляли важный предмет государственных забот мусульманских (да и не только мусульманских) правителей¹³. Это могло бы объяснить избирательность застройки и ансамблевый характер (да и нынешнее сходство памятника с парком или садом).

Напомним, что загородным дворцом склонен был считать объект А. П. Смирнов.

Разумеется, указанный набор возможных функциональных определений выглядит чрезмерно широким, и эта нерасчлененность (вспомним, что для средневековья характерно и сочетание ряда функций в одном комплексе) ограничивает возможности объемно-пространственной реконструкции. Так, придав ансамблю культовый характер, логично будет расположить над западной башней ворот минарет, а у Южного здания, как максуры, объяснимым станет расширение юго-западной торцевой стены, в которой предполагается михрабная ниша (возникнет также потребность некоторой акцентировки всего западного членения).

При этом здание однозначно реконструируется как одноэтажное, в то время как при его трактовке как замкового, дворцового, иного жилого или оборонительного – вероятен двухэтажный объем с лестницей в юго-западном торце. Какое-то иное объяснение придется искать в этом случае и для винтовой лестницы в западной башне ворот.

Конечно, некоторые особенности зданий восстановимы и без решения вопроса о функциях городка. Так, двухбашенные ворота, связываемые в единое сооружение, – конструкция, типичная в Средиземноморье и на Востоке по крайней мере со времен Античности. Она широко представлена и в средневековом исламском строительстве, и дает длиннейший ряд аналогов, вне зависимости от предназначения ограждаемой территории. В соответствии с конструкцией нижних частей возможны по меньшей мере четыре принципиальных схемы реконструкции всего объема ворот (рис. 9). Во-первых, в виде единого параллелепипеда с внутренним проездом в средней части и надвратным объемом, размещенным над плоским или сводчатым перекрытием над проездом, и закрытым по фасадам башен заподлицо с ними¹⁴ (ср. ворота хана аль-Вазир VII в. в Халебе (Сирия, совр. Алеппо) и главный вход цитадели рубежа XIV–XV вв. там же – с воротами Дербента XVIII в. (Нарын-кала) и входным объемом на р. Пирсагат или порталами ранних мечетей). Вторая схема – выраженный двухпилонный объем, башни которого соединены не помещением, а сравнительно узким переходным мостиком непосредственно поверх воротных полотнищ и позади них¹⁵. Таковы ворота Баб-аль-Кисан в Дамаске (XIII–XIV вв.); ворота городской стены Каира (XI в.) – Баб аль-Футух, Баб аз-Зувайла; многие ворота Дербента. И в первом, и во втором варианте предполагаются равновысокие башни с площадками или помещениями верхнего яруса.

В-третьих, допустима реконструкция, исходящая из представления о разновысоких башнях, имеющих различные функции, но связанных конструктивно, как в вариантах первом и втором (пример – привходовая часть мечети дворца Ширваншахов в Баку, середины XV в.¹⁶). Наконец, гипотетически возможно сочетание башен без надземной связи между ними (при одноэтажном объеме восточной башни или при падании на ее второй этаж с земли по приставной или висячей деревянной лестнице).

¹³ См.: Мец А. Мусульманский Ренессанс. М., 1973. С. 334 и далее.

¹⁴ См.: Сидорова Н. А., Стародубова Т. Х. Города Сирии. М. 1979. С. 174;

Хан-Магомедов. Дербент. Горная стена. Аулы Табасарана. М. 1979. Рис. 36–37.

¹⁵ Ср. Веймарн Б. В. Искусство арабских стран и Ира-

на XII–XVII веков. М., 1974. рис. 58, 59; Сидорова Н. А., Стародубова Т. Х. Города Сирии. С. 43).

¹⁶ Бретаницкий Л. Баку. М., 1970. С. 47.

Каждый из вариантов может включать промежуточные формы и разрабатываться подробнее, в зависимости от принимаемой формы покрытия, возможных на фасадах крупных членящих элементов (пилястры, ниши, раскреповки и т. п.), формы минарета или дозорной башни. Многое зависит от принимаемой схемы оформления въездной части по фасаду и проходу – симметричные проемы с дверями в стенах прохода и далеко сдвинутые внутрь ворота позволяют задуматься об оформлении порталного типа, хотя не делают его обязательным¹⁷.

Для Южного здания многое зависит от придания ему одно- или двухэтажного характера, и вообще от высотного решения, поскольку трехчленные анфиладные объемы равно характерны и для замка (кешк) раннемусульманской Средней Азии, и для некоторых типов зальных мечетей. Весьма разнообразны варианты завершения и покрытий. Ряд вариантов, построенных по указанным аналогам, изображен на рис. 10.

Даже вопрос решения общего облика верхней части Здания с водоемом (куббы) непосредственно зависит от того, куда мы обратимся за прототипом: к среднеазиатским мавзолеям; к ирано-азербайджанскому кругу памятников или к упрощенным в сравнении с ними крымско-сельджукским вариантам¹⁸ (среди многокупольных вариантов в раннефеодальной Средней Азии – трехчленные композиции и такие же планы замков; комплексы замков Азербайджана XII–XV вв. и формы мавзолеев Крыма (например, Эски-Юрт, XIV в., близ Бахчисарая); варианты однокупольных зданий Средней Азии и сложные декоративные решения азербайджанских мавзолеев) (рис. 11).

Слабую подсказку предлагает ганчевая плитка с прорезными краями и плоско-врезным орнаментом в виде трилистника, трехлопастной арки («даури-поя»). Но и она лишь демонстрирует включенность болгарского строительства в общий ход развития архитектурного растительного орнамента на Востоке, поскольку именно с XIV в. (с его середины и второй половины) даури-поя приобретает широкое распространение как один из крупных ведущих формообразующих элементов в декоре (особенно изразцовом) таких центров как Самарканд, Бухара, Хива, Ургенч¹⁹. Укажем на плитки изразцового декора надгробия Наджм-ад-дин Кубра и порталной ниши в его ханаки (первая треть XVI в., Куня-Ургенч); вполне аналогично оформление саганы Сейида-Алауддина в Хиве (первая треть XIV в.). Напомним и серию изразцовых сюжетов мавзолеев Шахи-Зинда второй половины XIV – начала XV вв.: панно портала Туглу-текин (1370-е гг.); панно в западной стене Усто Али Несефи, конец XIV в.; портал Ширин-бики-Ака (1372, 1385 гг.); Туркан-ака, 1372; горизонтальную цепь арок, обрамляющих барабан снаружи в мавзолее Туман-ака (1405 г.), и др. Впрочем, широта распространения мотива не способствует сложению устойчивых параллелей, резной ганч подобного рисунка уже в XIII в. был известен на Ближнем Востоке, например, в строительстве мамлюкского Египта (резное обрамление мечети султана Калауна в Каире, XIII в., и некоторые другие²⁰).

Что касается таких восстанавливаемых лишь гипотетически элементов, как завершения памятников и их покрытия, то применяются обычно методы, которые хочется назвать эмпирико-позитивными. Они опираются, например, на соображения климатического характера, на экстраполяции от поздних (по отношению к XIV в.) сооружений национальной татарской архитектуры, несомненно связанных генетически

¹⁷ Примеры выносного портала (пештак), характерных для исламской позднесредневековой архитектуры, так многочисленны, что их можно не приводить.

¹⁸ Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Указ. соч., рис. 61; Пугаченкова Г. А.

Пути развития архитектуры Южного Туркменистана...; Якобсон А. Л. Средневековый Крым. М.-Л., 1964. Табл. 35, 1; Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Указ. соч., рис. 57–60.

¹⁹ Нильсен В. А., Макова В. Н., В. И.

Архитектурный декор памятников Узбекистана. Л., 1974. С. 19, табл. XI, XIII, XX, XXIV; Пилявский В. И. Куня-Ургенч. Л., 1974; Пугаченкова Г. А. Хива. М., 1976, рис. 80.

²⁰ Ходжаш С. И. Каир. М., 1975. С. 123.

с исследуемыми, наконец, на исторические связи, которыми объясняются, видимо, отдельные довольно точные совпадения строительных решений болгарских мастеров с работами зодчих Азербайджана (уже упоминавшийся входной объем мечети дворца Ширваншахов, Баку, 1441 г., где композиция в плане развернута зеркально – справа зальное пространство, слева – винтовая лестница, уводящая в толщу минарета) и особенно, Хорезма, прежде всего, Ургенча, где укажем на развитую порталную композицию мавзолея династии Суфи («усыпальница Тюрбек-ханым», ханака), за порталом которого в толще кладки скрыта небольшая келья (слева) и винтовая лестница (справа), в которые ведут боковые двери из прохода между пилонами (1360-е гг., Куня-Ургенч); схемы квадратных помещений мавзолеев с четырьмя нишами там же (мавзолей Султана Али, мавзолей Фахреддина Рази, мавзолей Текеша). Не являются необычными такие композиции и для других строительных традиций. Не исключено, что и оформление фасадов небольших однокупольных построек Болгара могло напоминать одновременные им памятники Хорезма, типа мавзолея Сеида Алауддина в Хиве.

По поводу объема мавзолея на Малом городке трудно сделать даже и такое заключение, слишком уж мало от него уцелело.

Следует помнить, наконец, что воспроизведение одних и тех же реконструктивных решений, охватывая памятник за памятником, приводит к неизбежному обеднению, засушиванию реальной картины, ее стандартизации, а следовательно, искажению. Реальность, несомненно, была богаче – за счет местных традиций, так и влияний. Широкое исследование мусульманского зодчества самой Болгарии и сопредельных территорий, буквально насыщенных, как показывают сводки²¹, памятниками, все еще недостаточно исследованными, обещает со временем новые возможности интерпретации уже имеющихся материалов, поэтому принципиально важно сегодня, чтобы типологические схемы (а как часть их – и реконструкции) сохраняли возможно более открытый характер, готовы были для приема и усвоения неожиданных фактов и обстоятельств истории архитектуры. Попытка построить ряд таких схем и была предпринята в статье.

В заключение напомним, что постоянные сложности с атрибуцией архитектурно-археологических и даже лишь частично руинированных памятников сравнительно недавнего прошлого хорошо известны в том же Болгаре. Много десятилетий заняла дискуссия о назначении Четырехугольника, лишь после долгих архитектурных и археологических исследований идентифицированного как джума-мечеть. Столь же упорно держались легенды о гражданских, деловых функциях мечети-усыпальницы, известной как Черная палата. Аналогичной была ситуация с «Диванхане» в ансамбле Ширваншахов в Баку, и с многими другими постройками. Следует еще раз подчеркнуть, что открытость – до наступления полной ясности, конечно, – темы интерпретации памятника только способствует условному разрешению проблемы.

Таким образом, статья 1990 года стала опытом аналитического подхода к реконструкции вообще, опытом критики метода бытующих приемов графических реконструкций архитектурно-археологических объектов на конкретном материале. Понятно, что для такого эксперимента *in vivo* автор мог предложить только свой собственный памятник. Нет сомнения, однако, что подобная операция на целом ряде уже исследованных и опубликованных, включая реконструкцию, памятниках архитектурно-археологического характера в Среднем Поволжье может способствовать как оживлению и углублению наших представлений о них, сегодня слишком схематически-обедненных, так и дальнейшему поиску подходов к интерпретации архитектурно-археологических объектов.

²¹ Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.

См. также список работ Э. В. Зиливинской в основном тексте книги.

АЙДАРОВ С. С.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ МАЛОГО ГОРОДКА КАК КАРАВАН-САРАЯ В СИСТЕМЕ РАБАТА У ЮЖНЫХ ВОРОТ ГОРОДА БОЛГАРА²²

Под опытом реконструкции в данном случае подразумевается схематичное воспроизведение обобщенно воспринимаемого облика разрушенного сооружения в стилизованных приемах, соответствующих предварительно устанавливаемому характеру частично сохранившихся объемно-планировочных, функционально-конструктивных и декоративно-художественных признаков, а также культурно-исторических условий развития местного зодчества.

То есть не стилизация в подражание конкретному объекту того или иного стиля, имеющему аналогичные планировочные, функциональные или художественные признаки и связанному с исследуемым сооружением предпосылочными культурно-историческими условиями, а апостериорно-стилизаторское воспроизведение наиболее вероятного типического облика, когда элемент подражательства аналогиям в зодчестве других стран используется как средство поиска не столько конкретных форм утраченного облика, сколько воплощения в последнем более общих черт тех или иных стилизованных направлений (локальных, региональных, межрегиональных), участвовавших в формировании местного зодчества в целом. Такой опыт абстрагирован от воспроизведения в реконструируемом сооружении точных пропорциональных соотношений и индивидуальных формально-образных и функционально-конструктивных черт, исходивших от творческой индивидуальности автора и своеобразных условий строительства. Поэтому он, естественно, не может претендовать на полноту раскрытия утраченного облика (такая претензия по отношению к реконструкции археологического памятника была бы бессмысленной даже при привлечении абсолютно полного состава аналогий в зодчестве других стран). Он позволяет зато, в совокупности с опытом реконструкции других сооружений той же школы, раскрыть общестилистические компонентные особенности рассматриваемого зодчества (например, местный региональный, евразийский степной, восточный и прочие компоненты), на базе которых конкретные формы сооружений приобретали, вероятнее всего, черты локального своеобразия. Учесть некоторые из последних, имеющих историческую или логическую обусловленность в опыте реконструкции указанного типа, можно лишь в рамках гипотез (например, в данном

---

²² Текст известного историка болгарской архитектуры и реставратора был

включен в тот же сборник 1990 года в качестве приложения к статье. Он пред-

ставляет более традиционную точку зрения. Приводим его без изменений.

случае — наличие минаретного завершения над южным каменным сооружением Малого городка), хотя свойств гипотезы не лишен и опыт реконструкции в целом.

Опираясь на изложенные положения и данный в публикационной части статьи материал, представляется возможным рассмотреть реконструкцию Малого городка как форта (в целом), а его центрального сооружения — в качестве привратного караван-сарая (форта) в системе рабата. Комплексное сооружение могло предназначаться для усиления обороны южного подступа к городу и одновременно резиденцию представителей евразийского степного и восточного мусульманского мира, сопровождаемых обычно войсковой охраной и располагавшихся во время остановок в пути в привычных для них палатках или более комфортабельных шатрах и юртах. Последние являлись относительно более комфортабельным и традиционным типом жилища в условиях Волжской Болгарии (о чем свидетельствуют современники X–XII вв. — Эль-Балхи, Ибн-Фадлан, Эль-Андалуси, Эль-Мукаддеси, Эль-Идриси, Якуб). Известно, что и Багдадское посольство X в. было принято болгарским царем в шатре, а размещалось в юртах (Ибн-Фадлан).

Таким образом, пространство Малого городка как между оборонительными линиями, так и внутри них могло служить для расположения временных юртообразных или срубных построек, не оставивших следов в земле ввиду краткосрочности использования. Важно подчеркнуть, что за это свидетельствует характер объемно-планировочной организации комплекса — строгий, «крепостной», четко дифференцированный на внутреннюю цитадель и внешнюю укрепленную зону (место стоянки менее привилегированных путников?), возможно, размещение во внешней зоне водных источников (один из них располагался, как предполагали исследователи XIX в., за юго-западным углом городка, другим, возможно, служил водоем, открытый у северо-восточного угла). Над источником, обнаруженным в северо-восточной зоне, располагалось каменное сооружение с лавками вдоль боковых стенок. По сведению В. Ф. Смолина, ссылающегося на отчетные данные раскопок 1893 г., таких сооружений по наружным краям центрального четырехугольника было несколько.

Возможной аналогией их, несущих, главным образом утилитарную функцию, считаю скатные постройки типа армянских арочных павильонов над водными источниками XIII–XIV вв., так как родство каменных сооружений Болгара с армянской строительной техникой и орнаментальными мотивами, а также факт проживания в городе армян, бесспорны. Например, сохранившиеся остатки «палаты» в Армянской колонии Болгара (очевидно, храма, планировочно типичного двухэтажным храмам средневековой Армении), отражают ту же технику, что и каменные сооружения Болгара и Армении.

Устройство входа в виде широких ворот с мощным каменным порогом свидетельствует, что он был рассчитан для транспортного въезда с уровня прилегающей поверхности, а не для пешего входа с несколько приподнятой над землей площадки со ступенями, — как принято в порталных парадных входах культовых зданий. О деловом характере сооружения свидетельствует наличие в проходе ворот проемов в помещения фланкирующих пилонов, а не декоративных рудиментарных ниш, свойственных многим типам порталов культовых сооружений. Размещение створок ворот глубоко внутри проезда ворот предопределяет весьма вероятную возможность существования еще одних внешних ворот, которые могут быть представлены только в форме опускающих герсов (из-за отсутствия здесь следов порога, упоров входных створок и угловых лопаток).

Типологически сооружение может быть сопоставлено с крупными привратными караван-сараями, описываемыми источниками XIII–XIV вв. (например, Рашид ад-Дином), а также с некоторыми более древними сооружениями (караван-сарай Дая-хатын, XI–XII вв., Туркмения, созданный в системе с рабатом). Отдаленным и поэтому планировочно менее развитым местным прототипом рассматриваемо-

го комплексного сооружения может служить караван-сарай в Биляре, созданный в первой половине X в. у восточных ворот внутреннего города в качестве самостоятельного укрепленного комплекса типа форта. Он предназначался, вероятно, для представителей, прибывающих из стран, менее привычных к проживанию в юртах, и поэтому включал в свой состав двухэтажное кирпичное здание гостиничного типа с подпольным отоплением. Такое жилище, расположенное в зоне укрепленного двора, имело, судя по остаткам археологически раскрытой планировки, самостоятельный укрепленный вход в виде встроенной восьмигранной башни с лестницей наверх. Посреди двора, укрепленного рвом, валом и частоколом, располагался также колодец, а по периметру — возможно, другие типы сооружений.

На основе изложенного предлагается опыт реконструкции планировки и объемов Малого городка, исходящий также из следующего ряда заключений:

- отсутствие вдоль крепостного рва центрального пространства валов и следов столбчатых конструкций может свидетельствовать о предназначенности этой линии под установку оборонительной стены некаркасной срубной конструкции типа тарас или городень, причем без земляной засыпки камер нижнего яруса срубов. В этом случае камеры могли использоваться для хранения путниками своих товаров, а в случае осады — для стрельбы из их волоковых окон типа бойниц. Второй ярус оборонительных стен, несущий функции галерей боевой площадки, мог связываться с северной стороны с помещениями каменных пилонов, а с южной — со связующей их каменной боевой площадкой, располагающейся над сильно выступающим наружу фундаментом южного сооружения;

- значительная толщина продольных стен южного каменного сооружения, возможное наличие следов двух подпружных арок, маркированных мелкими фундаментами поперечных перегородок, а также возможность для этого сооружения служить мечетью дает основание к гипотезе о размещении над центральной частью здания минаретного завершения (восьмигранного или круглого в плане). Мечеть с минаретом над крышей — наиболее распространенный тип храма в деревянном и каменном зодчестве казанских татар. Наиболее ранним известным прототипом его является двухэтажная каменная мечеть Нур-Али в казанском кремле эпохи Казанского ханства, создание которой могло восходить ко времени основания крепости в XII в.

Вдоль внешнего контура городка сохранился невысокий и узкий вал без следов бревенчатых конструкций, но четкий по рельефу и в плане. Это позволяет утверждать, что перед нами остатки земляного заполнения двухрядных стен каркасно-плетеной или срубной конструкции, создаваемых без фундамента. При разборке стен срубной конструкции их засыпь сохранилась бы не в столь четких очертаниях, заполнив местами и ров, поэтому в графической реконструкции фрагмент предполагаемой конструкции наружной ограды Малого городка представлен в виде каркасно-плетеной конструкции и со скатным покрытием, предохраняющим внутреннее земляное заполнение от вымывания и выпучивания. В местах же, где наружный вал и ров прерывается, обозначены возможные башни (пунктирной линией), как и все остальные предполагаемые элементы реконструкции. Следует отметить, что каркасно-плетеные конструкции были характерны для зодчества волжских болгар. Их использование восходит к раннеболгарскому периоду. Крепостные стены в виде двухрядной плетенки, обмазанные глиной и заполненные в промежутке землей вперемежку с камнем, известны по Именьковскому городищу, основанному в первой половине 1 тыс. до н. э. и существовавшему до второй половины 1 тыс. н. э. В самой Волжской Болгарии фрагмент основания каркасно-плетеных стен, состоящих из двух слоев с промежуточным заполнением, известен в городище Джуке-Тау и на других памятниках.

И. Р. ГАЗИМЗЯНОВ, К. В. КИРЯГИН, Е. В. ВОЛКОВА, Н. Р. РАХМАТУЛЛИН
АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ И ПАЛЕОПАТОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА
КОСТНЫХ ОСТАНКОВ ИЗ ЗАХОРОНЕНИЙ КАМЕННОГО МАВЗОЛЕЯ
НА ТЕРРИТОРИИ МАЛОГО ГОРОДКА БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА

Работа выполнена при поддержке РФФИ: проект № 14–06–00463, «Особенности жизнедеятельности населения средневекового Болгара по антропологическим и генетическим данным».

В наше распоряжение для антропологической и палеопатологической экспертизы были переданы костные останки людей из 5 захоронений каменного мавзолея, исследованного в 2013 году на территории Малого городка Болгарского городища (раскоп СХСVII, рук. И. И. Ёлкина). Учитывая, несомненно, высокий статус погребенных, было решено провести их исследование по различным антропологическим и палеопатологическим программам (Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966; Абрамов, Гедыгушев, Звягин и др., 2000, Бужилова и др., 1998). Краниометрические и остеометрические данные приведены в таблицах № 1 и 2. Ниже дается их морфологическое и палеопатологическое описание.

Погребение 1.

Скелет относительно хорошей сохранности принадлежал мужчине зрелого возраста (40–50 лет). По различным методикам определения высоты тела по длинным костям, рост данного субъекта в среднем был около 165 см.*

Черепная коробка характеризуется резкой брахикранией и высокой высотой свода. Развитие мышечного рельефа оценивается как умеренное. Лобная кость средней ширины, покатая. Лицевой скелет узкий и высокий, по пропорциям – лептен. Носовая область также описывается этими параметрами. Орбиты среднеширокие, но высокие – гипсиконхные. В горизонтальной и вертикальной плоскостях лицо резко профилировано на всех уровнях. Переносье высокое. Угол выступления носа большой. Клыковая ямка – глубокая.

Антропологический тип: несомненно, европеоидный, возможно, южного генезиса.

В области затылка прослеживаются следы непреднамеренной деформации типа «бешик», связанная с долгим и неподвижным лежанием ребенка в деревянной «люльке».

---

* Для расчета длины тела использовалась компьютерная программа «Судмединфо», г. Киев, 1991 г.

При осмотре зубной системы выяснилось, что на нижней челюсти всего 11 зубов. Прижизненно утрачены с правой стороны зубы 8, 7, 6; с левой – 5, 6, 7. Посмертно утрачен правый медиальный резец. Верхняя челюсть: всего 9 зубов. Прижизненно утрачены с правой стороны зубы 8, 7, 6, 5; с левой стороны – 5-й зуб. Посмертно разрушен альвеолярный отросток в области 6, 7, 8 зубов с левой стороны (соответствующие зубы отсутствуют). Зубы 4 и 5 с правой стороны нижней челюсти поражены тотальным кариесом (отсутствуют коронки). Поражение зубным камнем было оценено в 2 балла, наблюдается на зубах нижней челюсти в пришеечной зоне с лингвальной стороны. Присутствует пародонтоз (оголена $\frac{1}{3}$ корня). Признаки абсцесса распространяются в области 4–5 зубов нижней челюсти с правой стороны, характеризующийся слабым развитием (1 балл), в области 5–8 зубов с правой стороны верхней челюсти абсцесс привел к потере зубов и резорбции альвеолярного отростка.

Осмотр всего скелета на предмет выявления патологических изменений или травматических повреждений показал, что кроме возрастных не отмечаются.

Погребение 2.

Костяк очень плохой сохранности и, скорее всего, принадлежал женщине зрелого возраста. Из-за отсутствия целых длинных костей, рост не определялся.

По сохранившимся фрагментам черепа, визуально можно определить средний наклон лба и сильное выступание носовых костей, что позволяет, с определенной долей осторожности, судить о европеоидном облике данного субъекта.

Анализ зубной системы показал, что на нижней челюсти сохранилось всего 10 зубов. Прижизненно утрачены с правой стороны зубы 2, 7, 8; с левой – 7, 8. Посмертно утрачен первый правый моляр. Верхняя челюсть: всего 10 зубов. Прижизненно утрачены: 6, 7, 8 зубы с обеих сторон. Признаки кариеса не выявлены. На резцах нижней челюсти присутствуют следы зубного камня. Признаки пародонтоза установить не представляется возможным в виду посмертной разрушенности края альвеолярного отростка. Признаки абсцесса наблюдаются в области 7, 8 зубов с правой стороны нижней челюсти (ввиду посмертного разрушения в этой области оценить поражение в балльной системе не представляется возможным).

Погребение 3.

Скелет хорошей сохранности, мужской зрелого возраста. Рост, в среднем – 170,7 см.

Череп мезокранный, эллипсоидной формы. Высота свода очень значительна. Мышечный рельеф хорошо выражен в области затылка и умеренно в области лба. Последний среднеширокий и немного наклонный. Лицевой отдел при средней его высоте чрезвычайно узок, по пропорциям относится к категории лептенных. Носовое отверстие средней ширины, высокое, нижний край заостренный. Орбиты средневысокие, по указателю – мезоконхные. По степени уплощенности: лицо резко профилировано как на уровне орбит, так и на уровне скул. По углам вертикальной профилировки – мезогнатный. Угол выступления носа большой. Клыковая ямка – глубокая.

Антропологический тип: европеоидный. Об этом можно судить и по пластической реконструкции, сделанной по данному черепу Н. Р. Рахматуллинским методом М. М. Гарасимова.

При осмотре челюстей выявлено, что на нижней челюсти присутствует 15 зубов (посмертно утрачен второй моляр с правой стороны). На верхней челюсти присутствует 10 зубов. Прижизненно утрачены 2 и 7 зубы с правой стороны и 1, 7, 8 зубы с левой стороны. Посмертно утрачен 2 зуб с левой стороны. Есть признаки поверхностного кариеса в пришеечной зоне 6 зуба с левой стороны нижней челюсти, 6 зуба с левой стороны верхней челюсти. Глубокий кариес диагностирован с буккальной стороны 8 зуба правой стороны верхней челюсти, у 7 зуба с правой стороны верхней

челюсти отсутствует коронка ввиду тотального поражения кариесом. Пародонтоз выражен, оголено от $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{3}$ корня. На нижней премолярной дуге присутствует зубной камень (2 балла). С правой стороны верхней челюсти в области 6–7–8 зубов резорбция костной ткани (признак одонтогенного остеомиелита) (см. рис. 1).

В области 6 зуба с левой стороны верхней челюсти признаки периапикального абсцесса, выраженность которого была оценена в 2 балла (полость диаметром 4 мм), места 7 и 8 зубов с той же стороны заросли с утратой части края альвеолярного отростка (см. рис. 1).

При осмотре посткраниального скелета было обнаружено сращение первых ребер с рукояткой грудины, что можно расценивать как возрастные изменения, не влияющие на функциональность грудной клетки (см. рис. 2).

На черепе отмечаются два механических прижизненных повреждения (см. рис. 3).

Повреждение № 1 неправильно-овальной формы, размерами 14×10 мм, расположено на чешуе правой височной кости (см. рис. 4). Края повреждения со стороны наружной костной

*Рис. 1. Погребение 3.
Проявление одонтогенного
остеомиелита (абсцесса)
на верхней челюсти*

*Рис. 2. Погребение 3.
Сращение первых ребер
с рукояткой грудины*

Рис. 3. Погребение 3. Череп с локализацией механических повреждений № 1 и 2

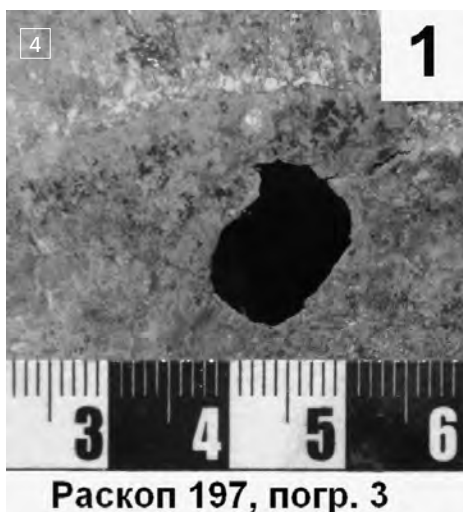

Рис. 4. Погребение 3. Вид повреждения № 1

пластинки относительно ровные. Повреждение образовалось от действия предмета с ограниченной контактирующей поверхностью в направлении справа налево, спереди назад и снаружи внутрь. Невозможность исследования повреждения с внутренней поверхности не позволяет судить о групповых и частных признаках орудия травмы.

Повреждение № 2 расположено на чешуе лобной кости слева (в непосредственной близости от места соединения венечного и клиновидно-лобного швов) и представлено в виде углубления наружной костной пластинки, с ровным пологим дном, округлыми краями, диаметром около 10 мм, глубиной до 2 мм (см. рис. 5). Повреждение образовалось от действия предмета с ограниченной контактирующей поверхностью в направлении слева направо, снизу вверх и снаружи внутрь. Данная травма, вероятно, не стала причиной смерти, так как отмечаются следы заживления костной ткани. Смерть наступила, скорее всего, после удара в правый висок.

Погребение 4.

Скелет детский, 8–10 лет. Сохранность костей плохая. По отдельным сохранившимся длинным костям (левая бедренная, левая большеберцовая и левая плечевая) по методике, предложенной А. П. Бондаревым, удалось определить рост ребенка: 114 см. (Бондарев, 1902).

Исследование зубо-челюстной системы показало, что посмертно утрачены: первый коренной моляр с левой стороны нижней челюсти, медиальный и латеральный резцы, а также молочный клык с правой стороны верхней челюсти. Серединный кариес наблюдается на молочном моляре с левой стороны верхней челюсти на дистальной поверхности коронки в контактной зоне, а также с левой стороны нижней челюсти в пришеечной зоне на дистальной поверхности зуба.

Патологических изменений на костях не отмечается.

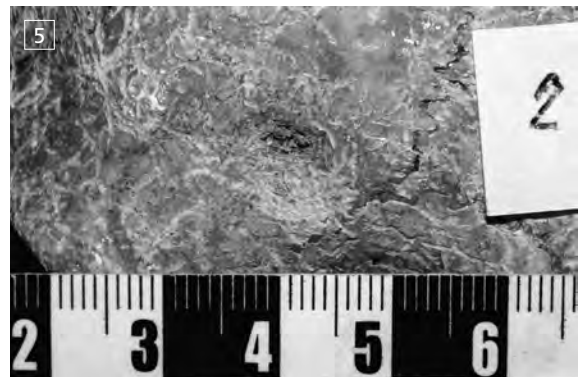
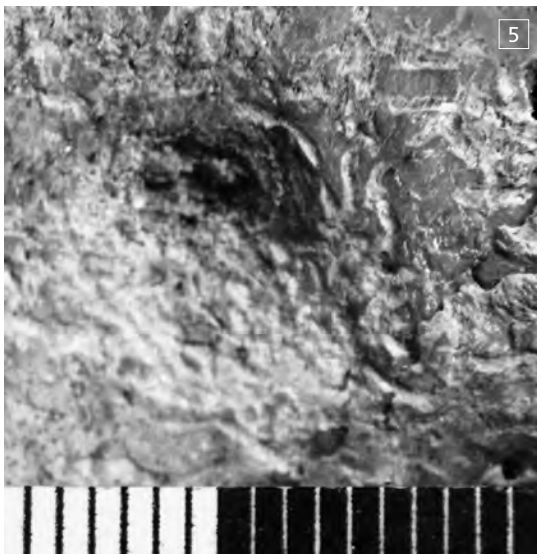

Рис. 5. Погребение 3.
Вид повреждения № 2

Погребение 5.

Скелет мужской средней сохранности. Возраст определяется как зрелый. Рост в среднем 158,3 см.

Череп посмертно деформирован, при этом отмечается разрушение его основания. Черепная коробка по указателю относится к категории мезокранных. Форма черепа эллипсоидная. Высота свода от порионов большая. Рельеф выражен умеренно. Лоб среднеширокий и средненаклонный. Лицо такое же узкое и такое же высокое, как и у других мужских скелетов из захоронений данного мавзолея. Носовые кости высокие и узкие, по пропорциям относится к категории лепторинных (узконосых). Переносье высокое, но его выступание ослабленное, что может говорить о некой монголоидности в его физическом облике. Горизонтальная профилировка лица на уровне орбит умеренная. По углам вертикальной профилировки лицо мезогнатно. Глубина клыковой ямки средняя. Нижний край грушевидного отверстия антропической формы.

Антропологический тип в целом европеоидный. Однако некоторые морфологические признаки лица (ослабленное выступание носовых костей и мезогнатность лица в вертикальной проекции) может говорить о небольшой монголоидности в его физическом облике.

Нижняя челюсть: всего 4 зуба. Прижизненно утрачены: 5, 6 зубы с левой стороны, 6 зуб с правой стороны. Посмертно утрачены: 1, 2, 3 с обеих сторон, 4, 5 с правой стороны. Верхняя челюсть: всего 3 зуба. Посмертно разрушена верхняя альвеолярная дуга в области от 3 до 8 зубов с левой стороны (соответствующие зубы

отсутствуют), так же утрачены зубы 1, 2 с обеих сторон, 3, 4, 6 – с правой стороны. Обнаружен поверхностный кариес в пришеечной зоне медиальной поверхности 8 зуба левой стороны нижней челюсти. На зубах нижней челюсти обильное отложение зубного камня (2 балла). Пародонтоз выражен (оголено $1\frac{1}{2}$ корня).

Таким образом, в мавзолее погребены трое мужчин, женщина и ребенок. Данная поло-возрастная структура позволяет говорить о том, что данное сооружение, скорее всего, являлось семейной усыпальницей.

Антропологический тип определяется в целом, как европеоидный и описывается одним общим краниокомплексом: высокая черепная коробка, узкое и высокое резкопрофилированное лицо с сильно выступающим носом. Различия по черепному указателю, скорее всего, связаны с проявлениями индивидуальной изменчивости, которая, как известно, достаточно вариабельна. Симптоматично, что элементы данного морфокомплекса прослеживаются и в антропологических материалах из других мавзолеев средневекового Болгара (Газимзянов, 2016). Его генезис без дополнительных, в том числе генетических, исследований, пока трудноопределим. Только отметим, что узкое и высокое резкопрофилированное лицо с сильно выступающими носовыми костями характерно прежде всего для южно-европеоидных популяций.

Патологическая экспертиза посткраниальных скелетов не выявила, каких-либо явных отклонений от нормы, кроме как возрастных. Возраст погребенных в мавзолее варьировал в пределах 40–50 лет. Для эпохи средневековья это высокие показатели и отражают, в какой-то степени некоторую «комфортность» жизни этих людей и их особый социальный статус.

Среди различных заболеваний зубов и челюстей современного человека первое место занимает кариес зубов. В настоящее время это заболевание относят к полиэтиологическим. Основные группы причин возникновения кариеса – особенности диеты и состояние здоровья. Зубной камень может приводить к кровоточивости десен, пародонтиту – воспалению пародонта (комплекса тканей, окружающих и удерживающих зуб в альвеоле). На его появление влияют как диета, так и абразивные свойства пищи (Тур, Краскова, 2008). Сравнение встречаемости кариеса и зубного камня в популяции позволяет оценить соотношение белковой и углеводной пищи в рационе. При осмотре челюстей кариес был выявлен у всех индивидов. Зубной камень оценивался по схеме, предложенной А. П. Бужиловой с соавт. (1998), определялась выраженность отложений в балльной оценке (от 1 до 3 баллов). Зубной камень был выявлен у всех взрослых индивидов. В качестве проявлений пародонтита рассматривались пористость или деформация альвеолярного края челюстей, сопровождаемая «обнаженными» корнями зубов. Пародонтит был обнаружен у индивидов из погребений 1, 3, 5, у индивида из погребения 2 степень сохранности не позволяет делать однозначных выводов. Зубной камень и пародонтит – сопутствующие друг другу патологии зубной системы (Перерва, 2009).

Абсцесс – одонтогенный остеомиелит (воспаление костного мозга, распространяющееся на компакту и надкостницу) челюсти, возникает в результате проникновения возбудителей гнойной инфекции из очага воспаления, локализующегося в тканях зуба или пародонта. На краниологическом материале последствия абсцесса фиксируются в виде каверн (полостей), располагающихся в области корней одного или нескольких смежных зубов, и оценивались по балльной системе (Бужилова, Козловская, Лебединская, Медникова, 1998). Признаки абсцессов были обнаружены у индивидов из погребений 1, 2, 3.

Прижизненная утрата зубов может происходить в результате пародонтопатий, травм и абсцессов. На краниологическом материале традиционно определялась как участок альвеолярного отростка с отсутствующим зубом и лункой, затянутой или за-

*Рис. 6. Пластическая реконструкция по черепу из погребения № 3.
Выполнена Н. Р. Рахматуллиным по методу
М. М. Гарасимова*

тягивающейся костной тканью. Прижизненная утрата зубов была обнаружена у всех взрослых индивидов.

Несмотря на то что погребенные люди в мавзолее на Малом городке, по средневековым меркам, доживали до почтенного возраста, не все из них умирали естественной смертью. Обнаруженные на черепе мужчины из погребения № 3 травматические повреждения могут говорить и о насильственном ее характере. При этом если одна из них не стала причиной смерти, то удар в правую височную область стал для него роковым. Учитывая, что время возведения мавзолея, по мнению автора раскопок, относится ко второй половине XIV века, а это время политической и экономической нестабильности в Золотой Орде («великая замятня», междоусобица, нападения ушкуйников и т. д.), то смерть мужчины, возможно, действительно не была случайной (Беляев, Елкина, Лазукин, 2016).

Литература:

Абрамов С. С., Гедыгушев И. А., Звягин В. Н., Назаров Г. Н., Томилин В. В. Медико-криминалистическая идентификация. Настольная книга судебно-медицинского эксперта. Под общей редакцией доктора медицинских наук, профессора В. В. Томилина. М., 2000.

Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М., 1964.

Алексеев В. П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. Москва. 1966.

Беляев Л. А., Ёлкина И. И., Лазукин А. В. Новые исследования на территории Малого городка Болгара // Материалы Конгресса исламской археологии России и стран СНГ. Казань, 2016. с. 15–21.

Бондарев А. П. Материалы к измерению роста и отдельных частей тела у детей. СПб., 1902.

Бужилова А. П., Козловская М. В., Лебединская Г. В., Медникова М. Б. Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.: Издательство. 1998, 260 с.

Газимзянов И. Р. Мавзолеи города Болгара: антропологический аспект // Материалы Конгресса исламской археологии России и стран СНГ. Казань, 2016. с. 77–88.

Перерва Е. В. Маркеры стресса как индикаторы адаптации (по материалам золотоордынского могильника Маячный бугор) // Микроэволюционные процессы в человеческих популяциях: сборник научных статей / Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; отв. ред.: А. В. Громов, В. И. Хартанович. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2009. 293 с.

Тур С. С., Краскова Т. А. Население пазырыкской культуры Средней Катуни: зубные индикаторы палеодиеты / Древние и средневековые кочевники Центральной Азии: сборник научных трудов / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Азбука, 2008. С. 216–220.

Авторы:

Газимзянов Ильгизар Равильевич: заведующий археобиологической лаборатории, Институт археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, Российская Федерация).

Кириягин Константин Валерьевич: врач, судебно-медицинский эксперт, медико-криминалистическое отделение ГАУЗ «Республиканское бюро судебно-медицинской экспертизы МЗ РТ» (г. Казань, Российская Федерация).

Волкова Елизавета Валерьевна: аспирант, Институт археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, Российская Федерация).

Рахматуллин Наиль Равильевич: врач, судебно-медицинский эксперт высшей квалификационной категории, Республиканское бюро судебно-медицинской экспертизы Министерства здравоохранения РТ, Альметьевское межрайонное судебно-медицинское отделение (г. Альметьевск, Российская Федерация).

Таблица 1
**ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ ЧЕРЕПОВ
 ИЗ ЗАХОРОНЕНИЙ МАВЗОЛЕЯ НА МАЛОМ ГОРОДКЕ**

Признаки:	Погр. 1	Погр. 2	Погр. 3	Погр. 5
Пол	М.	Ж. ?	М.	М.
Возраст (лет)	30–40	maturus	40–50	maturus
1. Продольный диаметр	167.0	–	181.0	182.0
8. Поперечный диаметр	150.0	–	141.0	141.0
17. Высотный диаметр	137.0 ?	–	145.0	–
5. Длина основания черепа	98.0	–	107.0	–
9. Наим. ширина лба	95.0	–	95.0	94.0
10. Наиб. ширина лба	127.0	–	118.0	124.0
11. Ширина основ. черепа	129.0	–	126.0	129.0
12. Ширина затылка	112.0	–	112.0	114.0
29. Лобная хорда	109.0	–	108.0	108.0
30. Теменная хорда	104.0	–	119.0	124.0
31. Затылочная хорда	90.0	–	99.0	91.0
24. Поперечная дуга	320.0	–	325.0	328.0
25. Сагиттальная дуга	350.0	–	372.0	365.0
26. Лобная дуга	120.0	–	115.0	120.0
27. Теменная дуга	120.0	–	132.0	135.0
28. Затылочная дуга	107.0	–	125.0	108.0
7. Длина затылочного отверстия	38.0	–	38.0	–
16. Ширина затыл. отверстия	33.0	–	25.0	–
Высота изгиба лба	21.2	–	20.3	25.0
Высота изгиба затылка	22.8	–	30.8	23.5
45. Скуловой диаметр	133.0	–	127.0	130.0 ?
40. Длина основания лица	91.0	–	99.0	–
48. Верхняя высота лица	80.0	–	72.5	75.0 ?
47. Поная высота лица	132.0	–	121.0	122.0 ?
43. Верхняя ширина лица	105.0	–	102.0	101.0
46. Средняя ширина лица	87.0	–	93.0	–
60. Длина альвеолярной дуги	–	–	54.0	–
61. Ширина альвеолярной дуги	–	–	66.0	–
62. Длина неба	–	–	44.0	40.0
55. Высота носа	57.0	–	57.0	54.0
54. Ширина носа	24.0	–	25.0	23.0 ?
51. Ширина орбиты от мф.	40.5	–	44.0	42.0 (пр.)
52. Высота орбиты	35.0	–	34.0	32.0 (пр.)
20. Ушная высота	115.0	–	119.0	122.0
77. Назомалярный угол	137.6	–	133.1	140.0
Zm. Зигомаксиллярный угол	120.1	–	110.8 !	–

SS. Симотическая высота	6.2	–	6.2	5.5
SC. Симотическая ширина	8.9	–	12.2	8.0
DS. Дакриальная высота	–	–	12.1	–
DC. Докриальная ширина	–	–	21.0	–
Глубина клыковой ямки	7.3	–	5.7	4.2
Выс. изгиба скул. кости	–	–	10.3	–
Ширина скуловой кости	–	–	58.0	–
32. Угол профиля лба	75.0	средний	79.0	85.0
72. Общий лицевой угол	85.0	–	81.0	81.0 ?
73. Средний лицевой угол	87.0	–	81.0	83.0 ?
74. Угол альвеолярной части	83.0	–	70.0	74.0 ?
75(1). Угол выступания носа	30.0	большой	33.0	22.0 ?
68(1). Длина нижней челюсти	106.0	–	100.0	–
79. Угол ветви нижней челюсти	136.0	–	113.0	–
68. Длина нижней челюсти от углов	76.0	–	86.0	–
70. Высота ветви	68.0	–	72.0	-
71а. Наим. ширина ветви	34.0	32.0	33.0	32.0
65. Мыщелковая ширина	125.0	–	117.0	–
66. Угловая ширина	106.0	–	101.0	99.0
67. Передняя ширина	50.0	47.0	49.0	45.0
69. Высота симфиза	39.0	37.0 ?	32.0	34.0
69(1). Высота тела	37.0	37.0	32.0	29.0
69(3). Толщина тела	12.0	12.0	13.0	12.0

Описательные признаки:

Форма черепа сверху	Сфероид	–	Эллипсоид	Эллипсоид
Надпереносье (1–6)	3.0	3.0	2.5	2.5
Надбровные дуги (1–3)	2.0	2.0	2.0	1.5
Наружный затылочный бугор (0–5)	3.0	3.0	3.5	2.0
Сосцевидный отросток (1–3)	3.0	2.5	3.0	2.5
Нижний край грушевидного отверстия	F.Pr.	–	Antr.	Antr.
Передненокосовая кость (1–5)	3.0	–	5.0	3.0

Указатели:

8:1. Черепной	89.8	–	77.9	77.5
17:1. Высотно-продольный	82.0	–	80.1	–
17:8. Высотно-поперечный	91.3	–	102.8	-
9:8. Лобный	63.3	–	67.4	66.7
40:5. Выступания лица	92.9	–	92.5	–
48:45. Верхнелицевой	60.2	–	57.1	57.7
54:55. Носовой	42.1	–	43.9	42.6
52:51. Орбитный	86.4		77.3	76.2
SS:SC. Симотический	68.7		50.8	66.8
DS:DC. Дакриальный	–		57.6	–

Таблица 2

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСТЕОМЕТРИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ ПОСТКРАНИАЛЬНЫХ СКЕЛЕТОВ ИЗ ЗАХОРОНЕНИЙ МАВЗОЛЕЯ НА МАЛОМ ГОРОДКЕ

Раскол/погребение		СХСVII/1		СХСVII/3		СХСVII/5	
Признак по Мартину	Сторона	Правая	Левая	Правая	Левая	Правая	Левая
		Плечевая кость					
1. Наибольшая длина		317,5	316	332	326,5	–	–
2. Общая длина		315	313	328	324	–	–
3. Верх. эпифиз. ширина		51	–	57	56	–	50,5
4. Ниж. эпифиз. ширина		62,5	58,5	64	–	–	–
5. Наиб. d сер. диафиза		22	22	22,5	22	20	20,5
6. Наим. d сер. диафиза		18,5	18	18,5	18,5	17	18
7. Наим. окруж. диафиза		63	64	59	59	53	53
7а. Окружн. сер. диафиза		68	66	60	60	54	54
6:5. Указ. попер. сечения		0,84	0,82	0,82	0,84	0,85	0,88
7:1. Указатель массивности		0,20	0,20	0,18	0,18	–	–
Плечевая кость							
Лучевая кость							
1. Наибольшая длина		–	234	251	250	–	226
2. Суставная длина		–	223,5	241	240	120,5	216
4. Попер. d диафиза		–	16	16,5	15,5	14,5	16

5. Сагитт. d диафиза	–	12	14	13	10,5	11
3.Наим. окружн. диафиза	–	36	38	38	35	34,5
3:2. Указатель массивности	–	0,16	0,16	0,16	0,29	0,16
5:4. Указ. попер. сечения	–	0,75	0,85	0,84	0,72	0,69
<i>Локтевая кость</i>						
1. Наибольшая длина	–	–	272	267	–	–
2. Суставная длина	221,5	222	237	231,5	–	215
11. Сагитт. d диафиза	14,5	17,5	20	17	14	14
12. Попер. d диафиза	10,5	14,5	14,5	14,5	11,5	12
13. Верх. попер. d	19,5	18	–	–	–	18
14. Верх. сагитт. d	–	25,5	–	–	–	26
3. Наим. окружн. диафиза	–	35	30	30	25	26
3:2. Указатель массивности	–	0,16	0,13	2	–	0,12
11:12. Указ. попер. сечения	1,38	1,20	1,38	1,13	1,22	1,16
13:14. Указ. платолении	–	0,70	–	–	–	1
<i>Ключица</i>						
1. Наибольшая длина	–	152	152	156	–	–
6. Окружн. сер. диафиза	35	34	34	34	31,5	30
6:1. Указатель массивности	–	0,22	0,22	0,22	–	–
<i>Лопатка</i>						
1. Морфологическая ширина	–	–	–	–	–	–
2. Морфологическая длина	–	–	–	–	–	–

2:1. Указатель формы	-	-	-	-	-	-	-	-
Бедренная кость								
1. Наибольшая длина	-		433,5	447		447	395	-
2. Длина в ест. положении	-		432	444		444	390	-
21. Мышелковая ширина	-		82	87,5		86	76	-
6. Сегитт. d сер. диафиза	32		30	26,5		28	30,5	-
7. Попер. d сер. диафиза	27,5		26,5	31		31	25,5	-
9. Верх. попер. d диафиза	25		30	33,5		33,5	27,5	-
10. Верх. сегитт. d диафиза	30,5		30	28,5		27,5	26,5	-
8. Окружн. сер. диафиза	85		83,5	84		84	80	-
8:2. Указатель массивности	-		0,19	0,19		0,19	0,21	-
6:7. Указатель пилястрии	1,16		1,13	0,85		0,90	1,20	-
10:9. Указ. платимерии	1,22		1	_0,85		0,82	0,96	-
Большая берцовая кость								
1. Общая длина	-		-	380		380	-	-
1а. Наибольшая длина	-		356	381		380	-	-
3. Наиб. шир. верх. эпифиза	-		-	-		84	-	-
6. Наиб. шир. ниж. эпифиза	-		-	56		54	-	-
8. Сегитт. d сер. диафиза	26		26	29		31	-	-
8а. Верх. сегитт. d	32		29,5	34		36	-	-
9. Попер. d сер. диафиза	27		26,5	22,5		23	-	-
9а. Верх. попер. d	31,5		32,5	26		26	-	-

10. Окружн. сер. диафиза	68	68	77	78	-	-
9a:8a. Указ. платикнемии	0,98	1,10	0,98	0,72	-	-
<i>Малая берцовая кость</i>						
1. Наибольшая длина	-	-	-	379	-	-
<i>Крестец</i>						
2. Передняя прямая длина	-	128	-	-	-	-
5. Передняя прямая ширина	119,5	119	-	-	-	-
1. Дуговая длина	-	129	-	-	-	-
<i>Таз</i>						
1. Высота таза	210,5	215	216,5	214,5	-	-
23. Сагитт. d входа в малый таз	105	106,5	-	-	-	-
24. Попереч. d входа в малый таз	125,5	123,5	-	-	-	96
2. Наибольшая ширина таза	235	263	-	-	-	113
1:2. Выотно-широтный указатель	0,90	0,91	0,82	0,82	-	-
23:24. Указатель входа в малый таз	0,84	0,86	-	-	-	0,85
<i>Индексы пропорций</i>						
Интермембральный указатель	-	-	0,70	0,70	-	-
Лучеплечевой указатель	-	0,74	0,76	0,77	-	-
Берцовобедренный указатель	-	0,82	0,86	0,86	-	-
Плечевобедренный указатель	-	0,73	0,75	0,74	-	-
Лучеберцовый указатель	-	-	0,66	0,66	-	-

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

---

1. Айдаров С. С. Архитектурное исследование руин соборной мечети в Великих Болгарах // Поволжье в Средние века. М., Наука, 1970. С. 39–56.
2. Айдаров С. С. Архитектурное исследование руин здания караван-сарая в Биляре // Исследования Великого Города. Наука, 1976. С. 101–112.
3. Аравия. Материалы по истории открытия. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1981. – 368 с.
4. Арутюнян В. М. Караван-сарай и мосты средневековой Армении. Ереван, 1960. (на армянском языке).
5. Архитектурные чертежи развалин древних Болгар. Сняты с натуры архитектором А. Шмитом. 1827 г. Грав. В. Турин. М., 1832.
6. Амин аль-Холи. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. М., Изд-во вост. литературы, 1962. – 40 с.
7. Басилов В. Н. Культ святых в исламе. М., Мысль. 1970. 144 с.
8. Беляев Л. А. Отчет об исследованиях Болгарского городища в 1983 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 9600, 9602, т. III.
9. Беляев Л. А. Отчет об исследованиях Болгарского городища в 1983 г. Р-1, № 10709, т. III.
10. Беляев Л. А. Архитектурно-археологический памятник XIV века в Болгарском государственном историко-архитектурном заповеднике // АНР. Вып. 2. / Под общей редакцией В. М. Дворяшина. М.: Объединение «Росреставрация», 1986. С. 127–142.
11. Беляев Л. А. Проблемы интерпретации и реконструкции археологических памятников Поволжья // АНР / Редсовет: Г. С. Андреев и др. Вып. 4. М.: Объединение «Росреставрация», 1990а. С. 49–79.
12. Беляев Л. А. Булгар: Малый городок – архитектурный ансамбль XIV века. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990 б. 15 с.
13. Беляев Л. А. Малый городок как памятник архитектуры и строительного искусства Великого Болгара XIV века // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство / Отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 2001. С. 261–294. (Переиздано: Беляев Л. А. Малый городок // Великий Болгар. / Науч. ред. А. Г. Ситдилов. М.; Казань: Феория, 2013. С. 262–269).
14. Беляев Л. А., Елкина И. И. Мавзолеи Болгарского городища // Институт археологии РАН. Новые экспедиции и проекты / Под ред. академика Н. А. Макарова. М.: ИА РАН, 2015. С. 106–107.

15. *Беляев Л. А., Елкина И. И., Лазукин А. В.* Археологические исследования на территории Болгарского городища Спасского района Республики Татарстан в 2012–2013 гг. // АО 2010–2013. / Отв. ред. В. Н. Лопатин. М.: Изд-во ИА РАН, 2015. С. 452–454.
16. *Беляев Л. А., Елкина И. И., Лазукин А. В.* Новые исследования на территории Малого городка Болгара // Поволжская археология. № 2 (16) 2016. С. 151–163.
17. *Бижанов Е. Лоховиц В.* Устюртский торговый путь из Хорезма в Восточную Европу и Поволжье // Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР. 1969. № 2 (36). Нукус. С. 52–59.
18. *Бретаницкий Л. С.* М.-Л.: Искусство, 1970. 246 с.
19. *Бретаницкий Л. С., Веймарн Б. В.* Искусство Азербайджана IV–XVIII вв. М.: Искусство, 1976. 272 с., с илл.
20. *Бродель Ф.* Структуры повседневности: возможное и невозможное : М.: Прогресс, 1986. – 622 с. : ил.
21. *Башкиров А. С.* Памятники булгаро-татарской культуры на Волге. Казань: Академический Центр Татаркомпроса, НИИ этнических и национальных культур народов Востока СССР, 1928/1929. – 120 с.
22. *Васильев Д. В.* Ислам в Золотой Орде : историко-археологическое исследование. – Астрахань : ИД «Астраханский университет», 2007. – 191 с.
23. *Васильев Д. В.* Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде (археолого-статистическое исследование). – Астрахань : ИД «Астраханский университет», 2009. – 179 с.
24. *Васильев Д. В.* Мусульманские мавзолеи Золотой Орды – культурно-исторический феномен // Ислам в Волго-Камье и Предуралье: ранние страницы истории: мат-лы Всероссийской научной конференции с международным участием / под ред. А. М. Белафина. – Пермь : Изд-во ПГ ГПУ, 2012. – С. 52–61.
25. *Веймарн Б. В.* Искусство арабских стран и Ирана VII–XVII веков. М. : Искусство, 1974. – 187 с., [80] л. цв. фот., ил.
26. *Вишневская О. А.* Раскопки караван-сараяв Ак-Яйла и Талайхан-ата //ТХАЭЭ. 1958. Т.П. С. 431–436.
27. *Губайдуллин А. М.* О строительстве оборонительных сооружений Болгарского городища в золотоордынский период // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Мат-лы Седьмой международной конференции ... памяти Г. А. Федорова-Давыдова. Казань-Ялта-Кишинев, 2016. С. 111–112.
28. *Егерев В. В.* Ближайшие работы по изучению и охране архитектурных памятников древних Болгар // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Казань, 1927. Вып. 1.
29. *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.: 1 л. карт.
30. *Елкина И. И., Лазукин А. В., Беляев Л. А.* Раскопы СХСVII, СХСVIIIa и СХСVIIIb // Археологические исследования 2013 г.: Болгар и Свияжск. Казань, 2014. С. 22–24.
31. *Елкина И. И.* Отчет об археологических раскопках на территории Болгарского городища Спасского района Республики Татарстан в 2015 году. Т. 1–2. Раскоп СХСVII (Малый городок).
32. *Елкина И. И.* Отчет об археологических раскопках на территории Болгарского городища Спасского района Республики Татарстан в 2015 году. Том 1. Раскоп ССXIII (Малый городок).
33. *Зиливинская Э. Д.* Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды. / Э. Д. Зиливинская. – Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2011. – 252 с.

34. Зиливинская Э.Д. К вопросу о формировании погребальных сооружений населения Нижнего Поволжья в золотоордынское время. // Э.Д. Зиливинская. // Вестник Московского университета. – 2009. – Серия 8, История. – № 2. – С. 119–140.
35. Зиливинская Э.Д. Минареты Золотой Орды / Э.Д. Зиливинская. // Российская археология. – 2010. – № 2. – С. 98–111.
36. Зиливинская Э.Д. Медресе и ханака в Золотой Орде (по письменным источникам и археологическим данным). / Э.Д. Зиливинская. // Проблемы истории, филологии и культуры. – Москва-Магнитогорск-Новосибирск. – 2011. – № 2. – С. 129–151.
37. Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Часть I. Культовое зодчество: Монография. – Казань: Отечество, 2014. – 228 с.
38. Ибн Джубайр. Путешествие. М.: Наука, 1984. 295 с.
39. Ибрагимов Б.И. Средневековый город Киран. Баку-Москва, 2000. 166 с.
40. Извлечение из отчета о раскопках в Казанской губернии // Отчет императорской Археологической комиссии за 1893 год. СПб., 1895.
41. Кирилло В.П. Крымский контекст золотоордынской архитектуры в научных трудах современных исследователей // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Мат-лы Седьмой международной конференции ... памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань-Ялта-Кишинев, 2016. С. 279–283.
42. Книга тысячи и одной ночи. Т. 5. М., 1959.
43. Коваль В.Ю., Русаков П.Е. О фортификации Болгарского городища в XIV в. // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Мат-лы Седьмой международной конференции ... памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань-Ялта-Кишинев, 2016. С. 118–120.
44. Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV веков (к проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур). Казань: Институт истории АН РТ, 2002. 383 с.
45. Краснов Ю.А. Оборонительные сооружения города Болгара // Город Болгар: Очерки истории и культуры. М., 1987. С. 112–114.
46. Лапиров-Скобло М.С. Портал развалин караван-сарая на городище Таш-кала в Куны-Ургенче // Труды Хорезмской археологической экспедиции. 1958. Т. II. С. 529–542.
47. Лев Африканский. Африка – третья часть света. Л.: Наука, 1983. 512 с., илл.
48. Мец А. Мусульманский Ренессанс. М., 1973.
49. Манылов Ю.П. Археологическое исследование караван-сарая Центрального Устюрта // Археология Приаралья. Ташкент, 1982. Вып.1. С. 95–102.
50. Мурадов В.Г. Градостроительство Азербайджана XIII–XVI вв. – Баку: Элм, 1984. 132 с.
51. Насир-и-Хусрау. Сафар-намэ (Книга путешествия). М.-Л., Academia, 1933. – 211 с. 10 ил. + 6 карт.
52. Невоструев К.И. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской // Труды I Археологического съезда в Москве. М. 1871. Т. 2., 127 с.
53. Новаковская С.М. Каменотесное дело Владимиро-Суздальской Руси в XI–XIII вв. // СА. 1986. № 3. С. 72–84.
54. Пилявский В.Н. Куны-Ургенч. Л.: Стройиздат, 1974. 72 с.
55. Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М.: Акад. наук СССР, 1958. – 492 с., 4 л. ил.

56. Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана. М.: Искусство, 1965 — 688 с.
57. Пугаченкова Г. А. Термез. Шахриябз. Хива. М.: Искусство, 1976. 207 с.
58. Ремпель Л. И. Далекое и близкое. Ташкент: Изд. литературы и искусства, 1981. — 304 с.
59. Руденко К. А. Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии. Казань: Заман, 2003. — 512 с.
60. Сиасет-намэ: Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька / Пер., введение в изучение памятника и примеч. Б. Н. Заходера. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. — 379 с.
61. Сидорова Н. А., Стародуб Т. Х. Города Сирии. Серия «Города и музеи мира». М., Искусство, 1979. — 231 с. с илл.
62. Смирнов А. П. Отчет объединенной Болгарской археологической экспедиции ГИМа, ИИМК АН СССР, Гос. Татарского Музея Казанского филиала АН СССР. М. 1947 // Архив ИА РАН, Р-1, № 49.
63. Смирнов А. П. Волжские Булгары. М.: Труды Государственного исторического музея. Выпуск XIX, 1951. 295 с.
64. Смирнов А. П. Основные этапы истории города Болгара // МИА. № 4. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 317–318.
65. Смолин В. Ф. По развалинам древнего Болгара. Казань, 1926., 88 с.
66. Собрание карт, планов и рисунков к трудам Первого археологического съезда. М., 1871. — 77 л. илл.
67. Сиасет-Намэ. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька. М.-Л.: Изд-во Академия наук СССР, 1949. — 380 с.
68. Материалы для этнографии России: Казанская губерния. Казань, 1870. Т. 1.
69. Шпилевский С. М. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань. Изд-во «Университетская типография», 1877. 620 с.
70. Халиков А. Х., Шарифуллин Р. Ф. Караван-сарай древнего Биляра // Исследования Великого города. М., 1976. С. 75–100.
71. Халпахчян О. Х. Караван-сарай Армении // Архитектурное наследство. Выпуск 11. М., 1958, 209 с.
72. Хлебникова Т. А. Археологические исследования мавзолеев города Великие Булгары в 1966 г. // Поволжье в Средние века. М.: Наука, 1970. С. 57–67.
73. Хлебникова Т. А. Отчет об исследованиях Болгарского городища в 1981 г. Раскопы LXXVIII–LXXIX. Казань, 1982 // Архив ИА РАН, Р-1, № 8520.
74. Хованская О. С. Оборонительная система города Болгара // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1958. № 61. С. 316–329.
75. Ходжаш С. И. Каир. М.: Искусство, 1975. 184 с.
76. Шмит А. Архитектурные чертежи развалин древних Болгар. Сняты с натуры архитектором А. Шмитом. 1827 г. Грав. В. Турин. М., 1832.
77. Belyaev L. A. The Small Town // Great Bolgar. Kazan, 2015. P. 258–267.
78. Erdmann K. Das Anatolische Karavansaray des 13. Jahrhunderts. Bd. 1–3. Berlin: Verlag Gebr. Mann, 1961–1976 (Istanbuler Forschungen. Bd. 21/1–2, Bd. 31/3).

Институт археологии им. А. Х. Халикова
Академии наук Республики Татарстан
Институт археологии Российской академии наук

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ
БОЛГАРСКОГО ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО КОМПЛЕКСА

ТОМ I

БЕЛЯЕВ Л. А., ЕЛКИНА И. И., ЛАЗУКИН А. В.

МАЛЫЙ ГОРОДОК:
ИССЛЕДОВАНИЯ 1981—1984
И 2011—2015 ГОДОВ

Макет: Коловершина К.
Верстка: Лазарев А.
Корректор Болотина Н.

Подписано в печать 03.02.2018
Тираж 1000 экз.

Отпечатано в ООО «Поволжье-НН»
Россия, 603074, г. Н. Новгород, ул. Шаляпина, д. 2а
Тел.: +7(831) 275-14-04